
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2015/3-4

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2015

Редакционный совет:

проф. д-р Валентина Аврамова, проф. д-р Ренета Божанкова, проф. д-р Гочо Гочев, проф. д-р Стефка Георгиева, доц. д-р Стефка Калева.

Международный редакционный совет:

проф. д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котнорова (Россия)
проф. д-р Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д-р Петр Буняк (Сербия)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)
доц. д-р Катажина Воян (Польша)

Редакционная коллегия:

доц. д-р Илиана Вladoва (главный редактор), доц. д-р Ирина Захариева (зам.гл. редактора), доц. д-р Димитрина Лесневска (зам. гл. редактора), проф. Елена Стоянова, доц. д-р Христо Манолакев, Екатерина Солнцева-Накова (отв. секретарь), Радослава Лесневска (технический редактор).

ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Мария Павловна Котюрова</i> <i>Людмила Вениаминовна Кушнина</i> О (НЕ)ВОСТРЕБОВАННОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ	7
<i>Екатерина Николаевна Виноградова</i> <i>Валерия Львовна Чекалина</i> ЛИЦОМ К ПРЕДЛОГАМ (О ПРЕДЛОГАХ И ИХ АНАЛОГАХ В БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ).....	25
<i>Римма Аркадьевна Спасова</i> СИМВОЛИКА АЛЛЕГОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	38
<i>Светлана Владимировна Коростова</i> К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СРЕДСТВ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	48
<i>Екатерина Солнцева-Накова</i> ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И НАУЧНЫЕ ТЕКСТЫ	59
<i>Елена Алексеевна Филатова</i> ИДИОМЫ С ФОРМАЛЬНЫМ ИМПЕРАТИВОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	66

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Ирина Петровна Захариева</i> БЕЛЛЕТРИЗАЦИЯ МЕМУАРНОГО «ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА» В РОМАНЕ МИХАИЛА ЗЕНКЕВИЧА «МУЖИЦКИЙ СФИНКС»	77
<i>Йосиф Наумович Мороз</i> О ДЕМОНИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ В СКАЗКАХ А.С.ПУШКИНА.....	93
<i>Олег Викторович Московский</i> ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС ПОЭМЫ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН».....	105
<i>Светлана Владимировна Коростова</i> О НРАВСТВЕННОЙ ДОМИНАНТЕ РАННИХ РАССКАЗОВ.....	115
А.П. ЧЕХОВА И М.А. ШОЛОХОВА	115
<i>Атанаска Симеонова Методиева</i> ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ АННЫ БАРКОВОЙ КАК ЗЕРКАЛО ЦЕННОСТЕЙ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ	124

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Галия Мултаевна Бадагулова</i> СИМВОЛ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	132
<i>Ольга Васильевна Макарова</i> КОДЫ КУЛЬТУРЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЕДИНИЦ АРХИТЕКТУРНО-ДОМОУСТРОИТЕЛЬНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ).....	144

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Наталья Павловна Андриюшина, Ирина Николаевна Афанасьева, Лариса Анатольевна Дунаева, Любовь Павловна Клобукова, Лидия Васильевна Красильникова, Ирина Иосифовна Яценко.</i>	
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ЛЕКСИЧЕСКОГО МИНИМУМА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ. III СЕРТИФИКАЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ. ОБЩЕЕ ВЛАДЕНИЕ»	154
<i>Елена Генриховна Тарева</i>	
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД КАК ИННОВАЦИОННАЯ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ.....	165
<i>Наталья Семеновна Стенина</i>	
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ	175
<i>Татьяна Васильевна Терзиева</i>	
<i>Надежда Стойкова Стойкова</i>	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ	186
ВО ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ-РУСИСТАМИ ШУМЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	186
<i>Илка Любенова Бирова</i>	
ИГРА И ИГРОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ РКИ	195
<i>Наталья Пятрасовна Дмитренко</i>	
СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОШИБОК В ТВОРЧЕСКИХ ПИСЬМЕННЫХ РАБОТАХ (РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ) .	205

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

<i>Виктория Гочева Кынева</i>	
КОРПУС ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ РУССКИХ И БОЛГАРСКИХ ТЕКСТОВ И ЕГО РОЛЬ ДЛЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА	216

РЕЗЕНЗИИ

<i>Алексей Борисович Арсеньев</i>	
Маргарита Каназирска. ПОСЛЕ РОССИИ: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В БОЛГАРИИ.....	226
<i>Биляна Марич</i>	
НОВЫЕ ИЗДАНИЯ СЕРБСКИХ РУСИСТОВ.....	242
<i>Димитрина Спасова Лесневска</i>	
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ:	247

Димитрина Спасова Лесневска

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: «ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ».....	251
---	-----

ХРОНИКА

Атанаска Симеонова Методиева

О СОСТОЯНИИ РУСИСТИКИ В НЕСКОЛЬКИХ СТРАНАХ.....	255
ХIII КОНГРЕСС МАПРЯЛ.....	265

Татьяна Вячеславовна Марченко

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОРУМ «ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ»	268
--	-----

Любовь Ивановна Гезенко-Берова

ВТОРОЙ ВЕНСКИЙ ФОРУМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУСИСТОВ.....	275
---	-----

Цветана Христова Ралева

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДЕЛОВОМУ ПЕРЕВОДУ	278
--	-----

Марлена Зимна

МУЗЕЙ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО И ИНСТИТУТ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО В КОШАЛИНЕ /ПОЛЬША/.....	283
--	-----

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОГО ИНТЕРНЕТА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ПРЕДМЕТОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ЦИКЛА	291
---	-----

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ

Илияна Бозарова

ИЗ ИСТОРИИ 35-ОЙ ГИМНАЗИИ В СОФИИ.....	293
--	-----

ЮБИЛЕИ

Г.Н. Гочев, С.П. Гочева

ДОКТОРУ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ СТЕФАНЕ ПЕТРОВОЙ ДИМИТРОВОЙ 80 ЛЕТ	296
---	-----

IN MEMORIAM

Цветана Ралева

КОНСТАНТИН ПОПОВ (1923 – 2015).....	300
-------------------------------------	-----

Ярослав Вежбиньски

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА ПОПОВА!	303
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	306
----------------------------------	------------

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ	310
---	------------

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА	313
-------------------------------------	------------

Уважаемые читатели!

Предлагаем Вашему вниманию настоящий выпуск журнала «Болгарская русистика» в новом формате. Статьи снабжены аннотациями и ключевыми словами на русском и английском языках. Каждая статья снабжена также резюме и ключевыми словами на болгарском языке, составленными редколлекцией.

В этом выпуске мы представляем Вам новую рубрику «История изучения русского языка в Болгарии». В рамках этой рубрики мы познакомим Вас с многолетней историей распространения русского языка в Болгарии.

Мы благодарим наших зарубежных коллег за участие с материалами в настоящем выпуске. Они с готовностью откликнулись на наше приглашение и выслали нам интересные и очень актуальные материалы. Кроме болгарских русистов (София, Благоевград, Велико-Тырново, Шумен) в данном выпуске принимают участие русисты из России (Москва, Нижний Новгород, Пермь, Ростов-на-Дону), Казахстана (Алматы), Польши (Кошалин, Лодзь), Сербии (Белград, Нови-Сад), Тайваня – КНР (Тайбэй).

На страницах настоящего выпуска Вы познакомитесь с новейшими проблемами русистики в области лингвистики, литературоведения, лингвокультуроведения, методики, перевода. В рубрике «Хроника» Вы найдете интересный материал о недавно прошедших форумах русистов, рубрика «Рецензии» отражает новые монографии русистов, комментирует новые сборники с материалами прошедших конференций преподавателей русского языка.

Журнал «Болгарская русистика» выходит в свет благодаря поддержке Фондации «Славяне» и Федерации дружбы с народами России и СНГ.

Редколлекция

ЛИНГВИСТИКА

Мария Павловна Котюрова

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия

Людмила Вениаминовна Кушнина

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермь, Россия

О (НЕ)ВОСТРЕБОВАННОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые причины невостребованности текстов – как научных, в том числе переводных, так и художественных: социально-научные, гносеологические, переводоведческие, эстетические. К причинам невостребованности текстов относятся такие, как информационный бум, неумение выразить научную информацию в виде эпистемической ситуации как смысловой единицы научного текста; негармоничный, нередко неточный перевод в научных текстах - компонентов эпистемической ситуации, а в художественных – текстовых единиц, способствующих конкретизации художественного образа.

Ключевые слова: научный текст, научное знание, эпистемическая ситуация как смысловая единица текста, перевод научного текста.

Maria Pavlovna Kotyurova

Perm State National Research University

Perm, Russia

Liudmila Veniaminovna Kushnina

Perm National Research Polytechnic University

Perm, Russia

ABOUT DEMAND (ABSENCE OF DEMAND) FOR SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Abstract: The article deals with some causes explaining the absence of demand for text both scientific one including its translation, and literary text: socially-scientific, epistemological, translational, aesthetic. Following factors are classified as causes of absence of demand for texts: information boom,

absence of knowledge how to present scientific information as epistemic situation being a scientific text conceptual unit, absence of harmony and sometimes absence of accuracy for elements of epistemic situation in translation of scientific texts and speaking about literary texts it is a lack of harmony and accuracy for text elements concretizing an imagery.

Keywords: scientific text, scientific knowledge, epistemic situation as a text conceptual unit, translation of scientific text.

Общая формула «деятельность – технология – ценность» соответствует, можно сказать, разным видам интеллектуальной творческой деятельности. В отношении речевой деятельности существенно отметить, что одна из ее основных характеристик – стиль – не только мыслится «как отражение разных форм человеческой деятельности» [Гаузенблас 1967], но и трактуется «как речевая технология» [Коньков 2013: 132]. Мы ограничиваем задачу рассмотрением речевой деятельности лишь в некоторых областях, а именно в научной, эстетической (писательской, причем художественно-творческой, а не *соответствующей* новой, сугубо современной специальности «технического писателя») и переводческой деятельности.

Всегда ли составляющие названного комплекса выступают в *единстве*? Этот вопрос актуализировала парадоксальная для Пермской стилистической школы (основное внимание пермских стилистов уделяется научному, официально-деловому и художественному стилям) статья известного саратовского ученого, профессора Вадима Викторовича Дементьева, который пришел к следующему заключению: «распространенное пессимистическое мнение, что... в современном российском обществе наука, ученые, научная деятельность не востребованы, не авторитетны, не престижны, ... не вполне подтверждается картиной, рисуемой в анекдотах: по их «данным», научная деятельность и ее результаты ... в довольно высокой степени востребованы» [Дементьев 2014: 209]. Рассмотрим данное противоречие – между реальностью и оценкой, представленной в анекдотах. Уточним, что речь пойдет не о *научной деятельности*, а об *ее результате* – *научном знании*. (На наш взгляд, слабое стремление талантливой (!) молодежи к научной деятельности в современном обществе имеет сугубо социальные причины, которые

не рассматриваем, признавая свою некомпетентность, обусловленную пределами профессии).

Нас интересуют прежде всего вопросы о не востребованности научного знания, ее причинах и последствиях в научно-познавательной сфере человеческой деятельности. К основным причинам, как мы считаем, относятся: в области научного знания – прежде всего *социально-научная*, связанная с огромным ростом количества научных работников. З.И. Комарова приводит данные из литературы: «Если с конца XVIII в. до начала XX в. развитие мировой науки обеспечивали 15 тысяч ученых, до середины XX столетия – 400 тысяч, то в настоящее время более 3 млн. научных работников, а на сегодняшний день – 12 млн. ... За последние 30 лет создано 70 % знаний человечества, полученных за всю историю его существования, поэтому численность ученых удваивается каждые 12 – 15 лет» [Комарова 2012: 83]. Эти данные свидетельствуют о неизбежном информационном буме, объясняющем девальвацию современного научного знания.

Другой причиной не востребованности научного знания можно считать *гносеологическую*, связанную с неумением **превращать информацию в научное знание**. Так, неумение способствовать превращению зафиксированной в тексте информации в научное знание, т.е. формировать эпистемическую ситуацию [Котюрова 1988], препятствует вхождению того или иного открытия в общий фонд научного знания, значит, открытие определенно окажется не востребуемым. При расширении объема (увеличении количества предметов) объекта исследования, а также познавательном углублении, движении к сущности явлений, приводящем к сужению научно-познавательной компетенции, такое умение способствовать превращению информации в научное знание представляется как раз весьма необходимым для эффективного развития научного знания.

На наш взгляд, путь превращения информации в научное знание можно представить в виде формирования важнейшей смысловой единицы научного текста, названной *эпистемической ситуацией*. В отношении беспредельно обширного научного знания ограничимся рассмотрением данной смысловой единицы научного текста. По нашему мнению, под эпистемической ситуацией можно

понимать квант мысли как единство трех аспектов – онтологического (о чем знание?), методологического (как получено знание?) и аксиологического (какую имеет ценность в плане актуальности, достоверности, значимости и т.д.) [Котюрова 1988], [Очерки 1996]. Естественно, что знание, представленное в виде текста, можно рассматривать и в коммуникативном аспекте [Баженова 2001]. Здесь особенно важно подчеркнуть, что эпистемическая ситуация именно в единстве всех аспектов представлена отнюдь не всегда. И это, несомненно, затрудняет восприятие и дальнейшее использование научного знания читателями, которые могли бы стать последователями данного автора. Что необходимо для облегчения восприятия не просто содержания текста, а содержания текста как научного знания? На наш взгляд, необходимо представить предмет мысли (его онтологический аспект) «в одежке» (известно же: встречают по одежке), т.е. в методологической обертке (таких оберток немало: понятие, дефиниция, классификация, типология, концепция...; анализ, синтез, моделирование...; идея, гипотеза, аргументы, вывод...).

Мы будем исходить из того, что эпистемическая ситуация как текстовая смысловая единица предстает перед читателем в большинстве случаев не в полном объеме, нередко (если не сказать обычно) методологическая и аксиологическая характеристики опускаются, актуализируется лишь номинация предмета мысли (онтологическая сторона познавательной ситуации). Важно подчеркнуть, что все компоненты эпистемической ситуации в совокупности концентрируются в определенных фрагментах текста целого произведения (статьи, монографии и др.) – в заголовке (оглавлении), аннотации, при введении основных, развиваемых в данном тексте понятий, в обобщающих частях, выводах, заключении.

Приведем примеры полного (информативного в научно-познавательном отношении) описания *эпистемической ситуации* (ЭС) в заголовках статей, диссертаций и монографий – жанров, наиболее востребованных исследователями (компоненты ЭС зафиксируем следующим образом: онтологический – светлым шрифтом, **методологический** – **полужирным курсивом**, аксиологический – светлым курсивом).

Заголовки статей: Континуальность/дискретность – *стилевая черта* дискурса (ср. также: *характер, признак, свойство, особенность, измерение, параметр*); Дискурсивно-стилистический *анализ* текста; Лингвокогнитивный *анализ* дискурса: понятийно-терминологический *аппарат*; Текст *в перспективе* (ср. также: *происхождение, становление, история, изменения, динамика*) стилистики и дискурс-*анализа* (ср. также: *сравнение, сопоставление, сходство, различия*): к *методологии* исследования на *материале* новостного медиадискурса; Медиастилистика в Украине: *проблемы* (ср. также: *идеи, гипотезы, концепции, теории, законы*) и перспективы развития; Россия в 2012 *сквозь призму* (ср. также: *«под зонтиком», в аспекте, в кругу, в лингвопрагматике, как категория, как медиатор, в качестве* и др.).

Названия диссертаций: Структурные и функциональные *особенности* анафонических *феноменов* в стихотворной речи; Жанрово-стилистическая *матрица* современного рассказа-анекдота как результат межтекстовой деривации.

Как видим, приведенные (как и многочисленные неприведенные) названия статей и диссертаций свидетельствуют лишь об определенном, неполном информировании читателя о проведенном автором исследовании, т.е. об эпистемической ситуации, эксплицированной в тексте целого произведения. Именно в такой неполной экспликации эпистемической ситуации мы видим одну из важнейших причин неуспешных, т.е. не востребованных социумом, публикаций. Почему? Во-первых, вполне можно предположить, что неполнота представления эпистемической ситуации (отсутствие аксиологического, т.е. оценочного, компонента) препятствует эмоциональному восприятию научного знания, а значит, его востребованности с целью дальнейшего использования и развития.

К невостребованности может привести наличие в названии исследования методологически неопределенной номинации, которая не ориентирует читателя на познавательную, причем именно методологическую перспективу (как получено знание или в какой логической форме оно зафиксировано). Например: Деформация *как знак* объективации подтекста (на материале художественных

текстов); Жанрово-стилистическая матрица современного рассказа-анекдота как *результат* межтекстовой деривации.

Кроме того, имеет значение характер оформления названия (заголовка) исследования. Несомненно, что наличие композитивных словосочетаний с различными конкретизаторами также затрудняет восприятие эпистемической ситуации. Препятствие в таком случае связано со слишком детализированным характером выражения ЭС. Для примера приведем цикл интереснейших монографий одного и того же автора, озаглавленных весьма сложными словосочетаниями с разветвленной полипредикативной (хотя и скрытой) структурой.

Первая монография имеет название «*Проблема* идентификации вербально выраженных мыслей-скрепов *как* медиаторов смысловой интегративности текстов».

В этой номинации целый ряд имплицитных предикативных единиц: (1) Текст существует; (2) Текст представляет собой форму мысли; (3) Мысль членится; (4) Мысль обладает интегративностью; (5) Тексты характеризуются интегративностью; (6) Некоторые мысли функционируют в качестве скрепов; (7) Смысловой интегративности присущи медиаторы; (8) В качестве медиаторов функционируют мысли-скрепы; (9) Мысли-скрепы являются медиаторами; (10) Мысли-скрепы имеют вербальное выражение; (11) Идентификация мыслей-скрепов/ вербальных выражений/ медиаторов является проблемой; и др.

Вторая монография озаглавлена так: «Вербальные средства выражения мыслей-скрепов *как* медиаторов смысловой интегративности текста».

Полипредикативность этого названия аналогична рассмотренной выше: (1) Текст существует; (2) Текст представляет собой форму мысли; (3) Мысль членится; (4) Мысль обладает интегративностью; (5) Тексты характеризуются интегративностью; (6) Некоторые мысли функционируют в качестве скрепов; (7) Мысли-скрепы имеют выражение; (8) Выражение осуществляется посредством слов (вербальных средств); (9) Вербальные средства функционируют как медиаторы.

В номинации третьей монографии «*Принцип* интеграции смыслов *в аспекте* психологии мышления» эпистемическая ситуация

эксплицирована комплексно и вместе с тем лаконично, поэтому можно считать, что название данной монографии из этого цикла вполне соответствует требованиям, предъявляемым к выражению эпистемической ситуации, развертываемой в целом тексте произведения.

В то же время в первых двух названиях эпистемическая ситуация относительно проблемы смысловой интегративности текста, на наш взгляд, завуалирована многословием, «утонула» в нем, что тормозит восприятие содержания как научного знания.

Эти заголовки можно сформулировать вполне адекватно и в то же время рекламно (привлекая внимание адресата), опустив конкретизаторы (разумеется, что они многократно представлены в основном тексте): ***Проблема смысловой интегративности текстов; Мысли-скрепы как медиаторы смысловой интегративности текста.***

В рассматриваемом плане нельзя не сказать о важности аннотации как важнейшего информативно-справочного периферийного (не основного, но весьма значимого) текста, организующего монографию. Подчеркнем, что и здесь описание эпистемической ситуации при всей полноте, т.е. в единстве онтологического, методологического и аксиологического аспектов, не должно «тонуть» в многословии, теряться среди разнообразных конкретизаторов, а также среди сообщений справочно-библиографического характера (см. рассмотренный цикл монографий, в аннотациях которых дана библиографическая информация).

Начинающему исследователю важно знать, что методологическая информация в совокупности представлена особым научным направлением, именуемым методологией науки (см., например: [Комарова 2012]). В методологии науки, т.е. в ее методологическом арсенале, имеются необходимые для формирования названия конкретного исследования понятия, которые адекватно и точно – именно методологически и аксиологически – характеризуют предмет мысли. Мы имеем виду те наиболее общие, стратегически важные понятия типа ***анализ, синтез, аспект, модель, классификация, типология, концепция, теория*** и многие другие,

которые применяются либо разрабатываются, т.е. уточняются в конкретных исследованиях. Например: *математический анализ, статистический анализ, количественный анализ, лингвистический анализ, литературоведческий анализ, филологический анализ текста; лексический аспект, в лексико-семантическом аспекте, в функционально-семантическом аспекте, в энергетическом аспекте* и т.д.

Рассмотрим еще один заголовок диссертационного исследования (АКД) – «Структура текстового сообщения в ограниченном коммуникативном пространстве». Материалом данного исследования послужили «тексты электронной коммуникации – *сообщения об ошибке* компьютерных программ и операционных систем». Можно предполагать, что работа может оказаться весьма полезной для программистов, но вызовет ли именно их интерес на основе библиографического описания? В этом нет уверенности, поскольку содержание терминированного понятия *коммуникативное пространство* имеет слишком широкий характер, в то время как определение *ограниченное* по существу неинформативно: ограничено локально или темпорально? Как можно видеть, сфера применения полученного автором нового знания – об ошибках программистов – не раскрывается в названии исследования, интересного и значимого не только в теоретическом, но и в практическом отношении. К сожалению, вполне возможно, что работа, выполненная и защищенная в области теории языка, актуальная и полезная в прикладном отношении, из-за неудачного заголовка, по существу оторванного от основного текста, может быть недооценена научным социумом и потому не востребована.

Посмотрим теперь, как решается проблема востребованности научного знания в процессе переводческой деятельности, в частности, при переводе рассмотренного выше периферийного научного текста.

Рассмотрим аннотацию медицинского текста на французском языке и два варианта ее перевода на русский язык, выполненных студентами-переводчиками.

Текст аннотации выглядит следующим образом.

L' auteur de cet article pose le problème de l'évaluation de la santé physique et mentale des personnes ce qui revêt une importance primordiale dans les milieux hospitaliers, puisque cette expertise permet de diriger les patients vers les unités appropriées.

Au Québec, les législations et les aménagements dans les programmes de formation tendent à renforcer le rôle des infirmières en la matière. Une enquête réalisée en 2008-2009 montre toutefois que ces initiatives n'ont pas eu de retombées significatives dans la pratique.

La première phase de la recherche consistait à recueillir le point de vue d'un groupe d'infirmières et d'autres professionnels de la santé sur la pratique de l'examen clinique.

L'enquête proprement dite menée auprès de 21 infirmières, a ensuite été effectuée à l'aide d'un questionnaire élaboré sur la base de ces données.

Les données de la recherche révèlent que les infirmières effectuent peu d'évaluation globale de la santé des patients. Leur perception de l'examen clinique est partagée: certaines le considèrent comme une activité valorisante pour la profession, d'autres estiment qu'il n'en fait pas partie et qu'elles ne sont pas suffisamment formées pour cette tâche.

Мы не приводим полностью тексты переводов, но используем их в ходе сопоставительного анализа эпистемической ситуации, представленной в тексте оригинала и двух его переводов. Поясним, что оценка качества перевода проводится в соответствии с критериями, сформулированными нами в рамках теории гармонизации переводческого пространства [Кушникова 2009]. Искажения в переводе мы определяем как дисгармонию, выбор переводчиком точного словарного соответствия расцениваем как адекватность, осуществление переводчиком разнообразных межъязыковых трансформаций трактуем как эквивалентность, совокупность межкультурных преобразований и лингвокультурную адаптацию текста перевода к принимающей культуре понимаем как гармонию. Таким образом, гармония – критерий высокого уровня качества перевода.

Начнем с оценки онтологического аспекта эпистемической ситуации.

Исследуя содержание переводных текстов, убеждаемся, что переводчику не удалось воссоздать концептосферу оригинала в связи с тем, что глобальный концепт текста оказался при переводе «размытым», «расплывчатым», в результате чего понятийное поле исходного концепта переходит в понятийные поля других концептов. Так, мы считаем, что глобальный концепт или тема текста в тематическом ряду, это – *l'évaluation de la santé des patients* (оценка здоровья пациентов). Автор вербализует этот концепт по-разному: *expertise, examen clinique* (экспертиза, клиническое обследование). В студенческих переводах разные репрезентанты концепта приобретают черты других концептов: *опыт, осмотр, наблюдение*, иными словами, имеет место искажение исходного концепта и сходного смысла. Следовательно, онтологический аспект эпистемической ситуации текста оригинала не был транслирован переводчиками, что дает нам основание говорить о дисгармонии данного аспекта перевода.

Переходим к характеристике методологического аспекта отражения эпистемической ситуации при переводе. Считаем, что при переводе нарушена логика движения мысли автора. Так, вместо того, чтобы перевести: *«медсестры недостаточно подготовлены для выполнения этой задачи»*, переводчик пишет: *«медсестры считают, что необязательно иметь надлежащую подготовку для решения этой задачи»*.

Что касается аксиологического аспекта эпистемической ситуации, следует признать, что переводчики не смогли создать истинный образ текста оригинала, осознать ценностные смыслы, заложенные в текст автором. Так, вместо того, чтобы перевести: *«Данные исследования показывают, что медсестры очень редко проводят полную оценку состояния здоровья пациентов»*, читаем следующий вариант: *«Данные исследования показывают, что медсестры дают лишь общую оценку состояния здоровья пациентов»*.

Таким образом, аксиологический аспект также оказался невыраженным.

В свете сказанного выше, ясно, что анализируемый нами периферийный научный текст не будет востребован иноязычным

реципиентом. Разумеется, в данном случае мы имеем дело со студенческими переводами, но начинающие переводчики, выпускники вузов, могут допустить подобные ошибки и погрешности, выражающиеся в недостаточной эксплицированности заданной автором аннотации эпистемической ситуации. В связи с этим возникает проблема освоения будущими переводчиками основ концептуального анализа текста и его стилеобразующих факторов. Только в этом случае возможно достижение переводческой гармонии.

Обратим внимание на то, что специалист, способный получить новое знание в области той или иной науки, из-за превалирования логического компонента мышления может ограничиться анализом, «не доходя» до синтеза. Такая научно-познавательная ситуация создается в силу общей тенденции, проявляющейся в современной деятельности человека, – тенденции к ускорению. Эта тенденция оказывается по существу глобальной и обуславливает, как можно полагать, результаты любого вида деятельности, в частности научное знание как продукт научно-познавательной деятельности. Нетрудно заметить, что современному общему фонду научного знания присущи такие взаимосвязанные свойства, как, с одной стороны, активное увеличение количества, т.е. расширение пространства знания по конвейерному типу, а с другой – торможение углубления знания, «остановка» перед ростом знания в отношении его качественных характеристик. Иначе говоря, познавательный процесс (имплицитно) сопровождается обеднением потенциального знания из-за сужения сферы действия (невскрытых) качественных характеристик, в силу дилетантского, методологически не обеспеченного подхода к его получению. Динамика получения нового знания оказывается дисгармоничной: избыточность эмпирического знания (как известно, информационный бум порождает его девальвацию, обесценивание, невостребованность) и – соответственно – недостаток знания теоретического, разработанного методологически.

Кроме того, в области психологии научного творчества – актуализация **логического компонента мышления**, в эстетической сфере – недостаточное осознание специфики художественного

способа мышления и специфики коммуникации [Васильева 1983], в области художественного перевода – также неумение проникать в эстетические возможности языка и достигать **речевой художественно-образной конкретизации** [Кожина 1966].

Эти идеи выдающегося отечественного стилиста приобретают первостепенное значение в профессиональной переводческой деятельности, которая позволяет на языке перевода создавать *произведение высшей эстетической ценности*. Воспользуемся трактовкой этого термина, представленной А.Н.Васильевой в монографии, посвященной художественной речи: «Произведение высшей эстетической ценности отличается исключительной глубиной проникновения в сущностные, очень сложные и скрытые основы человеческой жизни, человеческого характера, жизни и закономерностей человеческого общества» [Васильева 1983: 6]. Далее в тексте А.Н.Васильевой находим важнейшее в рассматриваемом плане замечание о том, что «не всякий человек и не сразу открывает для себя эту ценность, это богатство, по крайней мере в его полном объеме, и обычно необходимы время и *наука*, чтобы общество шаг за шагом все глубже постигало эту ценность, никогда не исчерпывая ее. (Курсив наш. – М.К.)» [Там же: 7], причем только благодаря овладению эстетической культурой речи. Здесь вполне логично подчеркнуть, что эстетическую культуру речи призвана воспитывать прежде всего особая гуманитарная наука – стилистика художественной речи, объединяющая владение искусством речи и научную интерпретацию произведения искусства, раскрытие глубинного идейно-эстетического содержания литературного произведения.

Почему переводы художественных произведений, которые на языке оригинала заслужили славу *бестселлера*, нередко ограничиваются стереотипными единицами и тем самым создают лишь сюжетную линию, не придавая этой «линии» высокохудожественной формы? Возможный реактивный ответ:

1) не привлекается научное знание в области стилистики художественной речи, в частности, зафиксированное комплексом таких понятий, как *функционально-стилистический подход*, *художественно-образная речевая конкретизация*, *художественный*

образ, комплекс речевых средств, выражающих образ; как писала М.Н.Кожина полвека назад, в изучении художественной речи **функционально-стилистический подход** «становится «лицом» к художественно-образной конкретизации» [Кожина 1966: 53] – специфическому свойству художественной речи в плане функциональной стилистики, существенно и принципиально отличающим ее от других сфер речевой деятельности; (см. также: **художественно-образная речевая конкретизация** – это качественно особое свойство именно художественной речи, отличающее ее от всех других разновидностей языкового общения. Проявляется оно в такой намеренно созданной по законам искусства организации языковых средств в речевой ткани художественного произведения, благодаря которой слово-понятие «переводится» в слово-образ (художественный), становится выражением новых, созданных творческим воображением индивидуально-неповторимых целостных художественных образов» [Там же: 92]; «важнейшим моментом методики (функционально-стилистического анализа. – М.К.) должно явиться определение **системы речевых средств**, которые выражают каждый данный **художественный образ** («микрообраз»)... Исследователь стремится определить, **как** организация речи способствует созданию и выражению данного художественного образа и – **что это за организация**» [Там же: 32]; в книге, предназначенной для иностранных филологов-русистов, а также для переводчиков, А.Н.Васильева концентрирует внимание на рассмотрении «языковых средств художественного произведения как *системно-речевого* и в то же время *уникального* в каждом случае комплекса, функционально единогонаправленного на воплощение идейно-эстетического замысла писателя (Курсив наш. – М.К.)» [Васильева 1983: 3]. Анализируя отрывок из «Войны и мира», автор подчеркивает, что «внутреннее состояние героя невозможно передать прямо с такой силой, как оно передано косвенно. Вот что значит *мыслить образами, а не словами*. И вот что значит выражать этот образ мышления посредством слова (Курсив наш. – М.К.)» (Там же: 95); в рассматриваемом плане существенно отметить, что с понятием «системно-речевого» воплощения замысла автора определенно коррелирует понятие **гармонии** поэтического текста в пределах

деятельностной концепции исследования языка, разработанной проф. К.Э.Штайн. Подчеркнем слова А.А.Потебни, приведенные в монографии [К.Э.Штайн 2006: 100] о творящем субъекте: «В центре теории Потебни – творящий субъект. По Потебне, и слово и текст – средство создания мысли, которая развивается в «понимающем». «Между произведением искусства и природою стоит мысль человека; только под этим условием искусство может быть творчеством» [Потебня 1989: 169] [Штайн 2006: 100]».

Обобщая, можно сказать, что необходимое, но явно недостаточное для получения нового научного знания сотрудничество не позволяет сформировать единое переводческое пространство. Уточним, что единое переводческое пространство мы понимаем как способ бытия межъязыкового и межкультурного взаимодействия, мысленно осознаваемого переводчиком, модель его деятельности, реализуемая в континууме полевых структур в процессе транспонирования смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую. Переводческое пространство не является исключительно научной абстракцией, это интеллектуальный инструмент переводчика. Переводчик вполне осознает, что, лишь многократно обратившись к оригиналу, можно извлечь разнородные имплицитные смыслы, т.е. использовать семантическое богатство не только языка оригинала, но и языка перевода. (В силу очевидности данного обобщения не обращаемся к иллюстративному материалу). Благодаря успешному переводу целого текста будет достигнуто полноценное взаимодействие автора и читателя.

Нельзя не сказать и о том, что в художественном переводе отнюдь не всегда учитывается важнейшая характеристика человеческой индивидуальности – индивидуальный стиль мышления писателя; значимость этой характеристики невозможно переоценить: «наша человеческая индивидуальность – это тот персонаж, который никогда не реализуется полностью», иначе говоря, «это постоянно подстрекательная утопия, тайная легенда, хранимая каждым в самых глубинах своего существа» [Ортега-и-Гассет 1996: 122].

Предметом нашего лингвопереводческого анализа стал роман М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевод на французский язык *Le Maître et Marguerite*, выполненный профессиональным

переводчиком Claude Ligny. Нас заинтересовала тема музыки в романе. Как отмечают в своих комментариях к русскому изданию романа Е.Грачева и А.Востриков, «музыка в романе – важная составляющая мира, в котором существуют герои.... Многие сцены в звуковом отношении развернуты как оперные партитуры...» [Булгаков 2014: 466-467]. Одним из лейтмотивов романа являются звуки трубы.

Посмотрим, как индивидуальность автора передана переводчиком, удалось ли переводчику выразить тот накал страстей, ту музыку души писателя, которую ощущает читатель оригинала.

Обратимся к фрагменту оригинала:

«...до слуха его долетел дробный, стрекочущий и приближающийся конский топот и труба, что-то коротко и весело прокричавшая» [Булгаков 2014: 46].

Перевод выглядит так:

...*Il percevait de plus en plus proche le piétinement sec et saccadé des chevaux, et les appels, brefs et comme joyeux, d'une trompette* [Boulgakov 1968: 69].

Как видим, в тексте оригинала автор использует прием метонимии: *труба...прокричавшая*, тогда как в переводе произошла деметонимизация, что нейтрализует исходный смысл, лишая текст экспрессивности.

Прочитаем другой фрагмент:

«*И вальс над садом ударил сильнее*» [Булгаков 2014: 259].

«*И вслед ей полетел совершенно обезумевший вальс*» [Булгаков 2014: 260].

В переводе читаем следующее:

«*Dans le jardin, la valse redoubla d'intensité*» [Boulgakov 1968: 321].

«...*elle ... s'envola dans la rue suivie par le tourbillon effrené de la valse*» [Boulgakov 1968: 322].

Анализ переводов показал, что той динамики слово-образ, о которой пишет М.Н.Кожина, не произошло. Более того, мы считаем, что при переводе имеет место гораздо более сложная динамика: слово (исходного текста) – образ-гештальт (в сознании переводчика) – слово (текста перевода). Мы считаем, что, если переводчик

«увидел» образ-гештальт текста, он без труда выберет слово, что приведет его к переводческой гармонии.

В данном случае переводчику не удалось увидеть образ-гештальт текста, иными словами, в его сознании произошла иная динамика: слово (исходный текст) – слово (текст перевода). Поясним сказанное на примерах. Если у автора оригинального текста *вальс ударил, вальс полетел*, то у переводчика *la valse redoubla d'intensité* (букв.: *вальс удвоил интенсивность*), *elle s'envola...suivie par le tourbillon de la valse* (букв. *она (Маргарита) взлетела, а за ней последовал вихрь вальса*). Если у автора *совершенно обезумевший вальс*», то в переводе: *le tourbillon effrené de la valse* (букв.: *безудержный вихрь вальса*). Данные варианты перевода можно признать адекватными, эквивалентными, но не гармоничными, т.к. они лишены художественно-образной конкретизации, о которой писала М.Н.Кожина.

В отечественной критике роман М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» называют самым удивительным и загадочным произведением XX века. Сопоставительный анализ оригинала и опубликованного перевода показывает, что музыкальность прозаического текста русского писателя не нашла должного отражения в переводе на французский язык, его образы не были воссозданы переводчиком. Представляя данный роман французскому читателю, авторы издания подчеркивают, что роман написан в эпоху террора большим и отчаявшимся писателем, и вместе с тем, он стал культовым в России.

Можно предположить, что красочность и музыкальность индивидуального стиля М.А.Булгакова утеряны при переводе, поэтому его эмоциональное воздействие на франкоязычных читателей гораздо слабее, что свидетельствует о недостаточной востребованности романа и необходимости выполнения повторных переводов, способных передать богатый внутренний мир автора и его героев.

Подытоживая, подчеркнем, что проблема (не)востребованности гуманитарного знания не в полной мере осознана различными представителями научного сообщества. Нам предстоит осмыслить ее значимость, выработать систему научно обоснованных критериев

оценки результатов научных исследований, опираясь на данные наукометрии, представленные в трудах отечественных и зарубежных ученых.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева 1983 – *Васильева А.Н.* Художественная речь. Курс лекций по стилистике для филологов. Учебное пособие. М.: Рус. яз. 1983. – 256 с.

Гаузенблас 1967 – *Гаузенблас К.* К уточнению понятия «стиль» и вопросу об объеме стилистического исследования // Вопросы языкознания. 1967. №5. – С.69–75.

Дементьев 2014 – *Дементьев В.В.* «Британские ученые установили...»: юмористический образ «науки» в современных русских анекдотах // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сборник науч. трудов / Под ред. Е.А.Баженовой; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2014. – Вып. 18. – С. 194–210.

Кожина 1966 – *Кожина М.Н.* О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь: Изд-во ПГУ, 1966. – 212 с.

Комарова 2012 – *Комарова З.И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2012. – 818 с.

Коньков 2013 – *Коньков В.И.* Стиль как речевая технология // Стилистика как речеведение: сб. науч. тр. славянских стилистов, посвященный памяти М.Н.Кожинной / под ред. Л.Р.Дускаевой. М.: Флинта: Наука, 2013. – С. 131–137.

Котюрова 2012 – *Котюрова М.П.* Стилистика научной речи: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М.П.Котюрова. М.: Издательский центр «Академия», 2010; 2-е изд., испр. – М., 2012. – 240 с.

Котюрова 2008 – *Котюрова М.П., Баженова Е.А.* Культура научной речи: Текст и его редактирование. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта. Наука. 2008. – 280 с.

Кушниина 2014 – *Кушниина Л.В., Хайдарова И.Н, Назмутдинова С.С.* Введение в синергетику перевода: колл. монография / Под общей ред. Л.В.Кушниной. Пермь: Изд-во Перм. нац. иссл. политехн. ун-та, 2014. – 278 с.

Кузнецов 1988 – *Кузнецов Э.Д.* Фактура как элемент книжного искусства // Книга как художественный предмет. М.: Книга, 1988.

Ортега-и-Гассет 1996 – Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Человек: образ и сущность (Гуманитарные аспекты): Толерантность и архитектоника эмоций. М.: ИНИОН РАН 1996. – С. 108-184.

Потебня 1993 – Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.

Факторович 2013 – Факторович А.Л. Системные отношения в лексике и лингвоэкспертная практика // Стилистика как речеведение: сб. науч. тр. славянских стилистов, посвященный памяти М.Н.Кожиной / под ред. Л.Р.Дускаевой. М.: Флинта: Наука, 2013. – С. 200 – 206.

Шмелева 2013 – Шмелева Т.В. Речеведение как лингвистическая парадигма // // Стилистика как речеведение: сб. науч. тр. славянских стилистов, посвященный памяти М.Н.Кожиной / под ред. проф. Л.Р.Дускаевой. М.: Флинта: Наука, 2013. – С. 51 – 56.

Штайн 2006 – Штайн К.Э. Гармония поэтического текста. Монография / Под ред. В.В.Бабайцевой. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – 646 с.

Мария Павловна Котюрова

Людмила Вениаминовна Кушнина

ЗА (НЕ)ПОТРЕБНОСТТА ОТ НАУЧНОТО ЗНАНИЕ

Резюме

Проблематиката на статията е обусловена от непотребността от съвременното научно знание в различните сфери на човешката дейност, причина за което е неумението на изследователите, писателите, преводачите да превръщат информацията в научно знание. Анализират се причините за девалвацията на научното знание, една от които е неразбирането на феномена «эпистемична ситуация» (термин на М.П. Котюрова). Эпистемичната ситуация се трактува като смислова единица на научния текст, притежаващ онтологична, методологична и аксиологична съставлящи. Научното знание е представено като обобщен квант на мисълта, състоящ се от три компонента: представен предмет (онтологичен аспект), начин на представяне (методологичен аспект), оценка (аксиологичен аспект). Компонентите се концентрират в определени фрагменти на текста: заглавие, анотация и пр. Дава се пример на неудачен превод на анотация от френски на руски език. В областта на художествения превод причина за дисхармония е неумението да се постига «речева художествено-образна конкретизация» (термин на М.Н. Кожина), което не позволява да се създаде

единно «преводно пространство» (термин на Л.В. Кушнина), осигуряващо пълноценно взаимодействие между автор и читател.

Ключови думи: научен текст, научно знание, епистемична ситуация като смислова единица на текста, превод на научен текст.

Екатерина Николаевна Виноградова
Валерия Львовна Чекалина
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

ЛИЦОМ К ПРЕДЛОГАМ (О ПРЕДЛОГАХ И ИХ АНАЛОГАХ В БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)

Аннотация: В статье описываются русские и болгарские предложные единицы с лексемой «лицо». Каждая единица характеризуется относительно степени грамматикализации.

Ключевые слова: предлог, соматизм, грамматикализация

Ekaterina Nikolaevna Vinogradova
Valeria Lvovna Chekalina
Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Moscow, Russia

FACE TO FACE WITH PREPOSITIONS (PREPOSITIONAL UNITS IN BULGARIAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

Abstract: In the article Russian and Bulgarian prepositional units including lexeme «face» are described. Every unit is characterized according to its degree of grammaticalization.

Keywords: preposition, body part noun, grammaticalization

Как известно, лексемы, обозначающие части тела, или соматизмы, во многих языках системно входят в состав фразеологизмов и устойчивых выражений. Ср. паремии с русской (рус.) лексемой *лицо*: *краска бросилась в лицо*, *лица нет на ком-либо*, *на одно лицо*, *с лица некрасив*, *не с лица воду пить*, *лицом в грязь не ударить*, *рассказывать в лицах*, *в поте лица*, *спасть с лица*,

невзирая на лица, товар лицом показать и т.д. Подобная широкая употребительность связана, несомненно, с эгоцентрическим характером речемыслительной деятельности носителей языка и вытекающим из этого антропоцентризмом языка. Сочетаемость и значение этой лексемы в разных языках очень во многом различны, что делает актуальным их подробное описание.

В то же время лингвисты, работающие в рамках теории грамматикализации, показали, что соматизмы системно выступают как источник грамматикализации, поставляющий языку предлоги [Lehman 1995, Heine et al. 1991, Hopper, Traugott 1993, Svorou 1993], например, в фарси: *bar ru-ye miz* «на столе», букв. «на лице стола». Грамматикализация как «непрерывный процесс усиления грамматичности языковой единицы, при котором неграмматическое превращается в грамматическое, а менее грамматическое – в более грамматическое» [Плунгян 2001] дает теоретическое обоснование «опредложиванию», или переходу существительных в предлоги. Словосочетание (в частности, с соматическим существительным) в процессе грамматикализации теряет часть предметного значения и постепенно превращается в служебную единицу, ср. с утверждением о том, что грамматикализация словосочетания связана с большим или меньшим ослаблением лексического (предметного) значения одного из компонентов словосочетания, с последующим превращением его из лексически значимого (полнознаменательного) слова в полуслужебное или служебное, в котором доминирует грамматическое значение, а всей группы в целом – в аналитическую форму слова [Жирмунский, Суник 1965]. Представляется, что все стадии грамматикализации прошли отыменные предлоги, например, рус. *в течение чего, вследствие чего, в отличие от чего, в связи с чем, наподобие чего, путем чего*.

Указанные причины и побудили авторов, ведущих работу в межнациональном проекте «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» [Всеволодова и др. 2013, Гочев 2007, Загнітко и др. 2007, Канюшкевич 2008-2010], обратиться к подробному сопоставительному изучению грамматикализации ряда сочетаний, включающих лексемы рус. *лицо*, болгарскую (болг.). *лице*, например, рус. *перед лицом чего*, болг. *пред лицето на чего*,

которые выступают в качестве предложных единиц. Отметим, что предложные единицы (ПЕ) понимаются в проекте очень широко – это единицы, выполняющие функции предлога, то есть и собственно предлоги (единицы, относящиеся к служебным частям речи и никаких других функций, помимо функции предлога, не выполняющие) и эквиваленты предлогов (единицы, в определенных условиях выполняющие функции предлога, но сохраняющие свою принадлежность к другой части речи) [Всеволодова 2010].

Итак, объектом анализа в статье являются рус. ПЕ и их эквиваленты в болг. языке, которые формируют разные типы синтаксем:

1. ПЕ, формирующие **свободные синтаксемы**: *в лице кого-чего, от лица кого-чего, перед (пред) лицом₁ кого-чего, перед (пред) лицом₂ кого-чего, лицом к₁ кому-чему, с каким лицом, с лицом кого*;

2. ПЕ, формирующие **обусловленные синтаксемы**: *(не) к лицу₁ кому что, (не) к лицу₂ кому что (делать)*;

3. ПЕ, формирующие **связанные синтаксемы**: *лицом к₂ кому-чему, в лицо₁ кому-чему (говорить и под.), в лицо₂ чему (смотреть и под.), на лице чего - на лицо чего – от лица чего – с лица чего*.

Авторитетные словари рус. языка либо дают помету «в значении предлога» (*в лице кого, перед/пред лицом кого, от лица*), либо характеризуют данные единицы как фразеологизмы, либо не выделяют их вообще (*от лица чего, на лице чего, на лицо чего, с каким лицом – с лицом кого, с лицом кого, с лицами кого*).

Таким образом, целью статьи является, во-первых, сопоставительное изучение рус. и болг. ПЕ, включающих лексему *лицо*, а во-вторых определение степени грамматикализации (или «опредложенности») каждой конкретной ПЕ.

Отметим, что определение степени грамматикализации ПЕ – достаточно сложная исследовательская задача. Для ее решения предлагаются различные операциональные критерии [Всеволодова 2011, Тихомирова 1972, Черкасова 1967, Виноградова 2013]. В данной статье ПЕ рассматриваются в порядке уменьшения степени грамматикализации от свободных к связанным, каждая единица характеризуется относительно уровня ее «опредложенности», при этом особое внимание уделяется таким критериям

грамматикализации, как метафоризация и наличие морфосинтаксической парадигмы. **Метафоризация** проявляется в сочетании со словами, при других формах собственно предложного существительного с ним не сочетающихся. Под **морфосинтаксической парадигмой** (МСП) мы понимаем ряд синонимичных образований, различающихся: падежной формой припредложного слова, отсутствием/ наличием экспликаторов или редупликаторов типа *в цвет чего/ чему/ к чему/ с чем/ под что*; падежной формой базового слова: *в интерес/ в интересе клиента*, формой числа базового слова: *в интересе/ в интересах клиента*. Такая парадигма характерна для уже определенных единиц [Всеволодова и др. 2013].

1) ПЕ, формирующие свободные синтаксемы

В ЛИЦЕ КОГО-ЧЕГО

Рус. ПЕ *в лице кого*, на наш взгляд, перешла в ядро поля предлога и является собственно предлогом: ... *на выборах 1999-2000 годов победила правая идеология (в лице «Единства»), СПС и самого Путина*... [НКРЯ¹]. Основанием для включения в предлоги является сильная метафоризация: *в лице уполномоченных органов* → *лицо уполномоченных органов; наличие МСП *в лице кого* – *в лицах кого*. Рус. ПЕ *в лице кого* имеет конверсив *от лица чего*: *цирк в лице директора* ⇔ *директор от лица цирка*.

В болг. языке единица *в лицето на кого* также является сильно определжившейся, налицо высокая степень метафоризации: *Nokia с шеговит клип се присмя отново на конкурентите си в лицето на Samsung и Apple* (Инт.²); *Всеки буркан компот – юмрук в лицето на империализма!* (Инт.). Интересно, что в болг. языке данная ПЕ может вводить и предметные имена: *Имате приятел в лицето на гъбите* (Инт.).

ОТ ЛИЦА КОГО-ЧЕГО

Рус. ПЕ *от лица кого* (как и ее конверсив *в лице кого*) является собственно предлогом: *От лица государства* (название статьи) [НКРЯ]. ПЕ сильно метафоризирована: *Если вы очень устали от*

¹ НКРЯ – пример взят из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

² Инт. – пример взят из сети Интернет.

тролля на вашей странице, можете отреагировать на него иронично **от лица** технического аккаунта [НКРЯ] → *лицо технического аккаунта; образует МСП по числу: **от лица** кого – **от лиц** кого. Синонимом является ПЕ **от имени** кого: *Старейшины от лица народа поднесли адмиралу благодарственный лист...* [НКРЯ] = ... *выражаю от имени* всего российского народа огромную, искреннюю благодарность за ваш исторический подвиг [НКРЯ].

В болг. языке данная ПЕ не представлена, употребляется синонимическая единица **от името на** кого (рус. **от имени** кого), несмотря на наличие эквивалента конверсива **в лице** кого: *Измамник събира пари от името на Наталия Симеонова* (Инт.); *Прочетете текста и го преразкажете от името на един от героите в него – Влади* (Инт.).

ПЕРЕД (ПРЕД) ЛИЦОМ₁ КОГО-ЧЕГО

ПЕ **перед лицом₁** кого-чего сильно грамматикализована и выражает реляционные отношения ‘в присутствии кого’: **Перед лицом** неприятеля (заголовок в книге) [НКРЯ]. ПЕ имеет среднюю степень метафоризации (в связи с большим числом употреблений с личными именами, ср.: **перед лицом** своих товарищей = *лицо моих товарищей*): *Прелестная Татьяна имела удовольствие любить не во мраке таинства, но перед лицом* всего света... [НКРЯ] → *лицо всего света; имеет МСП по числу: **перед лицом₁** кого-чего – **перед лицами** кого-чего; возможна элиминация лексемы **лицо**: **перед лицом** свидетелей = **перед** свидетелями; **перед лицом** широкой ИТ-общественности = **перед** широкой ИТ-общественностью. В болг. языке эквивалента не обнаружено.

ПЕРЕД (ПРЕД) ЛИЦОМ₂ КОГО-ЧЕГО

ПЕ **перед лицом₂** чего сильно грамматикализована, всегда вводит событийное имя и имеет значение обусловленности, часто пресекающееся со временным ‘в условиях чего’, ‘в ожидании чего’, ‘во время чего’: *Вот чему мы должны научиться: перед лицом* гонения, **перед лицом** унижения, **перед лицом** обид ... *должны повернуться душой к Богу и сказать: Отче, прости ему...* [НКРЯ]. ПЕ сильно метафоризирована: **перед лицом** вечности → *лицо вечности, **перед лицом** опасности → *лицо опасности; было В отличие от ПЕ **перед лицом₁** кого-чего элиминация лексемы **лицо**

невозможна: *перед лицом угрозы войны* → *перед угрозой войны, при элиминации меняется смысл: *перед лицом жизни* ≠ *перед жизнью*.

В болг. языке эквивалентом является ПЕ *пред лицето на* чего: *Европа пред лицето на кризата* (Инт.); *Великобритания няма да се огъне пред лицето на тероризма*, заяви Дейвид Камерън (Инт.); *Пред лицето на Смъртта човешките възможности са неограничени* (Инт.).

ЛИЦОМ К₁ КОМУ-ЧЕМУ

ПЕ *лицом₁ к кому-чему* входит в ядерную зону поля предлога: «*Лицом к городу*» (название телепрограммы). ПЕ сильно метафоризирована: *народное хозяйство лицом к народу* → *лицо народного хозяйства; имеет МСП по числу: *лицом₁ к кому* – *лицами₁ к кому*.

В болг. языке эквивалентом этой единицы является ПЕ *с лице към*, которая может выступать как свободная синтаксема в роли локатива: *С лице към хората* (Инт.); *С лице към Европа* (Инт.); *Парцел с лице към пътя за ГКПП «Лесово»* (Инт.); *Децата – мястото за учене, бюрото да не е с лице към стената, а да са разположени с гръб към стената и максимално близо до прозорец* (Инт.). В отличие от рус. языка в болг. есть позиция для факультативного конкретизатора-квантитатива: *Парцел земеделска земя с площ от 13 100 кв м, с лице 90 м към магистрала Ямбол-Елхово* (Инт.); *Два парцела с лице 100 и 80 м към магистрала «Тракия» с обща площ 11314 дка* (Инт.).

С КАКИМ ЛИЦОМ

ПЕ *с каким лицом* употребляется для характеристики какого-либо явления (левые распространители: *социализм, цензура, капитализм, патриотизм, рынок, шансон, ЕС, банк, клуб* и т.д.) и имеет значение 'направленный на..., обращенный к': «*Цензура с рыночным лицом*» [НКРЯ]; «...альтернатива капитализму с волчьим лицом» [НКРЯ]; *Банк с роботизированным лицом* [НКРЯ]. ПЕ *с каким лицом* сильно грамматикализована, однако для того, чтобы признать ее предлогом, есть одно ограничение: актант системно выражается именем прилагательным. ПЕ сильно метафоризирована: *социализм с немецким лицом* ≠ *лицо немца, лицо Германии*; *капитализм с нечеловеческим лицом* ≠ *лицо не-человека*,

нечеловеческое лицо; имеет МСП с каким **лицом** – с **лицом** кого: ... «патриотизм с **лицом** Чубайса».

В болг. языке эквивалента данной ПЕ не обнаружено.

С ЛИЦОМ КОГО

ПЕ с **лицом** кого имеет значение ‘похожий на кого-что-либо’, обычно употребляется для характеристики человека (левый распространитель – личное имя): *Вышел заведующий – чернокудрый детина с **лицом** мясника...* [НКРЯ]. В значении зачастую присутствует пресуппозиция ‘таковым не является, но похож на...’: *...Нейман, этот мясник с **лицом** младенца, ему был физически противен...* [НКРЯ]. Данная ПЕ находится в середине процесса грамматикализации, так как очень часто употребляется с личными именами, в сочетании с которыми не наблюдается метафоризации (хотя несколько примеров обнаружено: ... *подросток-мужчина с **лицом** залежавшегося яблока...* [НКРЯ] → *лицо залежавшегося яблока); имеет МСП по числу: с **лицом** кого – с **лицами** кого.

В болг. языке аналога данной ПЕ не обнаружено.

2) ПЕ, формирующие обусловленные синтаксемы

(НЕ) К ЛИЦУ₁ КОМУ ЧТО

ПЕ (не) к **лицу**₁ кого/кому что: *Домашняя одежда ей всегда была не к **лицу**, в халате она выглядела дачной хозяйкой из пригорода* [НКРЯ]. В подавляющем большинстве случаев к **лицу** стоит в постпозиции к имени актанта, препозиция обычно наблюдается, если актант выражен именем существительным, а не местоимением (более частотно): *... гаджеты все более к **лицу** современному бизнесмену, а порой вполне способны украсить офис* [НКРЯ]. ПЕ (не) к **лицу**₁ кого/кому что сильно грамматикализована: метафоризация ПЕ достаточно высока: *«Зеленый наряд к **лицу** Кисловодску»...* [НКРЯ] ≠ *лицо Кисловодска*; образует МСП (не) к **лицу**₁ кого/кому что.

Подчеркнем, что вопрос о возможности отнесения единиц, формирующих обусловленные синтаксемы, к предлогам является дискуссионным. Косвенно сомнительность такой категоризации подтверждается и сопоставительными данными: в болг. языке аналогом выступает глагольная конструкция: *тази рокля ви отива.*

(НЕ) К ЛИЦУ₂ КОМУ ЧТО (ДЕЛАТЬ)

ПЕ (не) **к лицу₂** кого/кому что (делать) в качестве второго актанта (подлежащего в предложении) часто присоединяет инфинитив: *Надо вам сказать, что у меня нет семейства ... так теперь уж, знаете, и не к лицу;* *я и рад был, что нашёл кого баловать* [НКРЯ]. Как показал наш материал, ПЕ (не) **к лицу₂** кого/кому что (делать) в отличие от ПЕ (не) **к лицу₁** кого/кому что обычно употребляется в вопросительных и /или отрицательных модификациях предложения: *По сути дела, мэр Саратова совершил противоправный акт – потворствовал нарушителю закона... К лицу ли это такому высокому должностному лицу, как мэр города?* [НКРЯ]. ПЕ (не) **к лицу₂** кого/кому что (делать) менее грамматикализована: ПЕ отличается средней степенью метафоризации: **к лицу** такому высокому должностному лицу → *лицо такого высокого должностного лица; имеет МСП (не) **к лицу₂** кого/кому что.

В болг. языке аналогом выступают конструкции: *това не ви отива, не ви прилича.*

3) ПЕ, формирующие связанные синтаксемы

ЛИЦОМ К₂ КОМУ-ЧЕМУ

ПЕ **лицом₂ к кому-чему** со значением «директив-финиш» с глаголами типа *вернуться, обернуться, обратиться (куда?)*, формирует связанную синтаксему: *Предлагаю вернуть **лицом** к виноградарству нашу сельскохозяйственную науку...* [НКРЯ]. Данная ПЕ обладает средней степенью грамматикализации: она метафоризована: *сельскохозяйственная наука **лицом** к виноградарству* → *лицо сельскохозяйственной науки; образует МСП по числу: **лицом₂ к кому** – **лицами₂ к кому**. Возможна элиминация лексемы **лицо** без потери семантической и грамматической целостности: *Он развернул **гостя** **лицом** к двери и отступил на шаг...* [НКРЯ] = *развернул гостя к двери*. Подчеркнем, что ПЕ **лицом₁ к кому-чему** не допускает такого опущения:³ – *Жена лежит **лицом** к белому потолку...* [НКРЯ] → **лежит **лицом** потолку, *лежит к потолку*. Антонимами обеих ПЕ являются ПЕ **спиной_{1,2} к кому-чему**.

В болг. языке эквивалентом этой единицы является ПЕ **с лице към**, которая выступает в роли директива-финиша также с глаголами

³ Другими словами, оба компонента ПЕ являются обязательными.

обръщам се, обърна се: Обръща ли се Русия отново с лице към Запада? (Инт.); Япония се обърна с лице към мирния атом (Инт.); Държавата трябва да се обърне с лице към етническите проблеми в България (Инт.).

В ЛИЦО₁ КОМУ-ЧЕМУ (ГОВОРИТЬ И ПОД.)

ПЕ **в лицо₁** кого-чего/кому-чему (говорить) употребляется при глаголах речи и их аналогах (сказать, закричать, высказать и т.п.) и имеет значение 'прямо, открыто': *Глаза у нее сузились, щеки запылали еще жарче, и, протягивая письмо, она почти выкрикнула в лицо ничего не подозревающей Нине [НКРЯ].* Данная ПЕ находится, на наш взгляд, на первой стадии перехода в предлоги: контексты с метафоризацией редки: *...он выбежал из магазина, не забыв обидно засмеяться в лицо всей очереди [НКРЯ] → *лицо очереди;* появляется МСП **в лицо** кому – **в лицо** кого. Если в случае с дат.п. возможна элиминация лексемы **лицо**: *Проходя мимо одной из таких групп, Таня даже сказала в лицо какой-то вешалке с драгоценностями... [НКРЯ] = сказала какой-то вешалке, то при род.п. такое опущение невозможно: Она много еще чего порассказала –и как я выкрикивал антисоветские лозунги в лица барменов и как старался перевести их на английский ...[НКРЯ] → *выкрикивал лозунги барменов.* Синонимами данной ПЕ являются рус. (сказать) **в глаза** кого/кому, болг. казвам **в очите**, рус.: *«А вы отважитесь рассказать эту новость в глаза этого самого господина? [НКРЯ]; болг.: Певците са ми благодарни, че им казвам истината в очите (Инт.).*

Болг. эквивалент казвам/говоря **в лицето** употребляется либо с именем лица с предлогом **на** (1), либо с анафорой, выраженной дат. падежом личного местоимения (2):

(1) *Нищо не се казва в лицето на хората, всяка дума е тънко премислена (Инт.); И като разбрал, че е арестуван, казва в лицето на Андрей Луканов: «Ти си следващият» (Инт.).*

(2) *Поради това на международна среща в Москва Сталин му казва в лицето: «Жулик!» (Инт.).*

В ЛИЦО₂ ЧЕМУ (СМОТРЕТЬ И ПОД.)

ПЕ **в лицо₂** чего/чему (*смотреть*) употребляется при глаголах типа *смотреть, глядеть* и под⁴. Такая ограниченная сочетаемость заставляет говорить лишь о начале «пути» ПЕ **в лицо₂** чему/чего в предлоги, еще одним поводом для сомнения является вопрос о том, что именно управляет актантом – ПЕ или глагол? ПЕ (*смотреть* и под.) **в лицо₂** чему имеет значение ‘не бояться чего-либо’: *Стоять и спокойно смотреть в лицо катастрофе или же мыльные пузыри пускать на Луну?* [НКРЯ]. Степень метафоризации данной ПЕ высока, так как она не употребляется с личными существительными (которые «имеют» лицо) ср.: **в лицо катастрофы** → ***лицо катастрофы**, **в лицо смерти** → ***лицо смерти**, **в лицо опасности** → ***лицо опасности**, **в лицо фактам** → ***лицо фактов** и под.

Болг. эквивалентом является ПЕ *гледам в лицето*, имеющая невысокую степень метафоризации, тем не менее обнаружены также употребления с существительным *опасност*: *После това загоряло бронзово лице, гъста брада, тоя равнодушен, но спокоен и твърд поглед, навикнал да гледа в лицето на най-голямата опасност* (Инт.).

НА ЛИЦЕ ЧЕГО – НА ЛИЦО ЧЕГО – ОТ ЛИЦА ЧЕГО – С ЛИЦА ЧЕГО

Наконец, наименьшим количеством примеров характеризуются ПЕ-члены семантической парадигмы **на лице** чего (свободная синтаксема) – **на лицо** чего – **от лица** чего – **с лица** чего (связанные синтаксемы). Немногочисленность употреблений, а также их узкая сочетаемость заставляет усомниться в грамматикализации этих единиц. *На милое лицо Москвы ляжет трагическая складка, наследие освобожденного Петербурга* [НКРЯ]; *«Чиновник умирает, и ордена его остаются на лице земли»*... [НКРЯ]; *Исчез от полиции... яко дым от лица огня*... [НКРЯ]; *Только что с большой помпой открыли Калининский проспект, стерший с лица Москвы многие переулки и закоулки старого Арбата*... [НКРЯ]. На наш взгляд, это наименее предложенные единицы.

Обобщим полученные результаты (табл. 1).

⁴ Синонимом является ПЕ **в глаза₃** чего/чему (*смотреть*) [Виноградова, Чекалина 2013].

Таблица 1

ПЕ с лексемой *лицо*

	ПЕ	Тип синтаксемы	Степень метафоризации	Морфосинтаксическая парадигма	Болгарские эквиваленты
1	<i>в лице</i> кого-чего	своб.	выс.	<i>в лицах</i> кого-чего	<i>в лицето на кого</i> ⁵
2	<i>от лица</i> кого-чего	своб.	выс.	<i>от лиц</i> кого-чего	-
3	<i>перед лицом₁</i> кого-чего ('в присутствии')	своб.	средн.	<i>перед лицами</i> кого-чего	-
4	<i>перед лицом₂</i> кого-чего ('в условиях')	своб.	выс.	-	<i>пред лицето на кого</i>
5	<i>лицом₁</i> к кому-чему (локатив)	своб.	выс.	<i>лицами</i> к кому-чему	<i>с лице към</i>
6	<i>с каким лицом</i>	своб.	выс.	<i>с лицом</i> кого	-
7	<i>с лицом</i> кого	своб.	средн.	<i>с лицами</i> кого	-
8	<i>(не) к лицу₁</i> кому что ('идёт, подходит')	обусл.	выс.	<i>(не) к лицу₁</i> кого что	глагольные конструкции: <i>тази рокля ви отива</i>
9	<i>(не) к лицу₂</i> кому что (делать) ('прилично, пристало')	обусл.	средн.	<i>(не) к лицу₂</i> кого что	глагольные конструкции: <i>това не ви отива, не ви прилича</i>
10	<i>лицом₂</i> к кому-чему (директив-финиш)	связ.	выс.	<i>лицами</i> к кому-чему	<i>с лице към (обръща)</i>

⁵ Эта единица отмечена в словарях [Бернштейн 1986] и [Чукалов 1981] с пометой «устойчивое фразеологическое сочетание и идиоматическое выражение».

11	в лицо₁ кому-чему (говорить)	связ.	низк.	в лицо кого- чего	в лицо на някого (казвам, говоря, изсмивам се)
12	в лицо₂ чему (смотреть)	связ.	низк.	в лицо чего	в лицо на кого (гледам)
13	перед лицо кого-чего	связ.	средн.	-	-
14	на лице чего	своб.	выс.	-	?
15	с лица чего	связ.	выс.	-	?
16	на лицо чего	связ.	выс.	-	?
17	от лица чего	связ.	выс.	-	?

ЛИТЕРАТУРА

Бернштейн 1986 – *Бернштейн С.Б.* Болгарско-русский словарь: около 58 000 слов – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз. – 768 с.

Виноградова 2013 — *Виноградова Е.Н.* Мотивированные предлоги и аналоги предлогов: пути грамматикализации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. №4 – С. 138—163.

Виноградова, Чекалина 2013 – *Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л.* **Такие разные глаза...** Предложные единицы, включающие лексему *глаз/глаза* (зарисовки на материале славянских языков) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред кол. М.Л. Ремнёва, Е.Л. Бархударова, А.И. Изотов, В.В. Красных, Ф.И. Панков – М.: МАКС Пресс. Вып. 47. – С. 103-122.

Всеволодова 2010 – *Всеволодова М.В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. № 4 – С. 3-26.

Всеволодова 2011 – *Всеволодова М.В.* К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. № 3 – С. 103-135.

Всеволодова 2012 – *Всеволодова М.В.* Система морфосинтаксических типов русских предлогов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. № 5 – С. 30-78.

Всеволодова и др. 2013 – *Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн.1. – М: URSS. – 304 с.

Гочев 2007 – Славянските предлози, словенски предлози, славянские предлоги, славянскія прыназоўнікі, слов'янські прийменники, przymyki słowiańskie / Ред. *Г. Гочев* – Велико Търново: ИВИС. – 199 с.

Жирмунский, Суник 1965 – *Жирмунский В.М.* Аналитические конструкции в языках различных типов / Ред. *В.М. Жирмунский, О.П. Суник*. М.-Л. – 343 с.

Загнітко и др. 2007 – Словник українських прийменників / *А.П. Загнітко, І.Г. Данилюк, Г.В. Ситар, І.А. Щукіна*. – Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО». – 416 с.

Канюшкевіч 2008-2010 – *Канюшкевіч М.І.* Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 частках. – Гродна, 2008-2010. – 3 тома.

Канюшкевіч 2010 – *Канюшкевіч М.* Соматизмы в функции предлога (К вопросу о границах категории персональности) // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 20 / Укл.: *Анатолій Загнітко* (наук. ред.) Донецьк: ДонНУ, 2010 – С. 79-86.

Плунгян 2001 – *Плунгян В.А.* Грамматикализация / Электронная энциклопедия «Кругосвет» (www.krugosvet.ru), 2001.

РГ – Русская грамматика – М., 1980. – 25 000 экз.

Тихомирова 1972 — *Тихомирова Т.С.* Процессы адвербиализации форм творительного беспредложного в польском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М. – 372 с.

Черкасова 1967 — *Черкасова Е.Т.* Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука. – 280 с.

Чукалов 1981 – *Чукалов С.К.* Русско-болгарский словарь: 50 000 слов – 6-е изд. – М.: Рус.яз. – 911 с.

Heine et al. 1991 – *Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F.* Grammaticalization: a conceptual frame work. Chicago: University of Chicago Press. – 318 p.

Hopper, Traugott 1993 – *Hopper P.J., Traugott E.C.* Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press – 277 p.

Lehmann 1995 – *Lehmann Ch.* Thoughts on grammaticalization: a programmatic sketch. Rev. ed. München: Lincom Europa. – 186 p.

Svorou 1993 – *Svorou S.* The grammar of space. Amsterdam: John Benjamins. – 290 p.

Екатерина Николаевна Виноградова
Валерия Львовна Чекалина

ЛИЦЕ В ЛИЦЕ С ПРЕДЛОЗИТЕ (ЗА ПРЕДЛОЗИТЕ И ТЕХНИТЕ АНАЛОЗИ В БЪЛГАРСКИ И РУСКИ ЕЗИЦИ)

Резюме

Статията отразява резултатите от работата в рамките на международния проект «Славянски предлози в синхрония и диахрония: морфология и синтаксис (М.В. Всеволодова, Г. Гочев, А.П. Загнитко, М.И. Канюшкевич и др.)». Статията е посветена на граматиката на предлога, като е направен анализ на 17 предложни единици със соматизма «лице». Доказва се, че соматизмът (употреба на соматизми – названия на тялото (гр. σῶμα – тяло, плът) и на неговите части) е източник на граматикализация – постепенно придобиване на граматическо значение и функция на служебна дума – предлог. От една страна, предложните единици на руски и български езици се анализират в съпоставителен план, от друга страна, се прави опит за подреждането им в зависимост от степента на тяхната граматикализация (прехода им в предлози като част на речта).

Ключови думи: предлог, соматизъм, граматикализация

Римма Аркадьевна Спасова
СУ им. Климента Охридского
София, България

СИМВОЛИКА АЛЛЕГОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Анотация: В статье исследуется функциональная сущность эстетически реализованного языка в сложной системе текстуальных словесных взаимодействий в контексте художественного произведения. На материале аллегорической сказки В.М.Гаршина «Attalea Princeps» анализируются стилистические приемы актуализации эстетического значения слова, при которой возникают новые и неожиданные ассоциативно-смысловые взаимодействия слов в художественном тексте.

Ключевые слова: система художественного текста, стилистические приемы, контраст, контекстуальное взаимодействие, аллегория, символические образы.

Rimma Arkadieвна Spasova
Sofia University St. Kliment Ohridski
Sofia, Bulgaria

SYMBOLISM OF ALLEGORICAL IMAGES IN THE SYSTEM OF LITERARY SPEECH

Abstract: The paper studies the functional essence of aesthetic language realization in the complex system of context dependence in literary speech. On the basis of the material fiction («Attalea Princes» of V.M.Garshin) the author analyzes stylistic devices of complicated and extended evolution in the context, of which arise new and unexpected suggestive semantic interactions between the words in the literary speech.

Keywords: system of literary speech, stylistic devices, contrast, context dependence, allegory, symbolic images.

Системность художественного текста – это внешнее выражение его смысловой (тематической) и коммуникативной целостности. Смысловая целостность текста определяется единством его темы, под которой понимается смысловое ядро текста, «конденсированное и обобщенное содержание текста» [Шевченко 2003: 94]. Очевидно, что текст неоднороден: в нем разрабатываются разные сюжетные линии, перекрещиваются темы, меняются точки зрения, вводятся разностилевые средства, но разные сюжетные линии объединяются одной темой или одним персонажем, одним пространственно-временным континуумом.

Многомерность основных содержательных систем текста реализуется в трех ипостасях – Человек, Время, Пространство. Эти универсальные категории являются необходимыми атрибутами эстетического пространства художественного текста, так как они его организуют, то есть выполняют текстообразующую эстетическую функцию. Эта функция обнаруживается в пространственно-временной организации художественной реальности как «условной, вымышленной или близкой реальному миру, в организации системы

образов персонажей, в установлении позиции автора по отношению к изображаемому миру» [Бабенко, Казарин, 2003: 54].

В системе художественного текста, выступая в качестве эстетической единицы, слово находится в сложном взаимодействии с идеей и образной системой произведения, приобретая, таким образом, значения, которые часто не имеют своих знаков в речи, так как они индивидуальны для каждой художественной системы. Функционирование слова, осуществляемое в форме эстетической трансформации, порождает эстетическое значение, которое, базируясь на языковом значении слова, полностью его преобразует, обрастает новыми ассоциативными смыслами и превращает слово в «многоаспектную единицу» [Есаулов 1991: 18].

Эстетическая трансформация слова в системе художественного текста свидетельствует о широких и разнообразных авторских ассоциациях, об определенной «семантической цепочке», рождающейся в процессе творческого мышления и отражающей авторское восприятие действительности. На основе этих факторов формируется система образных средств, эстетическое воздействие которых проявляется в этой системе и зависит от ее внутренней организации. Таким образом, слово, функционирующее в художественном тексте, следует рассматривать как компонент двух систем: линейной, эксплицитной системы, которая характеризуется последовательностью извлечения образного смысла, и эстетической, имплицитной системы, характеризующейся скрытым, глубинным взаимодействием слов.

У каждого писателя, мастера художественного слова, свои неповторимые приемы эстетической трансформации средств языка и создания аллегорической символики, которая делает его стиль индивидуальным. Аллегория у В.М.Гаршина представляет собой сложную мыслительную операцию, суть которой состоит в соотношении двух смыслов: поверхностного и глубинного смысла, т.е. «скрытого и не выраженного эксплицитно в тексте, раскрывающего некое отвлеченное понятие, идею» [Махов 2008, 15]. При создании символично-аллегорических образов на основе стилистических приемов писатель раскрывает ассоциативно-символические связи слов, обнаруживающие «глубинную

контаминацию лингвистических факторов» с идейно-художественным смыслом образно-речевого целого [Черемисина-Ениколопова 2001: 29].

Сказка-аллегория В.М.Гаршина «Attalea Princeps» выбрана для анализа не случайно, она исследуется как образно-речевое целое в переплетении ассоциативно-символических отношений, возникающих на основе эстетической трансформации средств аллегории. В гаршинской сказке слово «живет» не только внутри одного минимального контекста, но и в межконтекстных зависимостях. И каждое новое их употребление несет в себе след прежних семантических связей, что обнаруживает и новый виток в движении образной темы.

Сказка начинается с описания ботанического сада, в котором находится огромная оранжерея из железа и стекла: *Она была очень красива: стройные витые колонны поддерживали все здание; на них опирались легкие узорчатые арки, переплетенные между собою целой паутиной железных рам, в которые были вставлены стекла. Особенно хороша была оранжерея, когда солнце заходило и освещало ее красным светом. Тогда она вся горела, красные отблески играли и переливались, точно в огромном, мелко отшлифованном драгоценном камне. Сквозь толстые прозрачные стекла виднелись заключенные растения.*

Заслуживает внимания, с точки зрения эстетической нацеленности, весь контекст, в котором заметно стремление автора подготовить читателя к восприятию чего-то необычного, небывалого, таящего в себе самый неожиданный исход. Характерно, что целый ряд ярко контрастирующих образов, создающих глубокие и разветвленные ассоциативные связи, содержатся именно в экспозиции сказки. Так, эстетически значимыми являются контрастно сопоставленные символические образы: *солнце освещало ее красным светом; она вся горела; красные отблески играли и переливались*, с одной стороны, и с другой - *паутина железных рам; толстые прозрачные стекла*. Данное ассоциативно-символическое сопоставление построено не только на основе контраста, при котором противопоставляется солнечный свет как символ беспредельной свободы толстым стеклам, железным рамам как символу тюремной

неволи, но и на параллелизме пространственных планов: линейного, неограниченного пространства (*ясное небо*) и ограниченного пространства (*стеклянная крыша*): «*Как ни прозрачна стеклянная крыша, но она не ясное небо*».

Цвет в художественной речи Гаршина становится не столько носителем реального цвета, сколько средством выражения эмоциональной оценки, передавая субъективно окрашенный индивидуальный образ *красного солнечного света* как символа свободы. Однако в сравнительной конструкции *красные отблески играли и переливались, точно в огромном... драгоценном камне* семантика цветового обозначения приглушается, уходит на задний план и усиливает эмоциональное восприятие тяжеловесности всего контекста, в котором описывается угнетающая сила ограниченного железом и стеклом пространства. А *витые, узорчатые, переплетенные железные рамы* создают возрастающую градацию ощущения весомости и плотности тюремных решеток, за которыми томятся *заключенные растения*.

Аллегорические образы растений, созданные Гаршиным, выполняют в его художественной системе самые разнообразные эстетические функции. Они подчиняют себе весь окружающий контекст, в котором отдельные слова утрачивают свою обособленность и создают единый эмоционально окрашенный образ. Как отмечает А.Ф.Лосев, «символ вещи, данный при помощи какого-нибудь изображения, всегда есть нечто оформленное и упорядоченное. Он содержит в себе какую-то идею, которая оказывается законом всего его построения» [Лосев 1995: 64]. Привезенные из жарких стран, заключенные в оранжерею растения *помнили иной ветер, теплый, влажный, дававший им жизнь и здоровье*. Однако в оранжерею им тесно: *Корни переплелись между собою и отнимали друг у друга влагу и пищу. Ветви деревьев мешались с огромными листьями пальм, гнули и ломали их и сами, налегая на железные рамы, гнулись и ломались*. Насыщение контекста аллегорическими образами, поддерживающими ощущение тесноты и напряженности в тюремной камере, усугубляет осознание физического и нравственного страдания обреченных на заключение растений.

На фоне ощущения беспомощности и обреченности Гаршин описывает пальму *Attalea Princeps*, которая *на пять сажен возвышалась над другими растениями и больше всех тосковала о родном небе*. Поэтому именно она решилась на героический поступок – сломать железные рамы и выйти на волю: *Я хочу видеть небо и солнце не сквозь эти решетки и стекла, - и я увижу!* Однако пальму не поддерживают другие растения, она совсем одинока в своем гордом стремлении к свободе: *Я и одна найду себе дорогу!* Образ одиночества, появляющийся на первых страницах сказки и проходящий через все повествование, глубже и сложнее просто настроения и ощущения одиночества не только в его обыденном, но даже и философском содержании. В сказке ясно и отчетливо просматривается сквозной, постоянно меняющийся и уходящий в бесконечность образ одиночества, который как бы по частям складывается из множества других микрообразов.

Философский образ одиночества писатель создает из обыденных факторов, придавая им аллегорическую символику: *пальма была совсем одна... выше всех и красивее всех...*, другие растения *не любили ее, завидовали ей и считали гордою...*, *когда растения болтали между собою, Attalea всегда молчала...*, *все были вместе, а она была одна*. Дальше образ усложняется, обогащается новыми оттенками, обретает осязаемые грани: это уже одиночество среди чужих, одиночество гордого, ненавидящего насилие и жестокость человека.

Не может поддержать пальму и жалкая, бессильная травка, которая тянется за ней и искренно сочувствует ее свободолюбивому порыву: *Если я, ничтожная, вялая травка, так страдаю без своего серенького неба, без бледного солнца и холодного дождя, то что должно испытывать в неволе это прекрасное и могучее дерево!* Это противоречие между гордым сильным существом и слабым маленьким созданием выражено в контрастном сопоставлении (*ничтожный, вялый, серенький, бледный – прекрасный, могучий*), которое трансформирует эстетическое значение в словосочетании *совсем одна* и перерастает в символический образ гордого в своем одиночестве борца за свободу.

Действуя по нарастающей, драматическое начало аллегорической сказки приобретает все более значимый характер, расширяя перспективы от более конкретных образов к более обобщающим символическим смыслам. В данных контекстах контраст наиболее полно раскрывает специфику полярных художественных образов «жизни и смерти», воспроизводящих противоречия окружающей действительности.

Эта эстетическая идея формируется на основе стилистических фигур, создающих противоречие как логическую разновидность контраста [Новиков 1999: 349], внутри которого несовместимость разных понятий предстает как взаимосвязь, синтез. Начало аллегорической сказки в данном художественном тексте оказывается «центром порождения разнонаправленных связей», а композиционные и смысловые связи слов, развивая свой поэтический потенциал и становясь «текстопорождающими», выполняют функцию «наращения смысла заглавной конструкции» [Фатеева 2010: 29], т.е. начальное описание растений, заключенных в оранжерею из железа и стекла, становится формой, которая наполняется содержанием всего произведения.

Несомненный интерес представляет в этой области исследование Г.В. Андреевой, которая рассматривает «контрастоспособные единицы», участвующие в репрезентации контраста на лексическом уровне целого текста. Как отмечает автор, сближение контекстуальных антонимов характеризует неожиданность и непредсказуемость. Это единицы, приобретающие способность быть противопоставленными только в самом контексте. При этом «мотивировочными признаками контрастных ассоциатов» являются точка зрения автора с присущим ему комплексом ассоциаций, индивидуальный ассоциативный тезаурус читателя, общие законы образно-ассоциативного построения текста и т. д. Нередко, чтобы объяснить контекстуальное противопоставление этих слов, нужно привлечь ассоциативные связи, основанные на образном характере самого художественного произведения. [Андреева 1998: 12]. Это положение подтверждается и нашими наблюдениями.

Изображение безысходного трагизма гордых мечтателей, ведущих борьбу за свободу в одиночестве, проявляется не только в

символико-аллегорических образах, но и в детализированном описании зимней бури, возникающего на первых страницах и до конца сопровождающего символический образ смерти. Введение образа зимней бури является как бы предупреждением трагической гибели пальмы в ее явно обреченной на неудачу, бесплодной попытке в борьбе за освобождение: *Была глубокая осень, когда пальма выпрямила свою вершину в пробитое ею отверстие. Моросил мелкий дождик пополам со снегом. Деревья уже оголились и угрюмо смотрели на пальму. «Замерзнешь! – как будто говорили они пальме. – Ты не знаешь, что такое мороз! Зачем ты вышла из своей теплицы?» И Attalea поняла, что для нее все было кончено. Она застывала.*

В последние минуты жизни, наконец-то увидев небо, к которому она так стремилась, пальма задумывается о философском смысле совершенного ею подвига: *«Только-то? И это все, из-за чего я томилась и страдала так долго? И этого-то достигнуть было для меня высочайшей целью?»* В этих словах – предсмертное разочарование, которое переживает свободолюбивая героиня Гаршина и которое усиливает образ ее одиночества. После трагической гибели мертвую пальму спиливают и выбрасывают на задний двор, прямо в грязь. На полузасыпанной снегом пальме – маленькая травка: *Пальму привязали канатами... и низко, у самого корня, перепилили ее. Маленькая травка, обвивавшая ствол дерева, не хотела расстаться со своим другом и тоже попала под пилу.* Так, Гаршин, стремясь усилить именно трогательную ноту своего грустного и сочувствующего повествования, выражает преклонение перед романтикой подвига, хотя и обреченного на неудачу. О сочувствии к гаршинским символико-аллегорическим образам пишет и Г.А.Бялый: *«Гордое, сильное существо и слабое, но понимающее красоту подвига создание, сравнялись в трагической гибели»* [Бялый 1955: 39].

Именно в финале аллегорической сказки окончательно пересекаются ведущие символические образы, воплощающие единство и неразрывность жизненных связей природного мира с человеческой судьбой. Эти символические образы свободы, тюремной неволи, одиночества, жизни и смерти, возникающие в

тексте сказки на основе эстетических трансформаций и ассоциативных связей слов, являются категориальными началами художественного мышления Гаршина. Каждый из этих образов реализует определенные категории авторского сознания, обуславливающие индивидуальность творческого мышления и осмысления действительности художником слова.

Следовательно, сложный процесс создания эстетической трансформации средств аллегории в сказке «Attalea Princeps» связан как с трансформацией традиционных словесных ассоциативных связей, так и с умением писателя извлечь из слова глубинные, потенциальные смыслы, основанные на новизне сочетаемостных вариаций. Сложные цепочки соответствий, организующих эстетическую систему текста, дают возможность писателю трансформировать скрытые эстетические значения слов, обычно относящихся к разряду непоэтической лексики. С другой стороны, созданные Гаршиным аллегорические образы выявляют бесконечные возможности языка, способного передавать любые художественные интерпретации действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева 1998 – *Андреева Г.В.* Актуализация категории противоположности в художественном тексте // Актуальные проблемы стилистики декодирования, теория интертекстуальности, в семантике слова и высказывания. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. – С. 10–17.

Бабенко, Казарин 2003 – *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. Москва: Флинта-наука.– 496 с.

Бялый 1955 – *Бялый Г.А.* В.М. Гаршин. Москва: ГОСЛИТИЗДАТ.– 108 с..

Гаршин 1980 – *Гаршин В.М.* «Attalea Princeps» // Сказки русских писателей. Москва: Детская литература. – 688 с.

Есаулов 1991 – *Есаулов И.А.* Эстетический анализ литературного произведения. Кемерово: Кемеровский гос.у-тет, 1991 – 90 с.

Лосев 1995 – *Лосев А.Ф.* Форма. – Стил. – Выражение. Москва: Мысль. 1995, – 940 с.

Махов 2008 – *Махов А.Е.* Аллегория // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008, С. 15.

Новиков 1999 – *Новиков Л.А., Зубкова Л.Г., Иванов В.В.* Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. СПб, Изд. Лань – 864 с.

Фатеева 2010 – *Фатеева Н.А.* Синтез целого. На пути к новой поэтике. Москва: Новое лит. Обозрение. – 352 с.

Черемисина-Ениколопова 2001 – *Черемисина-Ениколопова Н.В.* Симметрия / асимметрия как глубинный универсальный бинарный лингвистический и общенаучный закон // Общие методологические проблемы филологии. СПб. Ставрополь, 2001. Вып.6. С. 29 – 39.

Шевченко 2003 – *Шевченко Н.В.* Основы лингвистики текста. Москва: Приор-издат. – 160 с.

Римма Аркадиевна Спасова

СИМВОЛИКА НА АЛЕГОРИЧНИТЕ ОБРАЗИ В СИСТЕМАТА НА ХУДОЖЕСТВЕНИЯ ТЕКСТ

Резюме

В статията се анализира един от стилистичните похвати за създаване на символиката на алегоричните образи, въз основа на което се разкриват спецификата на стила и индивидуалния почерк на писателя, определят се семантичните особености на алегоризацията на думите, извежда се същността на техните структурно-семантични изменения. Символиката на алегоричните образи като стилистичен похват предполага редица фактори от лексикално и граматично естество, подпомагащи формирането на сложни контекстуално-синонимични отношения между думите и служещи за най-адекватно отражение на противоречията и конфликтите в реалната действителност. В приказката на В.М. Гаршин «Attalia Princeps», като един от основните принципи на структурно-семантичното изграждане на художествения текст, алегоричните образи на свободата, затворническата неволя, самотата, живота и смъртта позволяват с максимална убедителност и експресия да вербализират концептуално значимите фрагменти на литературното произведение, реализирайки се предимно като символични елементи на художествения текст и маркирайки особеностите на индивидуалния стил на автора.

Ключови думи: система на художествения текст, стилистични похвати, контраст, контекстуално взаимодействие, алегория, символични образи.

Светлана Владимировна Коростова
Южный федеральный университет
Россия, Ростов-на-Дону

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СРЕДСТВ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация: В статье рассматривается проблема типологии средств актуализации функционально-семантического поля эмотивности. Исследуются разноуровневые языковые единицы, функционирующие в русском художественном тексте и формирующие определенные микрополя эмотивности. Определяется специфика языковых средств выражения эмотивности и особенности их взаимодействия с маркерами других функционально-семантических полей, прежде всего, поля экспрессивности и оценочности.

Ключевые слова: категория эмотивности, микрополя эмотивности, интеллектуальная и эмоциональная оценка, эмотивное высказывание.

Svetlana Korostova
Southern Federal University
Russia, Rostov-on-Don

REVISITING THE TYPOLOGY OF MEANS OF ACTUALIZING THE CATEGORY OF EMOTIVITY IN THE TEXT OF RUSSIAN FICTION

Annotation: The article deals with the problem of typology of the means for actualizing the functional-semantic field of emotivity. It researches linguistic units of various levels, which are functioning in the text of Russian fiction and forming certain micro-fields of emotivity. Specific features of linguistic means of emotivity and the peculiarities of their interaction with the markers of other functional-semantic fields (primarily the fields of expressiveness and evaluation) are determined.

Keywords: the category of emotivity, micro-fields of emotivity, intellectual and emotional evaluation, emotive utterance.

Сфера эмоционального входит в ценностную картину ментального мира говорящего на русском языке, чем объясняется

многообразии языкового выражения эмотивно-оценочных смыслов в процессе общения. Общие фоновые знания носителей языка о ситуации и об аксиологическом статусе языковых единиц определяют эффективность коммуникации, в том числе и литературной. Русская художественная литература, в силу более позднего формирования по сравнению с европейской, заставляет читателя удивляться окружающей действительности, прочувствовать каждое ее событие. Именно поэтому исследование русского художественного текста как эмотивно-оценочного пространства, сформированного за счет диалогов участников литературной коммуникации, а также изучение языковых средств выражения категории эмотивности в художественном дискурсе представляется значимым не только в коммуникативно-прагматическом, но и в когнитивно-лингвокультурологическом аспекте.

Структура поля связана с категорией эмотивности как системно-языковой и коммуникативно-прагматической, входящей в качестве компонента семантики слова, высказывания, текста и актуализирующейся в речи как субъективное отношение говорящего к объекту оценки. Полицентричность функционально-семантического поля эмотивности, на наш взгляд, определяется существованием нескольких центров, зон эмотивности, функции и способы выражения которых зависят от соотношения в семантике языковых единиц эмоционального и рационального, интеллектуального. Микрополя эмотивности находят свое целостное отражение в художественном тексте, поскольку именно литературная коммуникация представляет собой особое эмотивно-оценочное пространство диалогического взаимодействия.

Первое микрополе/зона эмотивности - **микрополе импульсивности** - актуализируется за счет реактивов, или импульсивов, т.е. тех языковых средств, в семантике которых эмотивность является компонентом денотативного значения, а значит реализация эмотива в речи происходит на уровне бессознательного, рефлексивного, причем не учитывается адресованность речевого акта, его ориентация на другого. К таким языковым средствам можно отнести междометия, инвективы, лексические эмотивы, специальные

фразеологизмы эмотивного характера, включая устойчивые сравнения, эмотивные коммуникемы.

Языковые способы выражения эмоционального состояния, как правило, связывают с эмотивностью высказывания, поскольку оно отражает воспринимаемую ситуацию и ее эмоциональную оценку субъектом речи.

В пространстве художественного текста может быть выделено микрополе **эмотивной оценочности**, в реализации которого задействовано интеллектуальное начало, причем оно минимально, доминирует эмоциональность (бранные слова, эмотивные синтаксические конструкции с частицами «какой, как» типа *Какой прекрасный вид!*, коммуникативы типа *Где наша не пропадала!* и т.п.).

Микрополе **прагматической эмотивности** также может быть представлено нечленимыми предложениями непонятной семантики, в которых преобладает интеллектуальное, рациональное оценочное начало, сопровождаемое информацией о психическом состоянии говорящего в речевом акте воздействия, направленном исключительно на собеседника (например: *Еще чего <не хватало>!* - «Выражение категорического отрицания, несогласия в сочетании с возмущением и т.п. ... - Витя, помоги мне сделать сегодня уроки! – *Еще чего!* (Носов, Витя Малеев в школе и дома) [Меликян 2001: 92]). Кроме коммуникативов, в названное микрополе могут входить восклицательные и вопросительные предложения, энантиосемичные высказывания, обращения, лексический и синтаксический повторы. Средства выражения микрополей эмотивной оценочности и прагматической эмотивности коррелируют в художественном тексте со способами актуализации категории экспрессивности.

Особое место среди средств выражения функционально-семантического поля эмотивности занимают междометия и восклицательные предложения – специализированные средства выражения эмоций и оценок. Специфика междометия состоит в том, что эмоциональное содержание является его денотативным, основным значением. Представляя архив малых форм дискурса в русском и немецком языках, С.Э. Носкова включает в их число междометия, которые могут быть квалифицированы и как

нечленимые предложения или коммуникемы (коммуникативы) (типа *Ишь (ты)! Туда ему и дорога!*, а также конструкции, относимые другими лингвистами к высказываниям с полифункциональными служебными словами (типа *Чтоб тебе (ему) пусто было! Чтоб тебе ни дна ни покрывки!* и под.) [Носкова 1996: 16].

Денотативным значением эмотивности обладают также восклицательные предложения. Термин «восклицательное предложение» условен, так как речь здесь идет не об отдельном функциональном типе предложения, обладающем своими формальными свойствами, а об обычной форме повествовательного (вопросительного, побудительного) предложения, которая приобретает в речи восклицательную интонацию. Восклицательность в виде особой эмоциональной интонации накладывается на разные типы предложений – на повествовательные, вопросительные, побудительные, превращая их в эмоционально насыщенные.

В рамках поля эмотивности находятся также энантиосемичные высказывания, употребление которых объясняется заключенными в них скрытыми смыслами, актуализирующимися в контексте. Специфика коннотаций в данных синтаксических конструкциях состоит в том, что они возникают на основе сосуществования в одном контексте двух противоположных значений, двух голосов, по М.М. Бахтину (Бахтин 1979¹), которые не превращаются в третье, а воспринимаются одновременно. Самым распространенным средством создания иронии является так называемое «двухголосое» слово или высказывание: «Посмотрите, какой он умный!» (не умный, а глупый) или «Хорош вечер!» (не вечер, а ночь). Подобные высказывания имплицитно содержат негативную оценку события или адресата, при этом развивается энантиосемичное значение высказывания. Второй голос декодируется контекстом, а маркером иронии является интонация, которая всегда сопутствует «двухголосому» слову, но может и самостоятельно выражать ироническую оценку. Энантиосемичные высказывания выражают содержание экзистенциальной пресуппозиции: - *Я напишу о твоих проделках!* – **Вот испугал-то!** *Пиши, сколько душе угодно.* Знание

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

факта, связанного со статусом или индивидуальными характеристиками собеседника, позволяет говорящему актуализировать экспрессивно-ироническое и эмотивно-оценочное значение энантиосемичного высказывания. Как справедливо замечает Г.Ф. Гаврилова, «вторичный смысл таких конструкций реализуется за счет их синтагматики: «Андрей ему поможет. – Поможет он. Как же. Держи карман шире». Ср.: «Кто ему поможет? У него ведь нет родных». Негативное значение приведенных выше утвердительных предложений всегда сопровождается дополнительными субъективно-модальными наслоениями, которые реализуются в виде эмоционального неприятия факта, о котором сообщается (огорчения, возмущения и т.п.)» [Гаврилова 2005: 20]. «Передаваемая информация, - пишет Г.Ф. Гаврилова, - в случаях синтаксической энантиосемии - повторение того, что находится в сфере значения собеседника, но уже в виде «маски» отрицательного высказывания, содержащего иронию, сарказм в отношении того, в чем, по мнению говорящего, ошибочно убежден собеседник. При этом в роли вторичных возможны только такие структуры, семантика которых как бы находится на грани утверждения и отрицания. Это конструкции с предикатами в форме будущего времени, повелительного наклонения; вопросительные предложения, которые отражают незнание говорящим, существует ли этот факт в реальности» [Гаврилова 2005: 21].

Выделяя две ипостаси эмотивности как функционально-семантической категории, основной функцией которой является выражение эмоций, В.И. Шаховский разграничивает прагматическую составляющую категории, связанную с субъективным отношением говорящего к объекту оценки, которая всегда экспрессивна, и эмотивность как компонент коннотативной семантики слова, высказывания, текста. Причем выделенные компоненты различаются онтологически: если эмотивность первого типа регулярно пересекается с функционально-семантической категорией оценочности и субъективной модальности, то эмотивность второго типа имеет узуальный характер и может актуализироваться или нейтрализоваться в речевом контексте. Например, в трилогии К. Симонова «Живые и мертвые» эмотивность первого и второго типа

актуализируется, как правило, в прямой и несобственно-прямой речи, а в авторском повествовании эмотивность второго типа чаще всего нейтрализуется, здесь преобладают средства выражения категории экспрессивности (тропы, оценочные фразеологизмы, разного рода повторы и др.): *...И, глядя в эти беспощадные в ту минуту женские лица, Климович заново пережил весь свой **крестный путь**, начавшийся потерей семьи. **Вся горечь**, которую он накопил с первого дня войны, **все кровавые дороги, все потери, все подбитые немцами и сожженные своей рукой танки** – все это собралось в один кулак и этим кулаком его ударили прямо в сердце: «**Что, танкисты, отвоевались?**» (К. Симонов. Живые и мертвые, гл.15).*

Эмотивное высказывание прямой речи представляет собой вопросительную конструкцию, выражающую негативное эмоциональное состояние говорящего, чувство досады, укор, связанный с развитием ситуации по иному сценарию, чем тот, который был ожидаем. Эмотивно-оценочный глагол *отвоевался* в данном контексте является ядерным компонентом поля эмотивности, актуализирует семантику оценочности, интенсифицирует высказывание, придает ему экспрессию. Однако в другом контексте эмотивность глагола может быть нейтрализована, хотя оценочность как элемент коннотативной семантики сохраняется: *... Но летом сорок четвертого года, когда прямо перед носом зачехленной уже, готовой к переезду батареи выскочили немецкие танки, Гуськова ранило совсем не легонько. Почти сутки он не приходил в себя. А когда очнулся и поверил, что будет жить, утешился: все, **отвоевался**.* (В.Распутин. Живи и помни).

В лексике носителями денотативных значений эмотивности являются словообразовательные элементы, коррелирующие с соответствующими нейтральными вариантами: *мальчишка* – *мальчик*, *мамочка (мамуля, мамаша)* – *мать*. Слова *страх*, *болван* и подобные к узуальным эмотивам не относятся по двум причинам: а) эти слова не имеют нейтрального варианта, б) эти слова выражают не эмоции, а понятия. Однако в эмотивном контексте они приобретают определенные коннотации, причем оценочный знак зависит от экстралингвистической ситуации (ср. *Сердце в ней трепетало от страха.* – *Страх как испугалась!*)

Динамическая картина мира автора текста связана с актуализацией эмотивно-оценочной семантики языковых средств, в частности оценочных глаголов, в процессе речетекстовой коммуникации. Микрополя эмотивной оценочности и прагматической эмотивности актуализируются в тексте прежде всего за счет эмотивно-оценочных глаголов, выступающих в функции предиката, который формирует эмотивное высказывание. Аксиологические предикаты, ядром которых являются эмотивно-оценочные глаголы, создают семантическую структуру высказывания, актуализируют цель речевого акта.

Система оценки, обусловленная одним из аспектов языковой картины мира, основана прежде всего на ценностном отношении субъекта речи к адресату. Оценочность такого рода можно отнести к универсальной для большинства культур. Причем не все явления окружающего мира воспринимаются и эмоционально переживаются человеком, но только значимые в социокультурном плане события и ситуации, к которым можно отнести диалогическое взаимодействие коммуникантов, либо те действия или состояния, которые оцениваются коллективным сознанием как отклонения от нормы, стереотипа поведения в социуме.

Именно глагол является синтаксическим стержнем высказывания, текста, что определяет значимость знаний о функционировании глаголов в коммуникативном процессе. В семантической структуре русских оценочных глаголов коннотация как экспрессивно мотивированный компонент есть результат оценочного восприятия и отражения мира. Оценочное отношение субъекта речи предполагает реализацию в высказывании двух видов модальности: денотативно-оценочной, в которой актуализируется собственно-оценочное значение, и эмотивно-оценочной, которая связана с ассоциативным мышлением говорящего, с созданием в сознании внутреннего образа на основе сравнения, причем эмотивно-оценочная модальность названа в работах В.Н. Телии «непременным компонентом коннотации» [Телия 1986: 21-26]. Денотативно-оценочная модальность входит в объем лексического значения слова, тогда как эмотивно-оценочная относится к сфере коммуникации, в

фокусе оценки здесь оказывается отношение субъекта речи к другому лицу, ситуации.

Русский эмотивный художественный текст организуется за счет типичных синтаксических конструкций, потенциально способных выражать эмоциональное состояние субъекта речи. Эмотивное высказывание представляет собой особый коммуникативный тип, в котором эмотивный компонент занимает основную позицию в смысловой структуре высказывания. На наш взгляд, именно эмотивное высказывание актуализирует в речи компоненты микрополей функционально-семантического поля эмотивности. Особое место в системе средств репрезентации эмоций занимают вопросительные предложения, которые являются индикаторами эмотивно-оценочных смыслов в русском нарративе и относятся к микрополям эмотивной оценочности и прагматической эмотивности.

Эмотивность вопросительных конструкций связана с функциональной семантикой высказывания, предназначенного для выражения спонтанного эмоционального состояния говорящего. Прежде всего мы имеем в виду нечленимые конструкции типа *На что она ему сдалась? А больше ничего не хочешь? Да что же это ты?* По утверждению В.Ю. Меликяна, «значение коммуникем формируется на базе объективного и субъективного аспектов категории модальности, т.е. они всегда выражают объективно-субъективное отношение говорящего к фактам реальной действительности» [Меликян 2001: 13]. Синкретизм семантики подобных синтаксических единиц, относимых к коммуникемам, определяется общей тенденцией к развитию асимметрии языкового знака - несовпадению плана выражения и плана содержания в процессе актуализации вопросительной конструкции в эмотивном дискурсе, благодаря чему в семантической структуре высказывания появляются дополнительные эмотивно-оценочные смыслы. Например: *Он схватил Евгения Ивановича за горло и заорал:*

- *Попался!*

- *Пустите! Вы что, с ума сошли?! – пытался вырваться Трошкин.* (В. Токарева. Джентльмены удачи).

Об этом свойстве вопросительных конструкций пишет известный исследователь проблем синтаксиса простого и сложного

предложения Г.Ф. Гаврилова: «Подобные предложения характеризуются асимметрией формы и содержания, где вопросительная форма – всего лишь «маска» не соответствующего ей содержания. Отсюда неизменный эффект неожиданности. Такие конструкции, как правило, служат средством эмоционального воздействия на собеседника, наиболее часто они используются в живой разговорной речи, где речевой замысел говорящего передается еще и с помощью интонации» [Гаврилова 2005: 24].

Говоря о семиоимпликационных значениях языковых знаков, М.В. Никитин определяет их как «выводное знание, вероятностные заключения из конкретных ситуаций употребления знаков» [Никитин 1997: 7]. Как имплицитное утверждение в лингвистике рассматривается риторический вопрос (как вопрос, не требующий ответа, так как ответ выражается самим содержанием риторического вопроса, являющимся эмоционально-экспрессивным утверждением). Вопросительная конструкция, употребляемая в негативно-оценочном значении, обязательно связана с выражением эмоционально-оценочных оттенков смысла, с прагматической фокусировкой актуальной проблемы. Например:

- *Мы говорим о будущем, - сказал Голем.*

- **Какой смысл говорить о будущем?** – возразил Павор. – *О будущем не говорят, будущее делают...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Хромая судьба).

Особенность представленных вопросительных конструкций заключается не только в наличии переносных, семиоимпликационных значений, о которых мы можем говорить, рассматривая, например, риторический вопрос или вопросительное предложение в императивном значении (например: *Неужели и она тоже, как все нормальные бабы, способна стать матерью?* (В. Распутин). *Куда ты идешь? Ночь на дворе* (М. Шолохов)), а в том, что в эмоциональном высказывании наблюдается синкретизм вопросительной и аксиологической семантики, причем оценочные значения, как правило, и составляют смысловую доминанту самого высказывания. При этом релевантными оказываются условия эмоциональной ситуации, определяющие интенции субъекта речи, и интонация, свидетельствующая о своеобразном «разыгрывании»

диалога, в котором синтаксической конструкции, в частности вопросительной, навязываются имплицативные значения, например:

*Разнообразные чувства обуревали меня – вплоть до восхищения самим собою. И в волнах этих чувств я без труда различал ледяную струю жестокого злорадства. Я снова вспоминал иронические улыбочки, и недоуменные риторические вопросы в критических обзорах, и пьяные подначки, и грубовато-дружественные: «**Ты что же это, старик, а? Совсем уже, а?**» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Хромая судьба)*

Основополагающим является тот факт, что все языковые средства реализации ФСП эмотивности отражают эмоции, переживания говорящего в речи. Об этом пишет В.И. Шаховский, рассматривая эмотивные приращения смысла в речи как косвенные показатели «виртуальных эмотивных сем семантики языковых единиц» [Шаховский 2008: 10]. Нельзя не согласиться с утверждением ученого о том, что потенциальные эмотивные семы языковых единиц в речевых ситуациях (чаще в конфликтных и предконфликтных – С.К.) являются основой для новых эмотивных валентностей, а это, в свою очередь, подтверждает гипотезу «о бесконечности состава речевых, т.е. некодифицированных эмотивов (эмотивно окрашенных единиц), базой которых является потенциальная бесконечность и открытость лингвистических множеств» [Шаховский 2008: 10-11]. Таким образом, функционально-семантическое поле эмотивности опирается в процессе актуализации в речи на экстралингвистические параметры ситуации, которая оценивается как эмотивная адресантом и воспринимающим эмотивное высказывание интерпретатором.

В речи, художественном тексте поле эмотивности постоянно коррелирует с маркерами других полей, прежде всего экспрессивности, интенсивности и оценочности, усиливая их воздействующую функцию. Однако, в отличие от ФСП интенсивности, оценочности (негопозитивности) и других полицентрических функционально-семантических полей, поле эмотивности не имеет четких границ: несмотря на наличие ядерных компонентов поля - реактивов, принадлежащих микрополю импульсивности (междометий, инвективов, бранных слов, частиц и

т.п.), единственной функцией которых является выражение эмоций, в языке существуют слова и синтаксические конструкции, в которых эмотивная семантика сопутствует дескриптивной (*гадкий, подлый, мордашка* и т.п., а также интонационные модификации синтаксических моделей, эмотивные коммуникативы), эти языковые средства формируют микрополе эмотивной оценочности, поскольку в его реализации задействовано, помимо эмоционального, и интеллектуальное начало. Микрополе прагматической эмотивности, основной функцией которого является воздействие на адресата, а вторичной – передача эмотивно-оценочной информации о собственных переживаниях говорящего, реализуется за счет коммуникативов, восклицательных и вопросительных предложений, энантиосемичных высказываний, эмотивных текстов.

Эмотивное высказывание, текст представляет собой «координированное единство прагматических и когнитивных структур сознания» [Никитин 1988: 20]. Текстовая эмотивность предполагает исследование доминирующих эмотивно-оценочных смыслов, функционирования микрополей эмотивности в художественном тексте, а также мотивирующей роли эмоций в концептуальном пространстве русского художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

Гаврилова 2005 – *Гаврилова Г.Ф.* Синтаксис предложения. Избранные труды. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ. – 168 с.

Меликян 2001 – *Меликян В.Ю.* Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М.: Флинта: Наука. – 240 с.

Никитин 1988 – *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения: Учебное пособие. М. – 168 с.

Никитин 1997 – *Никитин М.В.* Предел семиотики // Вопросы языкознания. №1. – С. 3 – 14.

Носкова 2006 – *Носкова С.Э.* Эмоциональный дискурс малых форм: семантический и прагматический аспекты: диссертация... д-ра филол. наук: 10.02.19. Тверь. – 326 с.

Телия 1986 – *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. – 141 с.

Шаховский 2008 – *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Издательство ЛКИ. – 208 с.

Светлана Владимировна Коростова

КЪМ ВЪПРОСА ЗА ТИПОЛОГИЯТА НА СРЕДСТВАТА ЗА АКТУАЛИЗАЦИЯ НА КАТЕГОРИЯТА ЕМОТИВНОСТ В РУСКИЯ ХУДОЖЕСТВЕН ТЕКСТ

Резюме

В статията се изследва функционално- семантичното поле на емотивността в руския художествен текст, като се посочват средствата за неговата актуализация, формиращи отделни микрополета. Анализира се взаимодействието на категорията «емотивност» с маркерите на други функционално-семантични полета – на експресивността и оценъчността. Микрополетата на емотивността са най-добре отразени в художествения текст, тъй като именно литературната комуникация е особено емотивно-оценъчно пространство на взаимодействие в рамките на диалога.

Ключови думи: категория на емотивността, микрополе на емотивността, интелектуална и емоционална оценка, емотивно изказване.

Екатерина Солнцева-Накова
СУ им. Св.Климента Охридского
София, България

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И НАУЧНЫЕ ТЕКСТЫ

Анотация: В статье рассматриваются с современной точки зрения разные подходы к лингвистике текста в США, разных странах Европы и России. Вводятся некоторые терминологические уточнения, связанные с понятием «текст», а также анализируется процесс восприятия читателем научных текстов.

Ключевые слова: текст, дискурс, текстовая лингвистика, научные тексты, познавательные блоки, идея текста, дейксис, терминоведение.

Ekaterina Vasilevna Solnceva-Nakova
Sofia University St Kliment Ohridski
Sofia, Bulgaria

TEXT LINGUISTICS AND SCIENTIFIC TEXT

Abstract: The article examines from the contemporary point of view the different approaches to text linguistics in the US, some European countries and Russia. We introduce some terminological clarifications related to the notion of «text», and also the process of percieving scientific texts by the reader.

Keywords: text, discourse, text linguistics, scientific texts, cognitive modules, idea of the text, deixis, terminology.

В последние годы мы стали свидетелями так называемых пограничных споров, в результате которых возникают промежуточные науки, но именно в этих областях наблюдается наиболее интенсивное развитие научных исследований. Этот процесс наблюдается в лингвистике текста, которая как лингвистическая дисциплина развивается успешно в Болгарии. Ее представителями являются Е. Добрева и И. Савова из Шумена, А. Матеева из Софии, проф. М. Москов (уже покойник) из СУ им. Климента Охридского, а также проф. Ст. Димитрова и М. Стаменов из Института болгарского языка при БАН, как и другие исследователи.

Лет 15 тому назад понятие «текстовая лингвистика» было знакомо лишь немногим исследователям. Когда на рубеже 60 –70 годов появилось выражение «лингвистика текста», вначале оно было воспринято весьма скептически. Многочисленные работы по лингвистике текста, и среди них монографии, диссертации и даже учебные пособия, свидетельствуют о том, что новая лингвистическая дисциплина уже существует. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что появление лингвистики текста было совершенно закономерным. Русские и зарубежные исследователи в области лингвистики текста зафиксировали множество текстовых элементов, функциональное назначение которых проявляется только за пределами отдельно взятого предложения. И вследствие этого естественно возник вопрос: принадлежат ли эти элементы и их функции языку, или же язык полностью исчерпывает свои возможности построением предложений, отношения между которыми в тексте регулируются уже иными – неязыковыми механизмами?

Нельзя не согласиться с мыслью проф. Станислава Гайды, высказанной в введении его монографии: «Основы стилистических исследований научного языка». Он пишет: «История науки убеждает нас в том, что самым результатным образом продвигаемся к

прогрессу знания путем формулирования точных вопросов» [Gajda 1982].

Создание единого и достаточно надежного терминологического аппарата для целей лингвистического изучения текста является сложной проблемой. Недаром именно в этой области существует множество лингвистических или псевдолингвистических терминов, которые одновременно помогают и сбивают с толку исследователей.

Вначале следует внести некоторые терминологические уточнения, связанные с понятием «текст». Объектом нашего исследования являются главным образом письменные научные тексты /written text/. Так, Тойл Ван Дейк

[Van Dijk 1972] подчеркивает, что текстовая лингвистика не может быть наименованием одной самостоятельной теории или одного отдельного метода. Она объединяет все лингвистические исследования, посвященные тексту как объекту исследования. Позднее Ван Дейк [Van Dijk 1978] использует понятие «текст» для обозначения абстрактного теоретического конструкта, который реализуется в дискурсе /или отношения к дискурсу приравниваются к отношению предложения к высказыванию/.

Согласно выводам Т.М. Николаевой не оправдались ожидания, что открытия в области лингвистики текста дадут лишь правила соединения предложений в связное целое, но сохранят неизменным само деление языковой системы на уровни, классы и категории. Становятся все более очевидными процессы перестройки всей реконструируемой языковой системы, что проявляется: во-первых, в введении новых содержательных категорий; во-вторых в теоретической модификации традиционных содержательных категорий; в-третьих, в появлении новых функциональных классов; в-четвертых, в преосмыслении и иной классификации единиц традиционной грамматики [Николаева 1978 : 23].

Итак, согласно определению Т.М. Николаевой «лингвистика текста является направлением лингвистических исследований, объектом которых являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам. Это направление входит в состав филологических направлений, изучающих текст» [БСЭ по языкознанию 1988: 267].

Лингвистикой текста наиболее активно занимаются в странах Европы в особенности, на базе немецкого языка в Австрии и ФРГ, где преподавание лингвистики текста введено в программу средних и высших учебных заведений и даже издается периодика по лингвистике текста.

В США в основном развивается та часть лингвистики текста, которая связана с прагматическим аспектом в языкознании, которое придерживается к дескриптивному методу. Его широкое применение связано с принципом описывать каждый отдельный язык согласно его собственным особенностям, не накладывая на него чужие модели. Для этой цели разрабатываются разные описательные техники. В 1952 г. З. Харис предлагает развернутую формальную процедуру, выходящую за рамки изолированного предложения и поэтому определяется им как «анализ дискурса». Таким образом указывается на возможность дополнить структурную лингвистику языка при помощи структурной лингвистики речи и «так исследовать единицы больше одного предложения» [Добрева, Савова 2000:5 - 6].

Таким образом, как в Европе, так и в Америке, структурные направления на уровне предложения занимают ведущее место, а текст остается вне поля зрения лингвистики до 60-х гг. XX века.

В России ведутся исследования по лингвистике текста во всех указанных направлениях. В 60-ые и 70-ые годы развиваются два параллельных направления, связанные с ее предметной областью:

1/ Согласно первому она должна специализироваться как частная языковедческая дисциплина, параллельно синтаксису, лексикологии и остальным дисциплинам того же порядка.

2/ Согласно второму – текстовая лингвистика должна добавить высший текстовый уровень к абстрактной языковой системе и исследовать употребление языка в реальной коммуникации. Таким образом лингвистика текста осмыслилась как теория, описывающая все языковые речевые факты с точки зрения их участия в тексте.

В первые два десятилетия после своего возникновения появляются проблемы, связанные с ее методологией, и она колеблется между двумя крайними полюсами: сохранить автономный лингвистический статус или же формироваться как интернациональная область, которая бы объединяла все виды анализа

языкового текста в качестве мультидисциплинарной науки о языковой коммуникации. [Добрева, Савова 2000 :7-8].

Не будем комментировать разные взгляды, связанные с содержанием понятия «текст» [Добрева, Савова 1994], примем в качестве рабочего определения понятие текст как «коммуникативное событие» (англ. *occurrence*), которое согласно дефиниции Дью Богранда и Дреслера [R.A de Beaugrande, Dressler 1981:3]¹ является коммуникативным событием, удовлетворяющим семь критериев /англ. *standarts*/ текстуальности: кохезия, когерентность, интенциональность, приемлемость, ситуативность, информативность и интертекстуальность. Из этих критериев в модели научных текстов будем использовать непосредственно направленные к реципиенту текста – информативность и приемлемость, а также кохезию и когерентность. Иллиминируем также интенциональность как понятие, направленное к источнику текста, абстрахируясь от его психологической установки /англ. *attitudinal set*/.

Следовательно, исследуя ненаучные тексты, мы принимаем опрощенную модель со следующей схемой – между готовым текстом и его реципиентом создаются определенные отношения, которые в рамках этой модели проходят несколько этапов. Как определенный вид информации, текст предоставляется читателю, который его обрабатывает, кодирует его информацию как новое познание.

Каким образом можно определить подход реципиента к обработке информации, которая содержится в данном научном тексте? Обычно читатель воспринимает научный текст целостно, еще читая заголовок вместе с примечаниями и приложениями. Еще на этом этапе критерии информативности и приемлемости играют свою роль, принимая теоретическую постановку Богранда и Дреслера. С точки зрения реципиента информативность связана с соотношением между ожидаемой : неожиданной; знакомой : незнакомой; актуальной : тривиальной информацией. Когда он считает текст достаточно информативным, он приступает к его обработке.

Согласно второму критерию – приемлемости, реципиент решает насколько данный научный текст будет полезным для него,

---

¹ Хотя по мнению немецкого ученого Х.Фатера /См.Введение в языкознание, С., 2002/ эта дефиниция также является проблематичной.

насколько при его помощи он сможет получить новые знания или станет сопричастным с какой-либо новой научной идеей.

Далее реципиент приступает ко второй фазе обработки информации – составляет определенную гипотезу об эвентуальном содержании научного текста после прочтения первого абзаца. На этом этапе совершается сопоставление текста с текстом. Если результат этого сопоставления неэффективен, реципиент не может понять основную идею текста. Далее реципиент знакомится беглым образом со всем текстом (англ. *skimming*). Если он успел понять идею текста (англ. *idea recovery*) еще в первом абзаце, он уже составил свою, так называемую информационную рамку.

Так осуществляется переход к третьей фазе обработки текста, которая содержит темпоральную и каузальную модель событий и состояний в определенной последовательности. Основным критерием текстуальности, который помогает реципиенту при составлении этой информационной рамки является когерентность текста, описанная во многих публикациях. (см. А. Матеева, Д. Стойчева и др.)

Под когерентностью понимаем такую систему понятий и отношений, лежащих в основе поверхностного текста как набора познавательных блоков (англ. *chunks of knowledge*), группированных около одной темы. Когерентность связана с грамматической структурой и единством текста, а кохезия – с семантической структурой.

В следующей линейной фазе прочтения научного текста осуществляется его осмысление и обработка как кохезивного отрезка, в котором элементы взаимозависимы, в линейном порядке. Здесь уже действует критерий кохезии – или поверхностной связанности элементов, основанный на грамматической зависимости. Необходимо напомнить некоторые из известных способов обеспечения кохезии в тексте как повторяемость понятий; параллелизм подобных понятий и структур; дейксис – или использование анафор и катафор не только в рамках предложения, но и целых абзацев и параграфов; эллипсис /особенно в заголовках/ и т.д.

Последняя пятая фаза связана с восстановлением общего замысла или плана текста. По нашему мнению эта фаза является самой трудной, где вмешивается критерий интенциональности источников текста, который мы элиминировали в начале; его коммуникативные намерения, желания подключить реципиента в свой план ввиду постижения определенной цели.

В связи с интернационализацией языка науки XX века большой удельный вес в научных текстах имеют термины, построенные на базе греко-латинских элементов. Одновременно наблюдается рост терминов-словосочетаний. Система терминов в целом и отдельные термины подвержены дополнительным семантическим изменениям в связи с изменением общего состояния /парадигмы/ науки и концепций конкретной научной терминологии. Необходимо напомнить, что термины являются объектом самостоятельной научной дисциплины – терминоведения, которая не является предметом настоящего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Николаева 1978 – *Николаева, Т.М.*: Лингвистика текста. *Современное состояние* и перспективы. In: Новое в лингвистике. М.

Большой энциклопедический словарь по языкознанию, гл. ред. В. Ярцева, М., 1988.

Добрева, Савова 1994 – *Добрева Е., Савова Ив.* Проблемы на изграждането на текста. С. / 2 изд./.

Матеева 1984 – *Матеева, А.*: Лингвистика на текста и чуждоезиково обучение. In: Руски и западни езици, №2.

Солнцева 2002 – *Солнцева Е.*: Някои бележки за съвременното състояние на лингвистиката на текста в България и Германия. Конференция на тема: «Германците и българите в диалог». In: Сп. «Съпоставително езикознание», год. XXVII, 2002, кн. 1. – С. 104-114.

Стойчева 1984 – *Стойчева Д.*: За кохерентността на научния текст. In: Чуждоезиково обучение №5, – С. 2 – 8.

Гайда 1982 - *Gajda, St.*: Podstawy badan stylistycznych nad jezykiem naukowym, Warszawa.

Ван Дейк 1972 - *Van Dijk, T.A.*: Some Aspects of Text Grammars. A Study in Theoretical Poetics and Linguistics. The Hague.

Ван Дейк 1978 - *Van Dijk, T.A.*: Aspekte der Textgrammatik. In: Textgrammatik. Darmstadt.

Богранд, Дреслер 1981 - *De Beugrande, Dressler: Einführung in die Texlinguistik*. Tübingen.

Екатерина Василевна Солнцева-Накова

ЛИНГВИСТИКА НА ТЕКСТА И НАУЧНИТЕ ТЕКСТОВЕ

Резюме

В статията се анализират стереотипите в научните текстове, като се използват методите на лингвистиката на текста. Направен е анализ на седемте критерия за текстуалност, като се изследва начина, по който читателят възприема информацията, съдържаща се в даден научен текст. Проследяват се основните фази в обработката на текста от неговия реципиент.

Ключови думи: текст, дискурс, текстова лингвистика, научни текстове, познавателни модули, идея текста, дейкис, терминология.

Елена Алексеевна Филатова
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

ИДИОМЫ С ФОРМАЛЬНЫМ ИМПЕРАТИВОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Предметом описания в данной работе является класс русских идиом с формальным императивом, которые выражают количественное значение. В статье рассматриваются два типа идиом (гипербола и литота), их формальное и семантическое устройство.

Ключевые слова: императив, формальный императив, идиома, гипербола, литота, квантитативное значение.

Elena Aleekseevna Filatova
Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Moscow, Russia

IDIOMS WITH A FORMAL IMPERATIVE IN RUSSIAN

Abstract: The subject of this work is a class of idioms including a formal imperative with the quantitative meaning in Russian. This article deals with two types of idioms (hyperbole and litotes), their formal and semantic structures.

Keywords: imperative, formal imperative, idiom, hyperbole, litotes, quantitative meaning.

Идиомы, являясь частью фразеологического состава языка, с одной стороны, отражают культурно-исторический опыт народа-носителя языка, а с другой стороны, отражают особенности исторического развития самого языка. Именно поэтому идиомы оказываются чрезвычайно интересным объектом изучения для специалистов, в том числе для русистов-преподавателей русского языка как иностранного. В частности, важным оказывается вопрос о «живучести» многих древних по происхождению идиом, о частотности их употребления в современном дискурсе.

Как известно, в основе формирования идиомы лежит смысловое переосмысление, которое реализуется в каком-либо виде тропа (метафоре, метонимии и др.). Сама же смысловая метаморфоза, сопровождающая формирование идиомы, происходит в соответствии с формой индуктивного умозаключения: от конкретного явления или события к потенциальным его проявлениям или последствиям, что обуславливает «живучесть» идиомы, длительность ее сохранения в языке. Несмотря на то, что в большинстве случаев источником происхождения идиом является другая семиотическая система (прежде всего фольклор), признак константности для них оказывается неабсолютным.¹ Устойчивость идиомы – это в большинстве своем не абсолютная неизменяемость формы, а лишь «ограничение разнообразия трансформаций, допустимых в соответствии с множественностью регулярных способов выражения одного и того же смысла» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 559]. Структурно-семантическая специфика идиом проявляется в том, что их лексический, морфологический и

---

¹ Признак константности характерен для большого количества пословиц и поговорок, например: *Взялся за гуж – не говори, что не дюж; Не красна изба углами – красна пирогами; Любишь кататься – люби и саночки возить; Волка ноги кормят; Волков бояться – в лес не ходить; Не родись красивой, а родись счастливой; Сделал дело – гуляй смело.*

синтаксический состав либо допускает, либо не допускает определенную вариативность. Незнание или игнорирование этого факта приводит к ошибкам в речи иностранных учащихся. Обращение с устойчивыми сочетаниями или идиомами как с обычными лексемами, имеющими формы словоизменения, неизбежно приводит к деструктивным последствиям. Произвольная замена одного из компонентов идиомы на синонимичный приводит к разрушению последней, а следовательно, к коммуникативной неудаче, ср.: **ловить птиц* вместо *ловить ворон*; **сесть в воду* вместо *сесть в лужу*; **заварить чай* вместо *заварить кашу*, **выносить мусор из комнаты* вместо *выносить сор из избы* и т.д.

В данной статье ограничимся рассмотрением структурно-семантических и формальных особенностей русских идиом, включающих в свой состав императив.

Большинство идиоматических выражений с императивом в русском языке характеризуется тем, что глагол в них может принимать разные формы в зависимости от ситуации, которой соответствует идиома. (1 группа примеров) В качестве примеров рассмотрим поговорки *Пусти козла в огород!*; *Жди у моря погоды* и пословицу *Посади свинью за стол – она и ноги на стол*. Идиома *пустить козла в огород* (= ‘создать благоприятные условия для проявления чьих-либо наклонностей, которые говорящий, как правило, осуждает’) может принимать разные формы в зависимости от дискурсивных стратегий говорящего: *Я-то очень хорошо понимаю, почему она так следит за своим мужем: здесь на пляже столько красивых женщин! Пусти козла в огород!*; *Ну и зачем вы его пристроили в магазин? Он же там окончательно спился. Вы же сами пустили козла в огород!*; *Если он не чист на руку, нельзя ему деньги доверять. Зачем пускать козла в огород?* Идиома *ждать у моря погоды* (= ‘напрасно тратить время на ожидание’) также представлена вариативными формами предиката: *Ну и чего ты ждешь у моря погоды? Действовать надо!*; *Видишь, никто не позвонил и не приехал. Ну что, прождал у моря погоды?*; *Ты думаешь, они тебе помогут? Ну, жди у моря погоды; Ты будешь ждать у моря погоды* или *все-таки начнешь действовать?* Идиома *посадить свинью за стол* (= ‘сделать уступку, одолжение

бессовестному человеку, который после этого становится еще более наглым’) в речевом потоке также может принимать разные формы: *А что вы на нее обижаетесь? Вы же знали, какая она беспардонная. А не надо было сажать свинью за стол; Вы же сами посадили свинью за стол! А теперь удивляетесь; Приехал на недельку, а живет уже полгода на всем готовом. Да, посади свинью за стол – она и ноги на стол!*

Приведенные примеры идиом, включающих императив, для выражения одного и того же смысла демонстрируют допустимые трансформации на морфолого-синтаксическом уровне. Другое дело – идиомы, не допускающие варьирования форм, т.е. имеющие константную форму глагола – только императив (2 группа примеров). Рассмотрим идиомы *держи карман шире* (= ‘напрасно надеяться’); *хоть трава не расти* (= ‘относиться к чему-либо безразлично’; *хоть пруд пруди* (= ‘наличие большого количества чего-либо’); *хоть шаром (по)кати* (= ‘отсутствие каких-либо предметов’); *хоть караул кричи* (= ‘что-либо безнадежно’); *знай наших* (= ‘выражение восхищения’). К таким идиомам вообще не может быть применим критерий вариативности: ни лексическое наполнение, ни морфологические формы в них не могут варьироваться. В противном случае наблюдается разрушение идиомы: **держи карман широко, *ты держишь карман шире; *хоть кусты не расти, *хоть кусты не растут; *хоть реку пруди, *хоть реку запруди; *хоть мяч кати, *хоть мяч катали; *хоть караул кричат; *знай ваших, *знают наших.*

Общим для идиом (1) и (2) групп оказывается то, что в них используется формальный императив. Действительно, отличительной особенностью русской разговорной речи (причем не только устной, но и письменной) является активное использование в идиомах формального императива как экспрессивного и компактного носителя модальности и других модусных значений. Для иностранных учащихся такая особенность русского императива, как способность к транспозитивному употреблению, вызывает большие трудности при рецепции (чтении и аудировании), и еще большие при продуцировании (говорении и письме). В связи с этим была разработана целая система заданий и упражнений, направленных на

формирование у иностранных учащихся умения дифференцировать значения императивных форм в тексте и правильно употреблять их в речи [Филатова 2002].

Что касается понятия «формальный императив», мы используем его, имея в виду существование оппозиции «императив функциональный / императив формальный». Центральная форма восьмичленной императивной парадигмы в русском языке [Храковский, Володин 1986: 121-123] – форма 2-го лица ед./мн. числа *давай(те)*, *пиши(те)* (далее – «императивная форма» или просто «императив») – выражает, как известно, не только побуждение. Это связано с тем, что сама по себе императивная форма имеет лишь системно обусловленную предназначенность для выражения побуждения, которая определяется ее морфологическим статусом. Однако для реализации этой системной предназначенности, для того чтобы императивная форма смогла передать побуждение и получила статус функционального императива, необходимо наличие двух обязательных условий. Первое условие – наличие побудительной речевой ситуации-прототипа, для которой характерен набор следующих компонентов:

- говорящий-инициатор побуждения;
- адресат-исполнитель действия;
- дифференцированная или недифференцированная побудительная интенция говорящего;
- действие или состояние, возникновение которого стимулирует говорящий;
- побудительное речевое действие говорящего.

Второе условие – наличие «векторной связи» между побудительным речевым действием говорящего, с одной стороны, и действием или состоянием адресата, с другой стороны. Такая «векторная связь» выражается в презентно-футуральной перспективе побудительных высказываний [Теория функциональной грамматики 1990: 82-83]. Только в этом случае, когда императивная форма реализует свое прямое значение, выполняет свою прямую функцию, можно говорить о функциональном императиве. Во всех остальных случаях имеет место формальный императив, т.е. императив, использующийся транспозитивно, реализующий разнообразные

косвенные функции, например, в речевых актах утверждения, в речевых актах пожелания, угрозы, несогласия с мнением, пожелания и др. [Филатова 2002: 27-56].

Итак, перейдем к рассмотрению структурно-семантических особенностей русских идиом, включающих в свой состав формальный императив. Ограничимся рассмотрением идиом, которые включают одиночные, а также связанные предикаты с определенным количественным значением. Речь пойдет о следующих идиоматических выражениях: *(чего?) (хоть) пруд пруди;* *(чего?) (хоть) косой коси;* *(чего?) (хоть) залейся;* *(чего?) (хоть) шаром кати/покати.*

Идиоматические выражения с квантитативным значением представлены двумя обратными видами метонимии. Одни идиомы возникли на основании гиперболы: *(чего?) (хоть) пруд пруди;* *(чего?) (хоть) косой коси;* *(чего?) (хоть) залейся* (= ‘очень много’). Тогда как в основе идиомы *(чего?) (хоть) шаром кати/покати* лежит литота (= ‘ничего нет’).

Идиомы *(чего?) (хоть)² пруд пруди;* *(чего?) (хоть) косой коси;* *(хоть) залейся* служат для сопровождающегося экспрессией указания на превышающее норму большое количество того, что обозначено существительным в форме родительного падежа – в позиции левого актанта при императиве: *Экономистов и юристов сейчас – пруд пруди!;* *Ягод и орехов в этом году – косой коси!;* *Пива у них там хоть залейся!*

Обратим внимание на то, что в двух из трех рассматриваемых случаях – и в случае использования связанного предиката (глагол в форме императива в обязательном сочетании с существительным *косой коси*), и в случае использования глагольного предиката без распространителя (*залейся*) – отмечаются семантические ограничения для использования существительных в позиции левого актанта. При том, что именно левый актант в данных идиомах допускает вариативность

(Менеджеров/Экономистов/Юристов/Психологов пруд пруди! А где

² Языковые единицы, указанные в скобках, являются факультативными, в реальной речевой практике они могут варьироваться с нулем: *Сейчас разных учебников хоть пруд пруди!;* *Сейчас разных учебников пруд пруди!*

взять хороших инженеров?; Молока/Масла/Мед/Пива/Кваса/Водки хоть залейся!), возможность появления конкретной лексемы в позиции левого актанта определяется именно лексической семантикой глагола в форме императива.

Так, идиома (*чего?*) (*хоть*) *залейся* допускает использование в указанной позиции только неисчисляемых существительных со значением ‘жидкость’, что обусловлено лексической семантикой глагола *залиться* (= ‘тонуть, утонуть; захлебываться’): *Корова молока дает – залейся!* (= ‘Корова дает так много молока, что можно залиться’); *У них своя маслостройка. Масла хоть залейся!* (= ‘Масла так много, что можно залиться’). Простая замена существительного в позиции левого актанта на лексему, не входящую в лексико-семантическую группу «жидкость», приводит к разрушению идиомы: **У нас картошки хоть залейся* (при возможном *У нас картошки хоть засыпья*); **В этом году снега – хоть залейся* (при возможном *В этом году снега – хоть засыпья*). Интересен в этой связи последний пример. Лексема *снег*, как и слова *молоко, масло, пиво* и др., относится к группе неисчисляемых существительных, однако слово *снег* не имеет семного признака ‘жидкость’. При этом существительное *снег* сочетается с глаголами *сыпать, засыпать* в прямом значении и *тонуть, утонуть* в переносном значении: *Деревья засыпало снегом; Деревья утонут в снегу*, но не допускает сочетания с глаголом *лить, заливать*, ср. *Снег льется, но *Снег падает/кружится/летит/сыплется*.

С другой стороны, лексическое значение глагола в идиоме (*чего?*) (*хоть*) *косой коси* накладывает семантический запрет на употребление в позиции левого актанта не только существительных со значением ‘жидкость’, но и почти всех счетных существительных, за исключением лексем, входящих в одну лексико-семантическую группу. Приведем примеры: **У них меда – косой коси* (*У них меда хоть залейся*); **У них денег – косой коси* (*У них денег куры не клюют*); **Машин на улицах – косой коси* (*Машин на улицах пропасть*); **Рыбы в озере – косой коси* (*Рыбы в озере тьма тьмуца*); **Женских журналов сейчас – косой коси* (*Женских журналов сейчас пруд пруди*). Дело в том, что ассоциация с травой, растущей на земле, идущая от лексического значения глагола *косить*

– ‘срезать траву косой или косилкой’, сохраняется и в идиоме. Именно поэтому при глаголе *косить* в позиции левого актанта, допускающей вариативность, могут употребляться только существительные лексико-семантической группы «плоды растений». Например: *Грибов/ягод/орехов/гороха/помидоров... косой коси!*

В отличие от идиомы (*чего?*) (*хоть*) *косой коси* идиома (*чего?*) (*хоть*) *пруд пруди* допускает использование в своей вариативной части практически любых счетных, дискретных существительных (в том числе входящих в лексико-семантическую группу «плоды растений»), причем как неодушевленных, так и одушевленных. Приведем примеры: *На том краю поля гороху – пруд пруди/косой коси; Женских журналов сейчас – пруд пруди; Денег у них – пруд пруди; Менеджеров сейчас – пруд пруди.*

Таким образом, у рассмотренных выше идиом-гипербол (*чего?*) (*хоть*) *пруд пруди*; (*чего?*) (*хоть*) *косой коси*; (*чего?*) (*хоть*) *зелейся* наблюдается сохранение семантической связи с пропотипической ситуацией (‘пруд прудить’, ‘косой косить’, ‘тонуть, захлебываться’): денотативное содержание идиомы влияет на выбор лексических единиц в ее вариативной части.

Перейдем теперь к анализу семантико-синтаксической структуры предложений-идиом с императивом. Рассмотрим следующие примеры:

Ягод в этом году / - косой коси!; Шоуменов у нас / – пруд пруди!
Ягод в этом году! / Косой коси!; Шоуменов у нас ! / Пруд пруди!

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что для интересующих нас предложений отмечается возможность парцелляции, т.е. возможность представления единой синтаксической структуры – простого предложения (примеры 1) двумя отдельными коммуникативно самостоятельными единицами (примеры 2). Как видим, разрыв синтаксической структуры простого предложения при парцелляции проходит по тема-рематическому «шву» («Ягод в этом году», «Шоуменов у нас» – тема, «косой коси», «пруд пруди» – рема), т.е. поддерживается актуальным членением простого предложения. Кроме того, рассматриваемые примеры отличает определенная специфика: их тема уже включает в себя рематический компонент «ягод», «шоуменов», поскольку это так

называемый «родительный количества», который на интонационном уровне поддерживается экспрессивной интонацией (интонационная конструкция ИК-6³ в случае позитивной оценки или интонационная конструкция ИК-2 в случае негативной оценки). Ср.: *Ягод в этом году!* (= ‘ягод много, и это хорошо’); *Шоуме²нов у нас!* (= ‘шоуменов много, и это плохо’). Позитивная или негативная оценка ситуации может поддерживаться введением в контекст глаголов, имеющих оценочные коннотации с противоположным знаком: *Ягод в этом году уродилось (+)!*; *Шоуменов у нас развелось (-)!* Таким образом, смысл ‘ягод в этом году очень много’ или ‘шоуменов у нас очень много’ уже выражен в первой части простого предложения, тогда как во второй части («косой коси», «пруд пруди») происходит лишь его дублирование посредством использования предиката-гиперболы. Чтобы ответить на вопрос, чем оправдано такое дублирование, обратимся к диктумно-модусной структуре таких предложений.

Рассматриваемые предложения (*Ягод в этом году – косой коси!*; *Шоуменов у нас – пруд пруди!*; *Пива – хоть залейся!*) отличает асимметрия между их формальной и смысловой устроенностью. Являясь монопредикативными, такие предложения имеют полипропозитивную структуру, за которой стоят денотативные ситуации, связанные между собой отношениями порождения. Это можно наблюдать при экспликации логико-смысловых отношений между частями таких предложений (их темой и ремой). Экспликация логико-смысловых отношений в рассматриваемых примерах дает следующее представление их диктумных и модусных смыслов⁴: ‘ягод в этом году так много’ <СП1>, что <ЛП1> ‘можно’ <ПМ> ‘косить косой’ <СП2>. Таким образом, в семантической структуре подобных предложений две событийные пропозиции (СП1, СП2), одна логическая каузальная пропозиция (ЛП1) и один модусный компонент (ПМ – предикативная модальность). Однако на формальном (синтаксическом) уровне отражены только событийные пропозиции, тогда как логическая пропозиция и модусный смысл «свернуты до нуля». Это при том, что и модусный компонент, и

³ Используем классификацию типов интонационных конструкций русской звучащей речи Е.А. Брызгуновой [Брызгунова 1977].

⁴ Используем понятийный аппарат, предложенный Т.В. Шмелевой [Шмелева 1988].

вторая событийная пропозиция одновременно задаются формой императива *коси*, что, собственно, и позволяет этой предикативной единице (в случае парцелляции) употребляться автономно – в качестве самостоятельной коммуникативной единицы – простого предложения: *Косой коси!* (= ‘можно косить косой’), см. приведенные выше примеры (2).

Обратимся теперь к анализу идиомы-литоты (*где?*)(*хоть*)*шаром кати/покати*⁵, которая употребляется для указания на значимое для говорящего отсутствие чего-либо. В отличие от идиом-гипербол, рассмотренных выше, идиома-литота представляет собой, так сказать, «квантитатив с минусом». Рассмотрим примеры: *В магазин надо идти: в холодильнике шаром кати* (= ‘В магазин надо идти, потому что в холодильнике пусто, т.е. нет никаких продуктов’); *Тогда в наших магазинах было хоть шаром покати* (= ‘Тогда в наших магазинах было пусто, т.е. не было товаров’). Если идиомы-гиперболы с квантитативом указывают на неопределенно большое количество, значительно превышающее норму для данного объекта (*ягоды, грибы, шоумены, молоко, пиво*), то идиома-литота указывает на неопределенно малое количество, которым, по мнению говорящего, вообще можно пренебречь. Конечно, в реальности холодильник не совсем пустой и в магазинах товары были, но говорящего количество продуктов в холодильнике и ассортимент товаров в магазине не удовлетворяют, и потому и то, и другое представляется ему ничтожным. Как и идиомы-гиперболы, так и идиома-литота используются для выражения экспрессивной оценки.

Идиома-литота (*где?*)(*хоть*) *шаром кати/покати* имеет принципиальные отличия от рассмотренных выше идиом-гипербол. Первое. «Квантитатив с минусом» характеризуется абсолютной симметрией между формальным и смысловым устройством: монопредикативностью и монопропозитивностью. Второе. Значение количества, равного нулю, в подобных предложениях выражается только один раз, и именно связанным императивным предикатом *шаром кати/покати*. Компонент со значением «объект, к которому относится количественный параметр» в денотативной структуре предложения отсутствует: объект, которому может быть приписан

⁵ Вариативные формы императивного предиката.

количественный признак, не идентифицирован. Кроме предиката в денотативной структуре предложения наличествует только компонент с локативным значением (*в холодильнике, в наших магазинах*). Третье. При том что в предложениях типа *Тогда в наших магазинах было хоть шаром покати* парцелляция в принципе возможна, она не поддерживается их формально-смысловым устройством, а может быть задана только условиями речевой ситуации. Компонент с локативным значением без интонационной поддержки с целью выражения экспрессивной оценки не может иметь статуса самостоятельной коммуникативной единицы. Ср. возможную парцелляцию в случае выражения отрицательной оценки ситуации в сочетании с ироничным к ней отношением: *О...да! Тогда в наших магазинах! Было хоть шаром покати*. Четвертое. У императивного предиката в идиоме-литоте отсутствует признак константности, т.е. допускается вариативность (*кати/покати*) в отличие от императивных предикатов в идиомах-гиперболах.

Обобщим наблюдения. При наличии специфики каждой из двух групп идиом с формальным императивом, которые передают квантитативное значение, условия употребления рассматриваемых идиом в современном дискурсе одинаковые. Такие идиомы используются в речи в случае, если необходимо выразить экспрессивную оценку ситуации (позитивную или негативную) через указание на количественный параметр: ‘много – это хорошо или плохо’, ‘мало – это хорошо или плохо’.

ЛИТЕРАТУРА

Брызгунова 1977 – *Брызгунова Е.А.* Звуки и интонация русской речи. М.: Русский язык. – 216 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность, модальность. Л.: Наука, 1990. – 263 с.

Филатова 2002 – *Филатова Е.А.* Побуждение и императив. Способы выражения побуждения по-русски. М.: Изд-во МГУ. – 76 с.

Храковский, Володин 1986 – *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива: Русский императив. Л.: Наука. – 270 с.

Шмелева 1988 – *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск: Изд-во КГУ. – 53 с.

Елена Алексеевна Филатова

ИДИОМИ С ФОРМАЛЕН ИМПЕРАТИВ В РУСКИ ЕЗИК

Резюме

Статията е посветена на идиомите с формален императив в руски език, изразяващи количествено значение. Направен е анализ на двата типа идиоми – хипербола и литота, като се посочва тяхната формална и семантична организация. Прави се извод за жизнеността на старите идиоми, характерни за съвременния дискурс.

Ключови думи: императив, формален императив, идиом, хипербола, литота, количествено значение.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ирина Петровна Захариева
СУ им. Св. Климента Охридского
София, България

БЕЛЛЕТРИЗАЦИЯ МЕМУАРНОГО «ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА» В РОМАНЕ МИХАИЛА ЗЕНКЕВИЧА «МУЖИЦКИЙ СФИНКС»

Анотация: В статье представлен слабо исследованный поэт и прозаик Михаил Зенкевич с его книгой «Мужицкий сфинкс», изданной с большим хронологическим запозданием. Проясняется своеобразие жанра беллетризованного мемуарного романа с присущим произведению совмещением реальности и фикциональности. Мотивирована констатация: реализованный Зенкевичем стилевой сплав побудил Анну Ахматову к созданию знаменитой «Поэмы без героя».

Ключевые слова: достоверность, обобщенность, реминисценции, коннотации, воспоминания, литературная мифология.

Irina Petrovna Zaharieva
Sofia University «St. Clement Ohridski»

Sofia, Bulgaria

FICTIONALIZATION MEMOIR PETERBURG'S TEXT IN THE NOVEL BY MICHAEL ZENKEVICH «PEASANT SPHINX»

Abstract: The article presents a poorly researched poet and prose writer Mikhail Zenkevich with his book «Peasant sphinx», published with great chronological delay. It clarifies the peculiarity of a fictionalized memoir genre novel with the inherent product of combining reality and fiction. Motivated statement: implemented Zenkevich stylistic fusion led Anna Akhmatova to the creation of the famous «Poem without a hero».

Keywords: accuracy, generalization, reminiscences, connotations, memoirs, literary mythology.

Михаил Александрович Зенкевич (1886-1973) – один из *шестерых* признанных Ахматовой акмеистов, обладавших – в соответствии с ее оценкой – несомненным поэтическим даром. Назовем поименно *шестерку*: Николай Гумилев, Осип Мандельштам, Анна Ахматова, Михаил Зенкевич, Владимир Нарбут, Сергей Городецкий. Эта группа воспринималась как ядро более широкого литературного объединения – «Цех поэтов» (1911-1915), члены которого стремились к творческому преодолению символизма.

Поэты, давшие лицо новому течению, выпустили в начале 1910-х годов авторские сборники *акмеистской* поэзии. В границах короткого хронологического периода были опубликованы: «Вечер» и «Четки» А.Ахматовой, «Чужое небо» Н.Гумилева, «Камень» О.Мандельштама, «Дикая порфира» М.Зенкевича, «Аллилуйя» В.Нарбута, «Цветущий посох» С. Городецкого.

Заметим также, что издательское товарищество «Цеха поэтов» начало свою деятельность с публикации в 1912 году двух поэтических сборников. Вышли из печати «Вечер» Анны Ахматовой и «Дикая порфира» Михаила Зенкевича (тиражом в 300 экземпляров каждый).

В 1962 году в дарственном обращении к Ахматовой на своей поэтической книге «Грозы лет» Зенкевич вспоминал, как полстолетия тому назад он вывозил из петербургской типографии их дебютные сборники:

Тот день запечатлелся четко
 Виденьем юношеских грез –
 Как на извозчичьей пролетке
 Ваш «Вечер» в книжный склад я вез
 С моею «Дикою порфирой»...
 Тот день сквозь северный туман
 Встает озвучен, осяян
 Серебряною Вашей лирой!
 [Озеров 1994: 335]

Создатель «Дикой порфиры» – один из крайне слабо изученных русских литераторов XX века. Родился он в Саратовской губернии в учительской семье. Среднее образование получил в Саратове, затем изучал философию в Иенском и Берлинском университетах. По возвращении в Россию учился на юридическом факультете Петербургского университета. После появления «Дикой порфиры» ощутил вкус успеха. Выход сборника отметили положительными рецензиями влиятельные литераторы того времени Владимир Гиппиус, Георгий Чулков, Николай Гумилев, Сергей Городецкий, Борис Садовский. Автор упоминал о десятках отзывов на книгу. По утверждению литературоведа Льва Озерова, Зенкевич дебютировал «с полноценной поэтической программой, имевшей важное значение и для поэзии акмеистов, и для всей русской поэзии» [Озеров 1994: 13]. Игнорируя заоблачные мистические высоты символистской поэзии (уже сделавшейся к тому времени объектом эстетической критики), Зенкевич ранней поры объявлял себя певцом земных стихий, проявлял интерес к праисторической эре земли, поэтизировал прозу жизни. Молодой Борис Пастернак ценил его склонность к метафорике с опорой на реальность. Эпиграфом к сборнику Зенкевич взял строки из стихотворения Е.А.Баратынского «Последняя смерть» (1827): «И в **дикую порфиру** древних лет / Державная природа облачилась» (подчеркнуто нами, - И.З.). Приведенный эпиграф объясняет реминисцентное звучание заглавия - «Дикая порфира» [Зенкевич 1994: 43].

В советский период Михаил Зенкевич продолжал писать стихи, возлагая надежды на будущее. Но большая часть его поэзии и прозы в то время не сделались достоянием читателей по объективным причинам. Теперь мы объясняем этот прискорбный факт непоколебимостью нравственной позиции творца, не желавшего изменять памяти своих бывших друзей - акмеистов, которые в большинстве своем пострадали в годы жесткого идеологического противоборства.

Переключение на переводческую деятельность было для Зенкевича вынужденным, но он зарекомендовал себя как продуктивный и чуткий к слову переводчик зарубежной классической и современной поэзии. Вслед за русскоязычными поэтическими переводами с английского, немецкого и французского он занялся и переводами с других языков.

Бывший поэт-акмеист признан одним из основателей современной школы русского стихотворного перевода, ему принадлежит несколько авторских переводческих антологий. В 1956 году была опубликована в Москве его книга переводов «Антология болгарской поэзии», а в 1966 году при посещении Болгарии поэта наградили орденом Кирилла и Мефодия первой степени за заслуги в области славянской культуры. Знаком популярности отмечена более поздняя антология «Стихи зарубежных поэтов в переводе Михаил Зенкевича» (Москва, 1965).

1921-ый год – год смерти А.Блока и гибели Н.Гумилева – оказался памятным эмоциональным рубежом для Зенкевича. Предпринятая им в тот год поездка в Петроград из Поволжья и состоявшаяся долгожданная встреча с давними друзьями-литераторами А.Ахматовой, Ф.Сологубом, М.Лозинским и др. послужила толчком к написанию мемуаров. Начало работы над мемуарами связано со временем проживания Зенкевича в Саратове. Процесс созидания продолжался после переезда писателя в Москву (1923). Завершение труда датировано 1928 годом.

Произведение, получившее название «Мужицкий сфинкс», составило часть сводного мемуарного петербургского текста, запечатлевшего *по горячим следам* лично выстраданную автором гибель старого Петербурга. Ахматова, ознакомившись с рукописью

мемуаров, отозвалась с читательским пониманием: «Какая это неправдоподобная правда!» [Озеров 1994: 13].

В то время как в Москве Зенкевич повествовал об умирающем Петербурге, в Париже трудился над разработкой сходной темы писатель-эмигрант *Георгий Иванов* (1894-1958). За рубежом проблемы публикации рукописной продукции разрешались естественным образом, и «Петербургские зимы» Иванова - книга «полубеллетристических фельетонов» (авторское жанровое обозначение) - стала доступна читающей публике в 1928 году. Между тем произведение Зенкевича, тематически и жанрово перекликавшееся с текстом Г.Иванова, увидело свет с колоссальным запозданием.

Книга «Мужицкий сфинкс» дошла до читателя лишь в 1994 году – через шестьдесят шесть лет после написания вещи и двадцать один год спустя после кончины писателя. На одном персонаже, выведенном в обоих произведениях, мы в дальнейшем покажем разницу в подходах у российского и зарубежного мемуаристов.

«Мужицкий сфинкс» задуман Зенкевичем как мемуарный роман, соответственно и «Петербургские зимы» мыслились Ивановым «как единое целое». Прозаик-рецензент Марк Алданов (в журнале «Современные записки» – Париж, 1928, кн.37) усматривал жанровое своеобразие книги Георгия Иванова в соединении событийной достоверности и обобщенности осмысления пережитого его современниками исторического потрясения [Георгий 1994: 638]. Но, в отличие от беллетризированной мемуарной панорамы Г.Иванова, у М.Зенкевича представлена четко оформленная романная модель.

Повествование, снабженное жанровым уточнением *беллетристические мемуары*, разделено на 45 глав, обозначенных римскими цифрами. Каждая глава, наряду с цифровым обозначением, снабжена и тематически ориентирующим заглавием. Заглавия могут быть условно разделены на *предметные* и *отвлеченные*. Объединяются они авторскими рефлектирующими впечатлениями, связанными с переживаемым временем, и с реминисценциями из нетленного мира культуры.

В произведении Зенкевича устранялись границы между фантазией и реальностью. Заглавие «Мужицкий сфинкс» заимствовано из стихотворения в прозе И.С.Тургенева «Сфинкс». Тургеневский мифологический образ косвенно сопоставляется повествователем с образом Платона Каратаева - мистически загадочным народным типом в романе Льва Толстого «Война и мир». Мужик Семен Палыч, изображенный Зенкевичем, укрыл мемуариста «на пашне» «от преследования петербургских кошмаров», и в результате повлиял на его дух столь же благотворно, как Платон Каратаев на Пьера Безухова в «военную страду» [Зенкевич 1994: 557]. Образ *мужицкого сфинкса* мыслится автором как ключевой символический образ посредством введения разноплановых коннотаций – как жизнеподобных, так и литературно-мифологических (ср. синтезированный образ сфинкса в романе Андрея Белого «Петербург», 1912).

В повествовании Зенкевича мы обособляем мемуарный *петербургский текст*, скрепленный темой гибели Петербурга. Выделенный нами тематический пласт разрабатывался поэтами и мемуаристами из литературно-художественных кругов, близких автору «Мужицкого сфинкса». В культурном сознании нации сводный *петербургский текст* интенсивно развивался и приобретал контрапунктное звучание в XIX веке в произведениях А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского.

В период Серебряного века наблюдалось осязаемое нарастание содержательной объемности *петербургского текста* (авторы, определявшие ориентиры, – А.Блок и А.Белый). Новый виток развития сводного литературного текста о Петербурге (имеется в виду *текст* с мемуарной жанровой спецификой) приходился на разрушительный период гражданской войны, когда северный мегаполис российской культуры обрастал документально-художественными признаками *некрополя*.

Петербургский текст Серебряного века связан с *петербургским мифом*, в основе которого заложено предсказание гибели городу при самом его основании. Зловещее предсказание исходило от Авдотьи Лопухиной, первой жены Петра Первого, сосланной им в монастырь. Проклятие опальной царицы

передавалось из уст в уста: «Петербургу пусто быти» [Долгополов 1977: 4]. В XX веке тематическая линия, связанная с возвеличением города на Неве, воспринималась как риторическая, а преобладала в литературе о Петербурге лейтмотивная линия *призрачности* города.

В «Мужицком сфинксе» Михаила Зенкевича распознается композиционно монолитный *мемуарный роман* с использованием литературных приемов, построенных на сочетании *документальное/фикциональное*. Лирическая природа мемуарного романа обусловлена тем, что автор-повествователь выражает собственные эмоции и впечатления в лично окрашенной речевой манере. Гипертрофированная образность воображения героя-повествователя психологически мотивирована: он рассказывает о том, что заболел тифом, и передает псевдогаллюцинации тифозного больного посредством описаний. Повторность поразившего рассказчика заболевания дает ему основание говорить о более продолжительном паратифозном состоянии, в границах которого погруженность в воспоминания не контролируется сознанием.

В кратком обращении к читателю, предваряющем роман («Вместо предисловия»), ставится риторический вопрос: «Зачем понадобилось автору идти самому и манить за собой читателя по горячечной пустыне сыпнотифозного бреда к оазисам живой действительности?» [Зенкевич 1994: 412]. Ответ служит раскрытию индивидуального творческого метода художника-мемуариста: «Пользуясь приемом бредового смещения событий в искаженной перспективе времени, автор выплескивает из глубинных тайников души до отчаяния близкие образы, давно канувшие в Лету» [Зенкевич 1994: 412]. Автор декларирует свой лирико-психологический настрой, заостряет мысль об автобиографической основе романизированной событийности и афористически определяет стилевой инструментарий произведения: «фантастический лабиринт лирического повествования» [Зенкевич 1994: 413]. К создателю «Мужицкого сфинкса» приложимо творческое самоопределение Михаила Булгакова – создателя «Мастера и Маргариты»: *я мистический писатель и я правдивый повествователь.*

Событийная завязка мемуарного романа Зенкевича (I.«Синее пальто вместо красной свитки») уже в заглавии содержит переключку с Н.В.Гоголем-фантастом, с его «Сорочинской ярмаркой» из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». Глава начинается мотивом проклятия близкому когда-то городу, в котором повествователь оказался по воле случая: «Какой дьявол занес меня в этот мертвый страшный Петербург!» [Зенкевич 1994: 413]. Упоминания об исторических фактах подсказывают, что действие происходит в 1921 году. Мотив проклятия прозябающему городу сменяется в той же главе мотивом «неожиданной радости» свидания с ним после «четырёхлетней разлуки». Перспектива снова увидеть «Неву, гранитные набережные, Адмиралтейство, Исаакий, Сенатскую площадь с Медным всадником» сравнивается с предвкушением «свидания с любимой женщиной» [Зенкевич 1994: 414]. Активизируется синтезированный Александром Блоком в поэме «Возмездие» мотив двуединого чувства *любви/ненависти* к искореженной общественным антагонизмом России. Зенкевич применяет блоковский мотив *любви/ненависти*, описывая личное восприятие бедствующего Петербурга. Тем самым данный мотив типологизируется. Мотив *привязанности* к городу усилен обилием привлекаемых топонимов. Автор-повествователь осведомляет читателей и о последующих переименованиях отдельных петроградских улиц и площадей.

При подключении *бытового* плана к *лирическому* плану герой испытывает объяснимое для тех катастрофальных лет потрясение при известии о пропаже незаменимой для него вещи - демисезонного пальто. Событие кражи теплого пальто в холодном городе воспринимается повествователем как знак вступления в область иррационального: «...я тогда не подумал, что это синее английское пальто будет для меня чем-то вроде дьявольской красной свитки, за пропажей которой последует целый ряд приключений и событий» [Зенкевич 1994: 416]. В финале первой главы смыкаются *бытовой* и *литературно-реминисцентный* планы.

Вторая и третья главы выдержаны в плане беллетризированной достоверности. Повествователь посещает своих старых литературных друзей Михаила Лозинского и Анну Ахматову

– первый пребывает по службе в холодном помещении нетопленной Публичной библиотеки, а вторая временно работает в библиотеке Агрономического института (III.«У камина с Анной Ахматовой»). Совместно с Ахматовой авторский персонаж как бы заново переживает горестные факты смерти Александра Блока и гибели Николая Гумилева, узнает о разрыве ее супружеских отношений с Гумилевым «во время войны». Жизнеподобная нарративность к концу третьей главы как бы вырывается за пределы реального. После разговора с Ахматовой о Гумилеве герой замечает на улице, в трамвайной толпе, двойника расстрелянного Гумилева. Двойник материализуется в образ друга-поэта посредством портретного описания, - с «немигающим стеклянным взглядом», «...неправильное, холодное, деланно-высокомерное лицо и серые, слегка косые глаза» [Зенкевич 1994: 422].

С главы четвертой («Ночной визит доктора Кульбина») заболевающий тифом герой вступает в призрачный мир Петербурга Серебряного века. Отныне периодически возникающие фрагменты глав о реальной бытности города в начале двадцатых годов будут связаны с авторскими ощущениями мертвенности жизни, а оживающий в тифозных галлюцинациях героя Петербург прошлого будет источать поэтическую притягательность.

Совершается переход повествования на мистический уровень, ибо автор отныне намеревается общаться с обитателями *призрачного* пространства. «Проклятый» город не отпускает его от себя. В авторском нарративе реализуется совмещение двух стилевых линий – бытописание и фантастика. Эстетическое оправдание подобного двойственного подхода заключается в особой живописности и психологической проникновенности описаний, связанных с погибшим культурным миром. Органичность оппозиции *воображаемое/реальное* стимулируется обостренным чувством ностальгии по старому Петербургу. Исторические лица в мемуарах Зенкевича преобразуются в мифологические образы.

Первый призрак, посетивший авторского персонажа на дому, - доктор Николай Кульбин (1866-1917). Магическая атмосфера позднего вечера на съемной квартире подготавливается чтением «Пиковой дамы» – петербургской повести Пушкина, где герой так же

переживает посещение умершей старухи-графини. Литературный портрет Кульбина – доктора и искусствоведа, художника-оформителя артистического кафе «Бродячая собака» – выполняется в объективированной манере, которая превращает фантазность действий призрака в творчески мотивированную реальность. Действие происходит как бы в *четвертом измерении*, как в *нехорошей квартире* у Булгакова в романе «Мастер и Маргарита».

Заболевающий герой получает от покойного доктора непонятный рецепт, написанный на старом календарном листке. И этот рецепт с загадочными иероглифами («каббалистическими знаками») беспрепятственно принимается служащим в аптеке прошлого. В отличие от шаржированного, анекдотического изображения Николая Кульбина в «Петербургских зимах» отчужденно пристрастного Георгия Иванова (вероятно, недовольного привязанностью доктора к чуждым ему футуристам, принявшим революцию), Зенкевич держится в рамках художественно-изобразительной нормы. Ностальгия по прошлому выражается у него в облагороженной эстетизированной форме, не допускающей тенденциозных пристрастий или же антипатий. Композитор Артур Лурье называл Николая Кульбина «одной из самых фантастических фигур той замечательной эпохи», а относительно упомянутой Г.Ивановым «коронации» Кульбина «футуристическим царем» отзывался как о «пошлом пасквиле» [Лурье 1999 : 433-434]. В памяти современников доктор остался бескорыстным альтруистом и деятельным творцом изобразительного искусства.

Следуя развитию событийного сюжета, заметим, что Кульбин прописал повествователю *пассеистические* пилюли, т.е. лекарственное средство, задерживающее пациента в прошлом. И в аптеке «на Ружейной площади» происходит знаменательное для грезящего прошлым героя явление прекрасной незнакомки – изящной дамы с «золотым ридикюлем», «будуарным запахом духов» и «загадочной усмешкой» [Зенкевич 1994: 426] (припомним «Незнакомку» А.Блока: «...дыша духами и туманами...»). В последующем эпизоде их знакомства повествователь вспомнит о даме как о «незнакомке» из «аптеки на Ружейной» [Зенкевич 1994: 438].

Встрече героя с незнакомкой предшествует другая знаменательная встреча: «У Народного, бывшего Полицейского моста» под фонарем, «напоминающем фонарь похоронной процессии, стоял Гумилев» [Зенкевич 1994: 430]. Призрачный петербуржец в трамвайной очереди с чертами внешности Гумилева подвергается материализации в главе седьмой («На проспекте 25 октября»).

Введение лица, обвиненного в контрреволюционном вооруженном заговоре и недавно расстрелянного, в мемуарный петербургский текст 1920-х годов было актом гражданской доблести со стороны Михаила Зенкевича. Зафиксированные воспоминания о былой близости с тем, кому приклеили ярлык «врага народа», могли в любой момент обернуться обвинительным актом против самого автора. В изображении Зенкевича фигура Гумилева, проповедующего о необходимости «быть в центре литературных движений» [Зенкевич 1994: 432], подобно магниту, притягивает к себе сотрудников журнала «Аполлон». Оживают обстановка и ритуалы посетителей ночного литературно-художественного кафе «Бродячая собака» - несмотря на то, что в главе о бытности Петербурга 1921 года повествователь убедился, что на месте кафе остался заколоченный досками подвал. Воскрешается атмосфера эстетических выступлений и диспутов (А.Блок, А.Белый, Вяч.Иванов, И.Анненский, С.Игнатьев и др.). Живые к моменту написания мемуаров лица помещены повествователем наравне с почившими в галерею незабвенных культурных деятелей Петербурга.

Гумилев знакомит авторского персонажа с «интересной женщиной» [Зенкевич 1994: 438]. В главе восьмой («Вечер в «Аполлоне») в действие вступает романная героиня Эльга.

В 1978 году (за год до смерти) вдова писателя Александра Николаевна Зенкевич подготовила заметку «Слово свидетеля», где уточнила относительно рукописи «Мужицкого сфинкса»: «Кто Эльга? Конечно, Ахматова; точнее она стала прообразом этой демонической героини. С ней у Михаила Александровича связана, по-видимому, лирическая история предреволюционных лет, едва не закончившаяся трагедией» [Зенкевич 1994: 658].

Имя *Эльга* заимствовано из стихотворения Гумилева «Ольга» (1911) с начальной строкой: «Эльга, Эльга!» – звучало над полями...» [Гумилев 1988: 332]. Переживает любовную историю с Эльгой «темное подсознательное «я» повествователя, пропускающее как бы «через освещенный экран сознания бессвязные смонтированные памятью фантастические по своей путанице» эпизоды и картины [Зенкевич 1994: 442]. Эпизоды и картины прошлого оживляют «мертвый город» [Зенкевич 1994: 443], а герой-повествователь тем временем помещен в больницу с подозрением на что-то вроде «тифозного психоза» или «раздвоения личности» [Зенкевич 1994: 453].

Наиболее развитая романическая линия в «Мужицком сфинксе» связана с образом Эльги. Авторское уточнение жанра *беллетристические мемуары* предполагает достоверную основу описанного. Героиня выступает в двух планах – реальном и фантастическом. Для реального плана она – Анна Ахматова, а для фантастического плана, вытесняющего реальный в пространстве деформированного болезнью сознания авторского персонажа, она – Эльга Густавовна. Вымышленное имя в мемуарном материале сигнализирует о чертах условности в образе, имеющем реальный прототип.

Для аналогии соотнесенности представим себе героиню «Стихов о Прекрасной Даме» А.Блока в сравнении с Любовью Менделеевой. Созданный автором «Мужицкого скифа» образ – еще одно литературное зеркало Ахматовой, замечавшей, что она отражена «в ста зеркалах». *Зеркало* Зенкевича намеренно замутнено приемом беллетризации фактических событий. Поэтизируется внешность Эльги – утонченность и одухотворенность ее красоты, образованность и дар власти над мужскими сердцами. В раскованной манере рисуется ее сексуально-эротическая привлекательность. Женские чары Эльги испытаны самим автором. В любовном сюжете картинно реализуется жизнотворческий дух пережитой литературной эпохи, когда поэзия диктовала свои установки жизни. Зенкевич не был исключением из числа петербургских поэтов 1910-х годов, которые унаследовали от символистов стремление «найти сплав жизни и творчества, своего рода философский камень искусства»

(формулировка Владислава Ходасевича в очерке «Конец Ренаты» – Париж, 1923).

Собирательность образа Эльги оговаривается в тексте: в ней «соединились в один близкие когда-то мне, обаятельные образы тех девушек и женщин, которых я любил или думал, что люблю» [Зенкевич 1994: 470]. Типологизация женской модели подкреплена и известным для историков литературы эпизодом. Нашумевшая дуэль М.Волошина с Н.Гумилевым за честь Черубины де Габриак (поэтессы Елизаветы Дмитриевой) вариативно дублируется. Дуэль состоялась 22 ноября 1909 года на Черной речке, где произошел поединок Пушкина с Дантесом [Волошин 1990: 229]. В «Мужицком сфинксе» дуэль спровоцирована Гумилевым в знак ревности к повествователю, а объект ревности – Эльга. Дуэль с благополучным исходом происходит, как и в предшествующей реальности, на пушкинской голгофе – на Черной речке.

Женские чары Эльги сюжетно подключают еще одну романическую линию произведения, связанную с мифологизированным историческим лицом, - с Григорием Распутиным, фаворитом царской семьи Романовых. Распутин был убит в декабре 1916 года во дворце графа Феликса Юсупова на Мойке за скандальное поведение, внушенное чувством вседозволенности, за гипертрофированный аморализм, ставший нестерпимым для высших монархических и церковных кругов.

Достоверные биографические данные о Распутине содержатся в мемуарах Мориса Палеолога, состоявшего послом при дворе Николая Второго. В книге «Царская Россия накануне революции» (Москва, 1923) среди достоверных фактов, сообщенных Палеологом, раскрывается смысл фамилии религиозного проповедника. Подростковому сыну бедного сибирского мужика Ефима Нового в среде крестьянских парней дали прозвище *Распутин*: «...это слово из крестьянского языка, произведенное от слова *распутник*, которое значит «развратник», «гуляка», «обидчик девушек» [Палеолог 1991: 106]. В оценке мемуаристки Зинаиды Гиппиус, Распутин «как личность – ничтожен и зауряден», но «как тип – он глубоко интересен...» [Гиппиус 1991: 63].

В мемуарном романе «Мужицкий сфинкс» Распутин олицетворяет собой развенчанного мессию монархизма. Он присутствует в доме Эльги по случаю пятой годовщины со дня своей смерти («... Годовщину по мне справляешь. Кутью сварила. ... Садись за стол, угошай поминальника» – [Зенкевич 1994: 498]. В главе двадцать шестой («Бутылка с крещенской водой») Распутин принимает Эльгу в собственном доме, пытаясь сломить ее сопротивление страстному порыву того, который считал, что ему все дозволено («... Злюсь я на тя. Пошто любви моей чураться?» [Зенкевич 1994: 507]).

Но главная задача самозванного мессии в его призрачном посмертном облике – сохранение благоденствия царской семьи, которая ко времени написания текста уже была казнена в Екатеринбурге. Свершилось пророчество «старца», обращенное к венценосным особам: «- Ежели меня не будет, и вас не будет, кака моя смерть, така и ваша» [Зенкевич 1994: 509]. После 1916 года наступил 1917-ый, год отречения российского императора от престола, а затем и 1918-ый – год гибели семьи Романовых.

Фигура царя Николая Второго у Зенкевича – воплощение безволия и безличности, что соответствовало его призрачному существованию на страницах беллетристических мемуаров (XXVII.«Ливадийские розы»). Николай признает свое поражение, говоря офицерам: «Мне больше помочь ничто уже не может, кроме молитв и вот этой крещенской воды от нашего друга» (имеется в виду Григорий Распутин, продолжающий заботиться о царской династии и после собственной смерти).

Создатель «Мужицкого сфинкса» писал петербургские главы мемуарного романа, не отделяя себя от пережитого прошлого. Он превращал исторические «тени» в «людей из плоти» [Зенкевич 1994: 412], выдвигая на первый план их творческую одаренность и не вдохновлялся ролью скептического аналитика, каким позиционировал себя Георгий Иванов. Тенденциозный подбор вымышленных фактов в «Петербургских зимах» сводится к односторонней авторской мысли о саморазрушении петербургской культуры. Фельетонность Г.Иванова, на наш взгляд, методологически проигрывает на фоне романизированной лиро-эпики М.Зенкевича.

Вместе с тем Иванов более привлекает читателей обилием фактов из литературного прошлого Петербурга, проигрывая по сравнению с локальной тематикой Зенкевича.

Неистребимость духа деятелей Серебряного века символизирует в «Мужицком сфинксе» вездесущая Эльга. В 1940 году мифическая Эльга из романа Зенкевича приступила к автобиографическому самовыражению. В стихотворном романе Анны Ахматовой «Поэма без героя» (1940-1962) первая часть триптиха, озаглавленная «Девятьсот тринадцатый год», носит подзаголовок *Петербургская повесть*. Обозначается эксплицитная связь с А.С.Пушкиным: *Петербургская повесть* - подзаголовок поэмы А.С.Пушкина «Медный всадник». Третьей главе ахматовской «Поэмы без героя» предпослан эпиграф из О.Мандельштама: «В Петербурге мы сойдемся снова, / Словно солнце мы похоронили в нем... » [Мандельштам 1990: 379] (это начало стихотворения 1920 года, посвященного городу). Петербургский текст литераторов-акмеистов уплотнялся и мыслился как продолжение классического текста.

«Поэма без героя» Ахматовой авторским подходом и методом наиболее тесно связана с «Мужицким сфинксом» Зенкевича. Оба произведения объединены чувством ностальгии по общему культурному прошлому. Сближаются и методы создания двух мемуарных романов – прозаического и стихотворного: автобиографизм, устойчивость лирического настроения, объективированные персонажи с реальными прототипами, фантазное преобразование лично пережитого. В «Прозе о Поэме», во фрагменте 1961 года, Ахматова указывала на отличительное свойство выстраданного ею произведения: «...этот волшебный напиток, лиясь в сосуд, вдруг густеет и превращается в мою биографию, как бы увиденную кем-то во сне или в ряде зеркал...» [Ахматова 1990: 258]. Зенкевич так же ввел мотив зеркал в эпизоде общения повествователя с Эльгой (XV.«Семь зеркал из луна-парка»).

Метафорическое преобразование достоверной основы мемуаров, составляющих исторически обусловленный и хронологически уточненный *петербургский текст*, превращало пережитое в эпос, создавало феномен «неправдоподобной правды»

мемуаристики (слова Ахматовой о «Мужицком сфинксе» Зенкевича). Текст о пережитом, обращенный к будущему, не может ограничиваться ни фактологичностью, ни провокативным сочинительством. Из пережитого в Петербурге художники слова сделали русскую *гофманиаду*. Это было время актуализации художественных идей немецкого писателя-фантаста XIX века Амадея Гофмана (оперирование фантастикой на почве достоверности). «Моя гофманиада» – говорила о своей «Поэме без героя» Анна Ахматова. Определение *гофманиада* применимо и к *петербургскому тексту* Зенкевича.

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова 1990 – *Ахматова А.* Сочинения в двух томах, т.2. Москва: Художественная литература. – 494 с.

Волошин 1990 – *Волошин М.* Путник по вселенным. Москва: Советская Россия Переплет. - 384 с.

Гиппиус 1991 – *Гиппиус З.* Живые лица. Воспоминания: Тбилиси. – 778 с.

Гумилев 1888 – *Гумилев Н.* Стихотворения и поэмы: «Советский писатель» Ленинградское отделение – 1988 год. – 632 с.

Долгополов 1977 – *Долгополов Л.* На рубеже веков. Ленинград: Советский писатель. – 368 с.

Зенкевич 1994 – *Зенкевич М.* Сказочная эра. Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. Москва: Школа – Пресс. 688 с.

Иванов 1994 – *Иванов Г.* Собрание сочинения в трех томах, т.3. Москва: «Согласие». – 720 с.

Лурье 1999 – *Лурье А.* Русский футуризм. Теория. Практика. Критика. Воспоминания. Москва: «Наследие». – 480 с.

Мандельштам 1990 – *Мандельштам О.* Сочинения в двух томах. Москва: Художественная литература. – 464 с.

Озеров 1994 – *Озеров Л.* Сказочная эра. Москва: Школа – Пресс. 688 с.

Палеолог 1991 – *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. Москва: Издательство политической литературы. – 652 с.

Ирина Петровна Захариева

БЕЛЕТРИЗИРАНЕ НА МЕМОАРА «СЕЛСКИ СФИНКС» НА МИХАИЛ ЗЕНКЕВИЧ

Резюме

В статията се отделя внимание на процесите на белетризация на мемоарното повествование «Селски сфинкс» от руския писател Михаил Зенкевич. Произведението на Зенкевич се съпоставя с белетризирания мемоар на емигранта Георги Иванов «Петербургски зими», в които се съпоставя темата за смъртта като част от т.нар. «петербургски текст». Отделя се внимание на образа на Елга – прототип на Анна Ахматова и се проследява въздействието на мемоара на Зенкевич върху знаменитата «Поема без герой».

Ключови думи: белетризиране, мемоар, петербургски текст, културна памет, мистика, реалност

Йосиф Наумович Мороз
БАН
България, София

О ДЕМОНИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ В СКАЗКАХ А.С.ПУШКИНА

Анотация: В статье рассматриваются синтетические образы в сказках А.С.Пушкина, в частности в «Сказке о золотом петушке». Автор в особом ключе исследует демонические образы Шамаханской царицы, Дадона и Звездочета. В последней пушкинской сказке представлено переплетение фантастических сюжетов, имеющих широкие аналогии с фольклором разных стран мира.

Ключевые слова: сказка, синтетический образ, мотив, сюжет, аналогия, фольклор.

Joseph Naumovich Morozh
BAN
Sofia, Bulgaria

ABOUT DEMONIC IMAGES IN FAIRY TALES PUSHKIN

Abstract: The article deals with synthetic images in the tales of Pushkin, in particular in the «Tale of the Golden Cockerel». Written in a special way explores demonic images Shamahanskaya queen, Dadon и Stargazer. In the last

tale of Pushkin presented weave fantastic stories with broad analogy with the folklore of different countries.

Keywords: tale, a synthetic image, motif, plot, analogy, folklore.

Количество научных трудов, исследований, просто описаний литературы по Пушкину поистине громадно. Только один библиографический перечень литературы и словарей по творчеству А. Пушкина занимает несколько больших томов. Изучены казалось бы мельчайшие подробности в необъятном наследии поэта, но оно настолько объемлюще и многогранно, что оставляет поле для все новых и новых исследований разных направлений его творчества. И это не является в какой-то степени ревизией или принципиально новым взглядом в литературе о Пушкине, а, как в этом случае, всего лишь бо'льшим акцентированием восприятия того или иного синтетического образа, в частности в его сказках. Руководствуясь подобными соображениями и добрыми намерениями, в настоящем труде автор предпринял попытку рассмотреть в особом ключе демонические образы в «Сказке о золотом петушке» А.С.Пушкина.

Шамаханская царица, Дадон и Звездочет
«Сказка о золотом петушке» А.С.Пушкина

Последняя сказка А.С.Пушкина, написанная в 1834 году, в большей степени по сравнению с другими его сказками представляет фантастическое и во многом не до конца выясненное переплетение различных сюжетов, имеющих самые широкие аналогии в фольклоре многих народов мира. Это показала известная русская поэтесса Анна Ахматова в своем исследовании «Последняя сказка А.Пушкина». Она убедительно обосновала тезис относительно того, что за основу фабулы своей сказки поэт взял сюжет из сборника американского писателя В. Ирвинга «Сказки Альгамбры», с которым Пушкин ознакомился во французском переводе. Однако, как нам представляется, широкое распространение подобных сюжетов и в странах Дальнего Востока помогает предположить не только родину этого популярного сюжета, но дает возможность проследить особенности его адаптации в новой культурной среде, а также подтвердить мысль об общем происхождении определенного круга

сюжетов в разных географических районах. Вполне допустимо, что распространение рассматриваемого сюжета в буддийской литературе Индии, Китая, Монголии указывает на индийский источник этой сказки. Арабская сказка была лишь одним из многочисленных вариантов, переносимых через земли Персии на Ближний Восток и Европу. В настоящем труде мы попытаемся проследить, какие именно мифологические или сказочные сюжеты использовал Пушкин, создавая новое своеобразное произведение и придав сказке колорит русской действительности. Лишь используя как основу стержневой мотив арабской сказки, Пушкин в процессе работы над ней широко использовал ряд сюжетов прежде всего русских народных сказок. Недаром некоторые пассажи этой сказки были запрещены цензурой, усмотревшей в них намеки на управляющего монарха и на положение в стране.

К сюжету этой сказки Пушкина обратился знаменитый русский композитор Н.А. Римский - Корсаков. В своей последней опере «Золотой петушок», написанной в 1906 - 1907 годах, как и в либретто ее, на чем мы остановимся подробнее, в отличие от других опер – сказок композитора, более отчетливы мотивы, перекликающиеся с модными в то время среди поэтов и музыкантов настроениями мистицизма, символизма, декаданса, обращение к зловещему влиянию враждебных человеку сил, победа этих сил, и, нередко, отсутствие положительного героя, сражающегося с ними.

Текст для музыкально-драматического произведения написан известным либреттистом В.И.Бельским, автором большинства сюжетов опер-сказок Римского-Корсакова. Бельский при написании либретто, раскрывая замысел Пушкина и дополняя некоторые неясные для анализа пассажи сказки, также использовал прием Пушкина, привлекая для полноты картины отдельные сюжеты русских народных сказок и преданий. В интересах объективного анализа в статье будут использованы и основные семантические узлы либретто, позволившие дать возможно полную картину происходящего в сказке.

В прологе оперы перед спущенным занавесом выходит Звездочет и сообщает зрителям, что он обладает необыкновенным даром.

Последующее сопоставительное рассмотрение сюжетов и образов героев сказок В.Ирвинга, А.Пушкина, эссе А.Ахматовой и либретто оперы в какой-то степени даст возможность раскрыть основную мысль Звездочета и показать в свете его высказывания инвариантные корни поведения того или иного персонажа.

Действие оперы начинается со сцены заседания боярской думы. Царь постарел и уже не имеет сил защищать страну. Старший сын по имени Гвидон предлагает «поставить войско вокруг столицы». Царь и бояре восторженно принимают это предложение. Мотив сосредоточения главных сил в столице, охрана ее границ, изоляция от приближающегося противника - мотив широко распространенный в мировой мифологии, фольклоре и литературе. Например, у Пушкина «тридцать три богатыря», охраняющие остров Гвидона в сказке о царе Салтане, двор Дюка Степановича в одноименной былине киевского цикла или дом с оградой из человеческих черепов у бабы Яги и, наконец, дом-крепость, защищающий от чумы в болгарской песне о левенте Дуко. К этой же парадигме можно отнести сюжет картины Уотса «Любовь и Смерть», на которой Любовь пытается воспрепятствовать Смерти проникнуть в дом умирающей, самоизоляцию пирующих и веселящихся в «Декамероне» Бокаччио, в «Маске красной смерти» Э. По и т.д.

Второй сын предлагает войско распустить и собирать его за месяц до войны, т.е. создавать как бы народное ополчение, но не хватало средств оповещения о наступлении противника, что как бы косвенно предопределяло поиск волшебного предмета, возвещающего о грядущей опасности. Царь и бояре с восторгом принимают и это предложение, но верный воевода Полкан возражает против двух этих идей, мотивируя свои слова в первом случае возможностью неприятеля обстреливать царский терем, а во втором – «Ну, а как сосед наш дерзкий нам не даст за месяц знать, что намерен воевать?» Тем самым Полкан противопоставляет себя Дадону и всем боярам, которые сожалеют, что в царстве уже нет гадалок, т.е. в данном случае посредниц между этим и потусторонним мирами. Но все же в результате их долгих споров появляется Звездочет, принесший в дар царю возглашающего золотого петушка. Звездочет в награду за услугу просит дать ему «запись по закону» т.е. договор в

том, что обещает царь. В сказках нередко заключается письменный «договор» с нечистой силой; нередко место и обстоятельства заключения его указывают на сущность персонажа, его происхождение и внешность. Но царь не хочет знать никаких законов и предлагает обратиться к нему через некоторое время и просить о каких-либо милостях. Здесь можно предположить влияние сказочного сюжета о предварительном требовании волшебным персонажем чаще всего хтонического происхождения того, о чем герой еще не знает; чаще всего это родившийся в его отсутствие ребенок, чьим отцом не обязательно мог быть герой.

Удачно введен в либретто оперы образ ключницы Амелфы, что позволяет изъяснить некоторые схемы сюжета сказки. Присутствие этого персонажа в либретто «Золотого петушка» как единственного антагонистического шамаханской царице женского образа призвано было показать первоначальное состояние сонного царства, а ее роль именно как ключницы в мифопоэтическом плане состояла в открывании и закрытии замкнутого сакрального пространства, его распадении и объединении. Обладание в прямом и переносном смысле ключами от дворца напоминает идентичные функции богинь Гекаты, Персефоны и Кибелы. В христианстве ключи - эмблема св. Петра, хранителя небесных ворот, а также атрибут папы. Следовательно в образе ключницы Амелфы следует видеть не только праобраз былинной богатырши и волшебницы Амелфы Тимофеевны, но и древнейший тип благодетельницы и защитницы города, мотив широко известный в мифологии и в фольклоре многих народов мира. Если к этому добавить, что имя Амелфа носили коза, выкормившая Зевса и вознесенная им на небо в виде звезды в созвездии «Возничий», и одна из сивилл, сопровождавшая Енея в ад, то образ ключницы приобретает сложный, синкретический характер. Она предлагает Дадону обратить в спальню всю столицу и по ее приказу слуги выносят на солнце царскую кровать. Засыпают все, даже стража, но это какой-то особый сон, во время которого перед героем должна была пройти его жизнь полная приключений и страданий. Но онтологически древнейшее, лежавшее в основе сказки буддийское представление о жизни как о цепи страданий, было чуждо

христианству, вот почему весь этот страшный сон мог выпасть при обработке данного сюжета уже в новой культурной и религиозной среде. Сопоставительное изучение различных версий сюжета о маге, показывающем герою через сон или средства его побуждающие, будущую жизнь, дает интересный материал для исследований. Здесь отчетлив мотив заснувшего царства. Заколдованный город – один из наиболее значимых локусов волшебной сказки. Он связан с основными комплексами представлений, к которым восходит такой жанр, как вход в царство мертвых. Кроме того, это был какой-то особый сон, во время которого перед героями должна была пройти их жизнь, полная приключений. Царю в его продолжительном сне грезится юная красавица - сюжет также нередко встречающийся в сказках народов мира. В различных вариациях это известные сказки и бывальщины о старом царе, мечтающем жениться на молодой, и с этой целью он посылает сыновей, зятя, просто героя за молодильными яблоками, живой водой, за самой девицей за тридевять земель и т.п. Но путь к девице далек и полон разных опасных испытаний. В ожидании предстоящих событий снова наступает сонная тишина. Через некоторое время петушок опять тревожно кричит.

Очевидна необходимость остановиться применительно к данному тексту на богатой и амбивалентной символике петуха. С одной стороны, петух - атрибут солярных божеств, с другой, особенно в скандинавской и кельтской мифологии, - хтоничный символ, атрибут божеств подземного света; в описаниях шабаша ведьм сатана иногда выступает в образе петуха. Петух - священная птица в культе Аполлона, Афины, но и Эскулапа, Приапа и Персефоны. В христианстве петух связывается с Христовыми муками, символизирует воскресенье, а крик его соотносится со св. Петром и покаянием. Следует также добавить, что из-за своей воинственности петух является символом войны и приготовления к ней. Эпитет «золотой», кроме ярко выраженного символа света и солнца, в фольклоре может иметь и другой смысл – нередко золотые предметы обладают таинственной силой и ими владеют или их охраняют демонические персонажи. В многочисленных преданиях о золотых кладях, например, о сокровищах Нибелунгов, ясно выступают следы

культурного предания о золоте как о воинской добыче, приобретаемой ценой крови и приносящей бедствие и смерть всякому, кто бы ни владел им, и золото становится яблоком раздора между обладателями, и в результате они погибают. В данном случае можно предположить, что петух выступает атрибутом нечистой силы, вернее ее наступления и кровавой развязки. Здесь возможно сравнение с Сальгофниром – петухом в Вальгалле, который своим криком будит утром обитающих там готовых к битве героев – эйнхериев.

Итак, опять разносится крик петушка. Царь собирает ополчение и становится во главе его. Народ благославляет его на войну. Эти приготовления фиксируют смену определенного инертного цикла в жизни государства, царя и его сыновей.

Следующий этап в жизни царя начинается с картины ночи в ущелье. Царь натывается на трупы своих сыновей, вонзивших друг в друга мечи. Недалеко от трупов виден шатер. Воевода Полкан крадется к шатру, предполагая, что там «вражий витязь». Полы шатра колеблются, все в страхе бегут. В сказках нередко шатер сопоставляется с гробом, могилой, в которой покоится мертвая прекрасная царевна, девица, нередко она же ведьма. Ночью она выходит из гроба или могилы и старается соблазнить или уничтожить находящегося неподалеку героя. Из шатра является шамаханская царица.

Приблизившийся царь спрашивает царицу, кто она. Шамаханская царица отвечает, что идет завоевывать город Дадона лишь своей красотой и угощает гостей вином. Здесь чрезвычайно важен мотив угощения, еды и питья вообще – это особый знак мгновенности и суетности человеческой жизни. Воевода Полкан пытается ухаживать за царицей, но она просит прогнать «этого уroda» и пытается всячески завлечь царя. Если у Пушкина роль безымянного воеводы невыразительна, то в либретто воевода, несущий выразительное имя Полкан, является одним из основных действующих лиц.

В этом эпизоде раскрывается не только полисемантическое происхождение образа воеводы Полкана из широко известной во времена Пушкина сказки о Бове королевиче (Пушкин и сам писал

про Бову) как полузооморфного (потому и «урода») чудесного помощника героя жертвующего собой, но и персонажа русских народных сказок с собирательным образом типа дядьки Котомы, Шмат-Разума, свата Наума, в скандинавском эпосе Зигфрида в его отношениях с Брюнхильдой и др. Таким образом, Полкан является медиатором между миром людей и сверхъестественных существ, к которым относится шамаханская царица. В сказке Пушкина мы имеем дело с обработкой первоначального сюжета, в котором роль Полкана была более значительной, чем в дошедшем до нас тексте. Роль этого персонажа в сказке, хотя и относительно редуцированная, наводит на мысль, что он мог попасть в сказку из какого-либо иноземного, предположительно индийского источника, где роль мудрого советника и помощника царя частое явление.

В опере царица поет царю песню «Ах, увянет скоро младость, унесет с собою радость», т.е. время проходит, а царь не реагирует на ее ласки, поэтому она жалеет о царевичах, которые «взапуски ее любили». В данном случае интересна судьба царевичей. Она напоминает ситуации в русских сказках, когда ведьмы или их дочери, угощая царевичей или богатырей, приглашают их в постель и сбрасывают в пропасть. Сюжеты о коварных замыслах подобных женских образов типа «прекрасной Дуни», после любовных ласк, сбрасывающей своих любовников с кровати в пропасть, широко распространены в самых различных жанрах народного творчества, начиная со сцены обольщения в эпизоде былины «Три поездки Ильи Муромца» до преданий о грузинской царице Тамаре и Екатерине Второй.

Таким образом царевичи в сказке Пушкина, как и сам царь, играют роль объекта жертвоприношения, конечной целью которого должна быть последующая метаморфоза одного из персонажей произведения. То, что царь в объятиях царицы быстро забыл о судьбе своих сыновей, подчеркивает силу ее волшебного очарования. В либретто делается намек на ее происхождение: «Между небом и морем висит островок». Это дает возможность сравнения с пребыванием Одиссея у Цирцеи и Калипсо, что аналогично нахождению в подземном мире также и потому, что само представление об острове, находящемся за пределами обитаемого

мира, в фольклоре многих народов, как справедливо указывает И.И.Толстой, совпадает с изображением загробного царства, а обрядовое питание, которое предлагают богини герою, напоминает ритуальную пищу, приобщающую к сонму мертвых.

Мотив этот близок к типу сказочных сюжетов о воздушных девах, южнославянских самовилах, строящих себе жилища между небом и землей, нередко сооруженных из убитых ими людей.

Шамаханская царица жалуется, что не может найти человека, с кем можно было бы поспорить, т.е. предлагает своего рода свадебные испытания. Влюбленный, очарованный царь соглашается. Она начинает глумиться над Дадонем: повязывает его платком, дает ему веер и заставляет плясать с нею на глазах всей рати. В сцене, когда Дадон предлагает царице самого себя и свое царство, либретист четко показал метаморфозу царя путем травести и танца с нечистыми силами. После отчаянной пляски с арапчатами, песиглавцами, кривыми оборотнями и тому подобными персонажами, царь приглашает ее на царствие. Но, что важно отметить, он сам уже после танца стал представителем другого мира, выразившемся в том, что стал уродом (хромым), что является устойчивым показателем обретения демонических черт. Эта внутренняя логика связана, на наш взгляд, с мифологическим кодом эпического сюжета, в котором изменение внешности героя и его неузнавание объясняются пребыванием в загробном мире, где герой теряет свой прежний и приобретает новый облик.

Присутствующие при танце рабыни язвительно славят жениха: «сестры, кто хромает рядом с лучезарною красой? Царь он саном и нарядом, раб же - телом и душой».

У Пушкина это как бы предугадывается. В либретто уточняется, что говорили в городе. Народ в беспокойстве упрощает ключницу рассказать, какие вести принесли царские скороходы.

Среди прочего она сообщает, что царь спас из пасти Змея-Горыныча царь-девицу, казнил царевичей и собирается задать «баню» своему народу. Ложь Амелфы объясняется ее стремлением сохранить status quo в государстве и возвеличить роль якобы могущества победоносного царя. Подтверждение этому блестящее шествие Дадона и шамаханской царицы. Торжество встречи

прерывает Звездочет, требующий, чтобы царь ему отдал шамаханскую царицу. Дадон пытается образумить Звездочета, но тот упорно стоит на своем желании. Царь ударом жезла по голове убивает Звездочета. Вдруг начинается землетрясение, гром, тучи, царица смеется. Какого греха не боялась царица не объясняют ни А.Пушкин, ни исследователи сказки. В либретто царь пытается обнять и поцеловать царицу, но та отталкивает его: «Пропади ты, злой урод и дурацкий твой народ!» Внезапно слетает со спицы петушок и убивает Дадона. Наступает тьма, слышится зловещий хохот царицы; затем светлеет, царица и петушок исчезли.

В заключение оперы Звездочет объявляет зрителям, что живыми лицами в пьесе были только он и царица, а «остальные - «бред, мечта, призрак бледный, пустота».

Если говорить о сказке Пушкина то, действительно, основными действующими лицами в интриге с золотым петушком надо считать мудреца и шамаханскую царицу, однако, в либретто оперы, главным действующим персонажем следует считать и ключницу. Это не эпизодическая роль, но персонаж с конкретно выраженными функциями управительницы сонного царства, опекающей определенное сакральное пространство. Именно ей принадлежат онтологически богато выраженные функции управляющей судьбами государства. И царь и народ показаны глупыми, над всеми возвышается ключница, но все же в этой сказке нет положительного героя – отсюда и слова Звездочета в заключении.

Но главный персонаж сказки он сам - Владелец петушка Звездочет не хочет отказаться от своих на первый взгляд нелепых притязаний на шамаханскую царицу. У Ирвинга Звездочет – глубокий старик,сооружает талисман – медный всадник, который и возвещает городу о грядущей опасности. Здесь Звездочет – женолюб, и он отказывается от наград предлагаемых царем, потому, что владеет волшебной книгой царя Соломона и хочет обладать царицей. Очевидно имеются в виду нередко упоминаемые у волшебных персонажей книги, по которым узнают местонахождение героя, добывают царевен при помощи сверхъестественных сил, вызывают бесов и управляют ими. Ахматова отмечает, что в черновике Пушкин называет Звездочета «шамаханским» , т.е. союзником, земляком или

даже родственником шамаханской царицы, и тогда становится в какой-то степени понятным, отчего он ее требует. Но эти объяснения явно не исчерпывают неясности вокруг взаимоотношений Звездочета и шамаханской царицы. Например, в черновике Пушкина царь в ответ на требование Звездочета оказывается посредником в каких-то непорядочных поступках, лицом, занимающимся неблагоприятными делами, в данном контексте, говоря новомодным стилем, - сутенером. У Пушкина отказ Звездочета от предлагаемых других царских милостей ничем не мотивиран. Либреттист Бельский лишь делает акцент на трагико-комическом противоречии во всей фабуле пьесы, не пытаясь раскрыть истинные намерения мудреца.

Отметим одну важную деталь у Пушкина: Царь, взывающий о помощи. Ахматова, рассматривая эту деталь сказки, считает, что мудрец был скопцом отроду так сказать «eunuchus natura», т.е. евнухом по природе. Представляется подобное предположение не совсем убедительным. Пышная седая борода у Звездочета не может быть физиологическим признаком скопца по рождению, а голос тенор-альтино /а именно на таком голосе настаивал композитор Н.Римский-Корсаков /характерен для кастрата. Следовательно можно предположить, что Звездочет пережил определенное насилие, увечье, фигурально отдалившее его от мира остальных людей. Поскольку концепция микро- и макрокосмоса приравнивает низ человеческого тела к нижним слоям мироздания; вся мифологическая нечисть, наделяется какими-либо патологиями – половой разнузданностью, или наоборот немочью, ущербными и зооморфными ногами, нулевой морфностью и т.д., так как с нижним миром традиционно связывается все уродливое и плохое. Таким образом, возможно предположить, что Звездочет был «заклят», и от этого вредоносного действия /т.е. вернуть ему молодость и силу/ его могла освободить только шамаханская царица. Но невозможно объяснить поведение мудреца и шамаханской царицы однозначно, ибо здесь могут быть самые широкие аналогии. Например, Звездочет в пьесе А. Блока «Незнакомка», написанной, как и опера, в 1906 году, звал звезду, превратившуюся в прекрасную незнакомку. Персонаж пьесы поэт горько сожалеет о красавице - незнакомке, превратившейся опять в звезду. Но Звездочет ему возражает. Таким образом появление и

исчезновение волшебной женщины в пьесе, опере или сказке вносит раздор с фатальными последствиями среди желающих ее общения.

Не исключается и обратное предположение, что «заключительной» была шамаханская царица, и расправа со Звездочетом освобождала ее от действия враждебных сил, и она с петушком, убившим царя, возвратились на родину. На это указывает связь космических явлений (землетрясение, темнота, свет), затем торжествующий смех царицы, последующее исчезновение ее и петуха.

У Ирвинга нет той страшной, полной драматизма сцены с убийством Звездочета и царя. В сюжете сказки старый мудрец удаляется, забрав с собой «медного всадника» и оставив царя на произвол судьбы. Пушкин внес в свою сказку интригу противостояния трех основных персонажей, уже доведенного в либретто к опере до драматического конфликта представителей этого и нижнего миров. Это объясняется тем, что в сюжетах Пушкина и либреттиста отчетливо ощущается влияние русских народных сказок с сюжетами о стремлениях состарившегося царя приобрести молодильные яблоки, живую воду, заполучить в жены юную девицу, которая в свою очередь ставит условием женитьбы доставку каких-либо сакральных предметов – коня, подвенечного платья, золота и т.д. «Заключение» ее должно было пройти через регенерацию, активное вмешательство волшебного героя. В большинстве случаев этот герой наследует старому царю, женившись благодаря советам добытой для старого царя невесты. В русской сказке «О молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» и подобных ей ряд волшебных приключений указывает на основную цель их, т.е. добыть герою сакральные предметы, влияющие на регенерацию их обладателей. Причем нередко герой, не устояв перед красотой спящей царевны, «исцеляет» ее, - другими словами «на девичью красу позарился», в результате чего она пробуждается от глубокого сна (сиречь «временной» смерти) и в состоянии родить, т.е. пережить метаморфозу. Все эти переживания соотносятся с комплексом представлений об «очищении» человека от влияния нечистой силы и приобщения его к миру людей с его радостями и заботами.

Итак, мы попытались объяснить «нестандартное» поведение шамаханской царицы в контексте ее взаимоотношений с царевичами,

царем и Звездочетом, основываясь прежде всего на главных сюжетных узлах сказок Ирвинга, Пушкина, либретто к опере Римского-Корсакова и русских народных сказок. Но именно Пушкин изменил первоначальную идейную основу сказки, переводя ее из плана философско- дидактического в план морально- этический, приблизив тем ее тем самым к русской фольклорной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский 1924 – *Азадовский А.* Сказки Верхнеленского края, Москва: Сибирская живая старина. – 222 с.

Афанасьев А. 1987 - *Афанасьев А.* Народные русские сказки, т.1-3, Москва: Государственное издательство Художественной литературы. – 506 с.

Братья Гримм 1949 – *Братья Гримм, В. Я.* Сказки. Москва: Гослитиздат. – 720 с.

Йосиф Наумович Мороз

ЗА ДЕМОНИЧЕСКИТЕ СЮЖЕТИ В ПРИКАЗКИТЕ НА А.С.ПУШКИН Резюме

Статията акцентира върху възприятието на определени синтетически образи в приказките на А. С. Пушкин. Авторът се опитва да разгледа по специфичен начин дяволските образи в «Приказка за златното петле». Последната приказка на Пушкин представлява фантастично преплетане на сюжети, имащи широки аналогии в световния фолклор.

Ключови думи: приказки, синтетични образи, сюжети, мотиви, фолклорни аналогии.

Олег Викторович Московский
Университет китайской культуры
Тайбэй, Тайвань

ФИЛОСОФСКИ ДИСКУРС ПОЭМЫ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»

Аннотация: Автор статьи относит лермонтовского «Демона» к жанру философской притчи, в которой содержится комплекс проблем онтологического, гносеологического и этического характера. Бунт Демона объясняется борьбой с необходимостью и стремлением стать свободным творцом новой реальности. Философские взгляды Лермонтова глубоко экзистенциальны. Его Демон осознал необходимость как необходимость и не принял ее. Он выбрал свободу, уменьшив пространство своего истинного бытия до сферы мысли.

Ключевые слова: познание, свобода, необходимость, добро, зло.

Oleg Victorovich Moskovskiy
Chinese culture university
Taipei, Taiwan

PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF LERMONTOV'S POEM «DEMON»

Abstract: The author considers «Demon» as a philosophical parable, which contains a complex of ontological, epistemological and ethical problems. Demon's revolt is explained by struggle with necessity and by desire to become a freelance Creator of a new reality. Lermontov's philosophical views are deeply existential. His Demon realized necessity as necessity and didn't accept it. He chose freedom, having reduced space of his true being to the sphere of thought.

Keywords: cognition, freedom, necessity, good, evil.

В первой половине XIX века русская философская мысль тяготела более к живому поэтическому образу, чем к сухим отвлеченным построениям. Это было время открытия колоссальных возможностей познания мира и человека путём синтеза художественного и аналитического методов, содержащихся в философском дискурсе литературных текстов. В культурной ситуации, характеризующейся осмыслением европейского идейного «багажа» и поиском оригинальных форм и нового содержания философской рефлексии, родилась поэма М.Ю. Лермонтова «Демон». Названная автором восточной повестью, эта поэма по жанру может быть определена и как философская притча.

Поэма, которую Лермонтов создавал в течение всей своей творческой жизни, свидетельствует о непреходящем познавательном

интересе ее автора к основам бытия и генезису добра и зла. Лермонтовский Демон интегрирован в библейский контекст, однако им не исчерпывается и не объясняется. Как же можно идентифицировать Демона? «Ввиду протеизма, пластичности центрального образа, – пишет И.Б. Роднянская, – каждая эпоха, подхватывая едва брошенные автором намеки, вышивала по канве «Демона» собственные идейные узоры ...» [Роднянская 1999: 136]. Непохожесть этих «идейных узоров», другими словами – различные варианты интерпретаций, затруднения в выборе таких понятий, которые могли бы выразить сущность Демона точно и исчерпывающе, на мой взгляд, методологически оправдывают поиск таких терминов, в которых бы наиболее точно была отражена его противоречивая и наглядно невыразимая природа. Демон – оксюморон, философский парадокс, символ, наполненный смыслами и открытый для интерпретаций. Ниже предлагается одна из интерпретаций философского дискурса лермонтовской поэмы.

Текст поэмы не дает оснований утверждать, что исключительно воля к власти толкнула Демона восстать против Бога. Демон был «познавья жадный» [Лермонтов 1983: 45]. и не знал сомнения, но в какой-то момент оно у него появилось как результат познания. До этого «он верил и любил» [Лермонтов 1983: 45]. Познание через сомнение открыло ему, что божественный мир несовершенен тем, что в нем все происходит по строгим законам, и, следовательно, нет свободы. Эту несвободу Лермонтов показывает, например, в художественном образе: «Кочующие караваны / В пространстве брошенных светил» [Лермонтов 1983: 45]. Его смысловая глубина и яркость достигается столкновением семантических полей трех концептов – «несвобода», «путь» и «караван»: небесные светила как неразумные животные, послушные властной руке хозяина, совершают свой путь.

Осознав, что в божьем мире нет свободы мыслить, а есть только необходимость верить, нет свободы творить вопреки законам этого мира, Демон отказывается его принимать. Это причина и содержание бунта гордого одиночки, защищающего своё право критического отношения к миру перед лицом его создателя.

Бог проклял Демона и изгнал из рая. Божье проклятие трансформировало его сущность, поскольку он стал злом, антагонистом добра. Целое исторгло из себя часть, ставшую чужеродной, но эта часть не стала целым, не обрела права творить свой собственный мир по собственным законам. Трагедия сознания Демона состоит в том, что нет ничего вне божественного мира, который он не приемлет, нет пространства, в котором он мог бы стать творцом, то есть равным Богу, и своей волей определять пути тех, кто создан его творческим могуществом.

Пребывание в новом качестве стало тяготить Демона, так как он обрел лишь кажущуюся власть изменять пути, первоначально определенные Богом. Он указывал «путнику одинокому» другой путь, и тот, «обманут близким огоньком», «в бездну падая с конем, / Напрасно звал ...» [Лермонтов 1983: 63]. Однако Демон мечтал не о власти разрушать, а о власти творить. Он не настолько поддался самообману, чтобы не различать великую радость творчества от «мрачных забав». Они ему «недолго нравились» [Лермонтов 1983: 63]. Демон начал «скучать собой» [Лермонтов 1983: 62]. Зло, которое тяготится собственным злом, – лермонтовская мысль.

В философской картине мира Лермонтова антиномическая категориальная пара заменяется триадой, в которой два ее традиционные для этики и религии полюса, добро и зло, коррелируют с нетрадиционным третьим. Это третье – зло, преодолевающее свою сущность и стремящееся через воссоединение с добром, своей бывшей сущностью, достигнуть единства. Возможность «снятия зла злом» вступает в противоречие с научной картиной мира, оперирующей логическими понятиями, и с точкой зрения церкви, еще в VI веке предавшей анафеме Оригена, с именем которого «принято связывать доктрину так называемого всеобщего апокатастасиса или грядущего восстановления всех духовных существ, включая даже самого дьявола, в то совершенное состояние, которым они уже обладали изначально в мире предсуществования еще до своего падения» [Серегин 2003: 170].

Текущность и временность одного из элементов триады неизбежно должны привести к ее трансформации в антиномическую пару. Вопрос состоит лишь в том, у какого полюса окажутся мощнее

силы гравитации и отталкивания. Нам известен финал лермонтовского произведения. Интересно заметить, что и в контексте оригеновской концепции сохранился бы не в меньшей степени трагизм лермонтовского Демона, поскольку вопреки своей воле (например, «Да он и не взял бы забвенья!» [Лермонтов 1983: 49] он был бы принужден божественной волей пройти обратный путь в совершенное состояние.

Вне связи с миром утрачивается смысл бытия, утрата смысла приводит к внутренней трагедии Демона, поскольку именно смысл структурирует личностное бытие. Вне смысла нет духовного развития. Лермонтов обращается к философской смыслообразующей проблеме: может ли часть, отвергнутая целым, смыслополагать себя вне связи с ним?

Демон ищет то, что может дать смысл его бытию. Для него не существует проблемы обретения бессмертия, однако бессмертие является сущностной, но не смыслообразующей чертой бытия Демона.

Еще в начале своего изгнания вне связей с божественным миром, на его периферии Демон идентифицирует себя как «царя познания и свободы». Следовательно, он уверен, что волен изменять жизненный путь своих рабов земных. Воля к власти может насытить гордость, но не дает ему ни одной плодотворной идеи на пути его духовных поисков, впрочем, кроме одной: власть над людьми и над «сонмищем духов» слишком ничтожна для того, чтобы стать смыслом бытия: «А стоили ль трудов моих / Одни глупцы и лицемеры?» [Лермонтов 1983: 63]. Этим, конечно, вместе с осознанием своего бессилия перед богом, объясняется умеренность его богоборчества, которое, в конце концов, свелось к тихой ненависти, прикрытой маской презрения.

Надежда вновь обрести смысл бытия появилась у Демона вместе с чувством любви к Тамаре. Бесцельные скитания для него закончились. Четко обозначилась цель – быть вместе с Тамарой. Однако у Демона в смыслополагании сразу наметились два пути, что свидетельствует о противоречиях в его воле. Один путь – возвращение в свое прежнее состояние: «Меня добру и небесам / Ты возратить могла бы словом, / Твоей любви святым покровом /

Одетый, я предстал бы там, / Как новый ангел в блеске новом...» [Лермонтов 1983: 61].

Возвращающийся Демон, вероятно, был бы легко принят сознанием читателей, поскольку являлся бы одним из художественных воплощений архетипа блудного сына. Но философская мысль Лермонтова идет дальше. Противоречивый и, следовательно, неустойчивый полюс триады стремится преодолеть временный характер своей сущности. Демон мыслит создать новую реальность, в которой зло и добро, земное и небесное, сохранив свои сущностные черты, слились бы в нечто единое, обладающее внутренней и внешней гармонией: «Тебя я, вольный сын эфира, / Возьму в надзвездные края; / И будешь ты царицей мира, / Подруга первая моя...» [Лермонтов 1983: 66].

Цель Демона – это наиболее полное выражение этического и эстетического идеала автора поэмы. Эта мысль так или иначе выражена и в других произведениях поэта. Особенно философски близко «Демону» стихотворение «Послушай, быть может», в котором постулируется идеальная цель гармонического слияния мужского, демонского, и женского, ангельского, начал в реалиях другого мира: «Ты ангелом будешь, я демоном стану!» По Лермонтову, эти два начала есть самодостаточное основание и оправдание друг друга: «Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный, / Тебе будет раем, а ты мне – вселенной!» [Лермонтов 1983: 261].

Являясь только частью целого, одно демонское начало не может быть целым, поэтому ему необходимо ангельское начало, чтобы новая реальность, созданная их гармоническим слиянием, приобрела свойство целостности.

Демон заявляет себя как начало созидательное и, следовательно, богоподобное. Его воление – в реализации своего творческого потенциала, в создании другого мира, построенного по другим законам. Величие и достижимость цели оправдываются самоидентификацией Демона: «Я царь познания и свободы», «вольный сын эфира». Она основана не столько на знании, что было бы более свойственно «царю познания», а на вере в свое могущество, которая возникла в нем раньше, чем вера в добро («Хочу я веровать добру») [Лермонтов 1983: 66].

Для достижения своего идеала Демон готов изменить свой бытийный путь, наполнить его смыслом, дать направление движению взамен бесцельного блуждания в пространстве. Более того, Демон верит, что в его власти изменять жизненные пути людей, не замечая, что его воля становится произволом в мире, созданном по законам Бога. Эту веру укрепила легкая победа над женихом Тамары, которого «коварною мечтою / Лукавый Демон возмушал» [Лермонтов 1983: 51].

В разговоре с Тамарой Демон мыслит себя равным Богу, поскольку обещает ей другую судьбу в другом мире: «К иному ты присуждена; / Тебя иное ждет страданье, / Иных восторгов глубина» [Лермонтов 1983: 67]. Демон решился воплотить свою «бессмертную мечту»: собственной волей освободить Тамару из колеи ее судьбы, дать ей путь «в надзвездные края» и сделать ее «царицей мира».

Но неисповедимы пути господни, и Демону, царю познания, не дано точного знания своей и чьей-либо еще судьбы. Жизненный путь Тамары заранее был определен Богом:

Ее душа была из тех,
 Которых жизнь – одно мгновенье
 Невыносимого мученья,
 Недостигаемых утех:
 Творец из лучшего эфира
 Соткал живые струны их,
 Они не созданы для мира,
 И мир был создан не для них! [Лермонтов 1983: 72].

Оказалось, что дерзкий план Демона есть часть более широкого смыслового контекста, в котором он играет роль испытаний для Тамары. «Дни испытания прошли» [Лермонтов 1983: 72], и этого плана уже не существует.

Мир, замышляемый Демоном, не для Тамары, ей открылся иной путь – путь в рай. Воля Демона вошла в противоречие с волей божьей и вынуждена была уступить. Происходит катастрофа демонского сознания: кажимость сменяется истинным знанием об ограниченности своего могущества и свободы. «Царь познания и свободы», «вольный сын эфира» – ложные самоназвания, результат

заблуждения. Нет ничего вне божественного мира. Никто в нем не может творить вопреки его законам, поскольку никто не равен Богу.

Лермонтов указывает на ограниченный характер демонского богоборчества и в финале поэмы. «Демон побежденный» проклинает не Творца, не созданный им мир, а «мечты безумные свои» [Лермонтов 1983: 72]. «Демон побежденный» – это образ, символизирующий переход триады в антиномическую пару *добро – зло*, которая лежит в основании мира и имплицитна ему.

В философской картине мира Лермонтова есть образы, принадлежащие вечности и времени. Демон проклял «мечты безумные свои», когда вышло их время, а пока оно не вышло, эти мечты являлись для него реальностью, изменившей его сущность и давшей направление его духовным устремлениям к добру. Безумность демонской мечты несколько не умаляла ее величия, поскольку мечта оправдывалась любовью, а любовь не есть категория логики.

Демон создал собственный мир по иным, чем в божьем мире, законам, гармонически соединив демонское и ангельское начало. Но он не мог избежать того, что творимый им мир обладает двумя сущностными чертами: во-первых, он ограничен пространством мысли, то есть обладает идеальным бытием; во-вторых, он ограничен во времени.

Поэты и философы до и после Лермонтова художественными средствами и научными теориями пытались прояснить проблему бессмертия: преодоление смерти через искусство, принадлежность личности к богочеловечеству. Для философского дискурса лермонтовской поэмы не существует подобной проблемы: Демон бессмертен. Для поэта важно, что статус бессмертного разума не дает решения проблемы свободы и необходимости.

Поэма «Демон» создавалась в исторический период, когда европейская философия в лице таких выдающихся своих представителей, как Кант, Фихте, Гегель, Шеллинг, современников Лермонтова или предшественников, близких ему по времени, уже имела рассматриваемую проблему в качестве наиболее актуальной и разрабатываемой. Однако ни одна из точек зрения, была она известна поэту или нет, не совпала сколько-нибудь близко с лермонтовской.

Философия Канта не могла удовлетворить поэта, так как у Канта свобода достигается «ценой разрыва между реальным чувственным миром эмпирических явлений», в который он включает также «весь мир психических процессов» и «постулируемым сверхчувственным миром» [Асмус 1995: 56]. Для Лермонтова поэзия не может быть сверхчувственной, равно как и Демон не может не сочетать в себе сверхчувственную мысль с «психическими процессами».

Идея Фихте о свободе как созерцательно познаваемой необходимости «сверх-Я» диссонировала с семантикой лермонтовских героев-бунтарей.

Согласно Шеллингу, между свободой и необходимостью существует абсолютное тождество, которое создает основу для гармонии объективного и субъективного в свободной деятельности индивида. Философская притча Лермонтова о Демоне не признает этого тождества, а противоречие между свободой и необходимостью лежит в основе развития ее фабулы и характера главного героя.

Гегель рассматривал сущность свободы как осознание проявления необходимости Абсолютной Идеи в контексте всемирно-исторического процесса, поступательного развития общества и государства, жертвуя в их пользу потребностями индивида. Лермонтову, вспомним, «история души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа...» [Лермонтов 1984: 51]. «Душа человеческая», несомненно, проецирована и на Демона, она не примет жестких путей умозрительных теорий, как бы ни были они изящны в своей доказательности.

В поэме точка зрения Лермонтова относительно свободы и необходимости доказывается мыслями и поступками героев, то есть самим их бытием. Демон, по сути, отверг формулу Спинозы «Свобода – это познанная необходимость». Познание дало ему свободу, но лишь в пространстве мысли. Поэтому в этом контексте можно говорить об истинности его, Демона, самоидентификации – «царь познания и свободы». Однако как только Демон покинул пространство мысли и ступил в сферу слова и действия, он столкнулся с неведомой ему ранее необходимостью.

Если следовать классической европейской философской традиции, путь к свободе лежит через осознание необходимости. Но философские взгляды Лермонтова глубоко экзистенциальны. Его Демон осознал необходимость, но лишь как необходимость, а не как свободу. Только осознать необходимость еще недостаточно, чтобы стать свободным. Необходимость необходимо принять, внутренне присвоить. Демон не принял. Он выбрал свободу, уменьшив пространство своего истинного бытия до сферы мысли, оставшись чужим в мире, где правила необходимость.

ЛИТЕРАТУРА

Асмус 1995 – *Асмус В.Ф.* Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля // Вопросы философии. № 1. С. 52-69.

Лермонтов 1983 – *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. М.: Художественная литература. – 4 кн. 3024 с.

Лермонтов 1983 – *Лермонтов М.Ю.* Демон / М.Ю.Лермонтов. Собрание сочинений в четырех томах. Том 2. М.: Художественная литература.

Лермонтов 1984 – *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени / М.Ю.Лермонтов. Собрание сочинений в четырех томах. Том 4. – М.: Художественная литература, 1984.

Роднянская 1999 – *Роднянская И.Б.* «Демон» // Лермонтовская энциклопедия. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1999. С. 132-137.

Серегин 2003 – *Серегин А.В.* Апокатастасис и традиционная эсхатология у Оригена // Вестник древней истории. № 3. С. 170-193.

Олег Викторович Московский

ФИЛОСОФСКИЯТ ДИСКУРС НА ПОЕМАТА «ДЕМОН» НА М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

Резюме

В статията се разглежда комплекс от философски проблеми в поемата на М.Ю. Лермонтов «Демон». Утвърждава се, че богоборчеството на Демона е обусловено от неговия стремеж да разреши противоречието между свободата и необходимостта. Демонът се е опитал да стане творец на собствения си свят чрез синтеза на ангелското и демонското начала, любов и преодоляване на своята същност по пътя на съединение с доброто. Планът

на Демона обаче е влязъл в противоречие с божията воля и е останал неизпълним. Неговото съзнание е претърпяло катастрофа: субективната реалност (аз – цар на познанието и свободата) се е сменила с реалното знание за това, че няма нищо извън божествения свят, и никой в него не може да твори въпреки неговите закони. Демонът не приема свободата като осъзната необходимост и остава свободен само в сферата на своите мисли – единственото пространство на своето реално битие.

Ключови думи: познание, свобода, необходимост, добро, зло.

Светлана Владимировна Коростова
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

О НРАВСТВЕННОЙ ДОМИНАНТЕ РАНИХ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА И М.А. ШОЛОХОВА

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об особенностях авторского мышления, которые сводят воедино разнородные элементы художественного произведения. Проблема нравственной доминанты решается в процессе исследования концептуальных смыслов текста, порождаемых писателем и интерпретируемых адресатом-читателем. Представляется значимым анализ ранних рассказов Антона Павловича Чехова и Михаила Александровича Шолохова, поскольку уже в первых литературных опытах проявляется близость из жизненных позиций и та нравственная доминанта, которая впоследствии становится ведущей в творчестве русских писателей.

Ключевые слова: концептуальные смыслы, духовно-нравственные основы творчества, объективизация повествования.

Svetlana Korostova
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia.

ON THE MORAL KEYNOTE OF THE EARLY STORIES BY A. CHEKHOV AND M. SHOLOKHOV

Abstract: The article deals with the question of peculiarities in the author's thinking, which unite heterogeneous elements of a work of fiction. The problem of the moral keynote is solved in the process of analyzing conceptual meanings of the text, which are created by the writer and interpreted by the addressee-reader. Quite valuable is the analysis of early stories of Anton Pavlovich Chekhov, and Mikhail Alexandrovich Sholokhov, because even in their very first literary experiments we can see how close are their views of life and their moral keynote, which later becomes predominant in the works of Russian writers.

Keywords: conceptual meanings, spiritual-moral basis of creativity, objectification of narration.

В конце XIX – начале XX века в русской литературе появляются две гигантские фигуры, стоящие у истоков русской реалистической прозы: Чехов и Шолохов. Чуть больше полувека разделяет этих писателей с мировым именем. Но есть нечто большее, что их объединяет. Оба родились на донской земле: Чехов – в Таганроге, Шолохов – в хуторе Кружилин станицы Вешенской, Донецкого округа, бывшей Области Войска Донского, а ныне – Ростовской области. М.А. Шолохов, как и А.П. Чехов, мечтал о лучшей доле для народа, видел, что самые прекрасные идеи могут быть доведены до своей противоположности, если будут нарушены духовно-нравственные основы человеческого бытия, если в сердцах возобладает жестокость и злоба. Оба писателя ставили перед собой цель созидать в душах людей чувства, которые помогли бы им находить в себе силы противостоять злу и духовной смерти.

В ранних рассказах А.П. Чехова «Толстый и тонкий», «Спать хочется» и других обнаруживается стремление писателя к объективности, категоричности повествования. Об этом пишет в своей монографии Е.А. Попова: «В Чехове мы видим уникальный случай, когда высокая этическая позиция обусловила эстетическую. Отвращение, питаемое им ко всякому насилию в жизни, в творчестве обернулось высочайшей сдержанностью, отказом от категоричности и проповеди по отношению к читателю...» [Попова 2004: 225-226].

Чехов умеет смеяться над тем, что по сути не так уже и смешно, и сочувствовать тому, что представляется смешным. Самое главное в писателе – это то, что он может встать над своими героями,

их мелкими страстями и заботами, суетностью и прекраснотушением. Именно поэтому авторский субъективно-оценочный план чаще скрыт, связан с позицией стороннего наблюдателя. Об этом пишет Л.В. Баскакова, известный исследователь языковой личности А.П. Чехова: «Чехов же строго придерживается избранному им еще в молодости принципа «объективности», «объективной манеры письма», при использовании которого сам писатель занимает позицию стороннего наблюдателя» [Баскакова 2008: 40]. Однако эти наблюдения позволяют читателю-интерпретатору не только представить ситуацию, оценить психологическое состояние персонажа, но и сделать вывод об отношении к нему автора.

Говоря о творчестве А.П. Чехова, следует обратить особое внимание на такой литературный прием, как портрет персонажа. Портрет играет важную роль в создании литературного образа, реализуя огромные возможности воплощения человеческого характера, его отношения к миру, его духовной сферы. Рисуя портреты персонажей в рассказе «Толстый и тонкий», автор сразу замечает контраст между ними, адресуя читателя к сенсорному восприятию героев: *...Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гуцей.*

В рассказе нарративное третьеличное повествование детально раскрывает содержание ситуации, в которой герои, выражающие искренние дружеские чувства, вдруг оказываются вовлеченными в своеобразную игру, определяемую статусным положением в обществе.

В диалогах персонажей открывается настоящее чувство, такое, какое могут испытывать друзья детства, не видевшиеся много лет. Называя друг друга по имени, используя в речи слова с суффиксами субъективной оценки (*Голубчик мой!*; *душонок*; *погляди хорошенько*), персонажи не скрывают своей радости от встречи. Однако когда один из них узнает о высоком социальном статусе друга, то его речевая стратегия резко меняется. Интенсифицируя текст введением экспрессивных элементов, рисующих внешние изменения, которые

отражают внутреннее состояние героев (*побледнел, окаменел, лицо искривилось*), А.П. Чехов выражает горькую иронию по отношению к персонажам, негативный социальный опыт которых оказался сильнее личных симпатий.

Контраст между душевным состоянием героев в начале и в конце рассказа выражен и на уровне оценочных номинаций в диалогах персонажей: *милый мой; красавец; душонок и щеголь – ваше превосходительство; в такие вельможи-с*. Официальное обращение знаменует финал отношений между двумя бывшими *друзьями детства*, да и само это устойчивое сочетание теряет смысл, поскольку уже не соответствует действительному положению дел. Писатель расширяет смысл представленного сюжета, доверяя читателю «домыслить» самому последующие за этой встречей события, ориентируясь на личный опыт. Именно этот опыт позволяет в смешном увидеть трагичное и почувствовать жалость к героям, душевная энергия которых превращается во внешнюю позу.

Искренность человеческих отношений и ценность родственных связей также стали предметом пристального внимания Михаила Александровича Шолохова. Уже в ранних рассказах писатель создает достоверные, жгучие картины жизни как их непосредственный участник. Боль народа, его муки, его любовь и отчаяние – все это было органично самому Шолохову, который жил в той же исторической атмосфере, что и его герои.

В ранних рассказах писателя приобретает особый смысл концептуальная оппозиция «свой – чужой». Сказовая форма рассказов «Родинка», «Комиссар», «Чужая кровь» способствует объективизации повествования, актуализации авторской позиции «внезаходимости», но в то же время она дает возможность писателю выразить свое отношение к герою и событиям. Автор свободно перемещается во времени и пространстве художественного текста, перенося читателя из прошлого в настоящее, он свидетель и летописец происходящих событий. Сознание автора вмещает и смысловое пространство, не вербализованное в текстах рассказов, но имеющее непосредственное отношение к внутреннему миру героев.

М.А. Шолохов сам был свидетелем многих трагических событий начала XX века на Дону, поэтому жестокость и ненависть,

расколовшие казачество на два лагеря, – неотъемлемые компоненты смыслового пространства ранних рассказов.

Фокусируя внимание на внешних деталях, портретах персонажей, автор дает представление об аномальной ситуации, вызывающей негативные эмоциональные состояния персонажей: *«боль, чудная и непонятная, точит изнутри, тошной заливаает мускулы»*, *«молодое безусое лицо, злобой перекошенное»*, *«холодеющая голова»*, *«кожа на острых изломах скул посерела»*, *«хриплое дыхание»*, *«щуплое тельце»*, *«вялое тельце»*. Яркие изобразительно-выразительные средства – метафоры, эпитеты – в описании персонажей, создающие экспрессивность текста, противопоставлены намеренно выдержанному, нейтральному повествованию автора, занимающего позицию наблюдателя.

Сравнение персонажа с птицей в рассказе *«Родинка»* (*распластавшись, налетел коршуном*) имеет глубокий смысл: человек обладает внутренней свободой, он волен сделать выбор, осознать и оценить ситуацию, предотвратить трагические последствия событий. Однако герой теряет волю, его сознание подчинено античеловечной теории. Главный герой устает от борьбы, от ненависти, эмоциональное состояние неудовлетворенности собой и окружающими, нежелание собственного участия в происходящих событиях ведет к саморазрушению личности, к гибели.

Слово «кровь» неоднократно встречается в рассказах писателя: *«руки измазал в крови, выползавшей изо рта широким бугристым валом»*, *«пузырчатый ком мерзлой крови, торчащей изо рта»*, *«веки, кровью залитые»*. Шолохов убеждает, что кровь – это составная часть живого организма, физиологический признак, но по крови все люди – братья, и потому чувства добра или злобы, ненависти или любви нельзя ставить в прямую зависимость от кровнородственных связей. Библейская заповедь «люби ближнего твоего, как самого себя» в рассказах Шолохова содержит глубокий смысл: любить можно и нужно каждого, даже того, кого ты сначала считал своим врагом, того, кто может оказаться отцом или братом.

Концептуальные смыслы рассказа определяются разными позициями автора-повествователя, актуализирующего ту или иную доминанту семантического пространства текста. В рассказе

«Родинка» нравственная доминанта основана на противопоставлении «позитивные воспоминания героя» - «негативное настоящее». Именно поэтому слова, относящиеся к прошлому Николки, передают атмосферу добра, нежности и любви родных людей: «сынок», «ножонки». Эта любовь чувствуется и в последних репликах атамана, узнавшего своего сына: **«Сынок!.. Николушка!.. Родной!.. Кровинушка моя...»** Однако ситуация настоящего порождает негативные смыслы. Отчаяние, страдание человека, узнавшего в убитом им молодом «неуке» сына, передано здесь экспрессивными высказываниями, в которых слово **кровинушка** имеет иное значение, чем указанное нами выше: оно составляет ядро одного из членов смысловой оппозиции «свой» - «чужой».

Речь героя, восемнадцатилетнего командира эскадрона, отрывиста и немногословна, речь человека, много пережившего и озлобившегося на судьбу. Воспоминания о прошлом принадлежат уже не плану автора-повествователя, а рассказчика, как бы цитирующего речь Николки: *Пропал в германскую войну Николкин отец, как в воду канул. Ни слуху о нем, ни духу. Мать померла.*

Концептуальные смыслы, актуализирующие ситуацию настоящего, определены ключевыми словами героя: «..я уж **уморился** так жить... **Опостылело** все...» Несоответствие между желанием героя и его реальной жизнью рождает внутренний конфликт личности, результатом которого является осознание препятствия, мешающего достичь цели (**учиться бы поехать куда-нибудь**). Этим препятствием становится для Николки Кошевого банда, поэтому все помыслы связаны с ее уничтожением (**луни по правому флангу, надо крыло ихнее заломать**).

Те же чувства владеют и атаманом, имя которого автор не называет, так как в нем кроется интрига рассказа. Атаман тоже устал от войны, **«зачерствела душа у него»**, и, чтобы забыться, уйти от реальности, **«атаман дня не бывает трезвым»**. Именно поэтому герой Шолохова лишен внутренней речи, он не думает, не хочет осознавать ситуацию, мстит всем за утраченный мир и душевный покой. Высказывание, отражающее эмоциональное состояние персонажа, его оценку вражеского командира подтверждают эту

мысль: *«Неук, сосун, горяч, через это и смерть его тут налапает», – обрывками думал атаман...*

Характеристика главного героя в конце рассказа, данная «чужим», врагом, перекликается с оценками, принадлежащими бойцам эскадрона: *«Мальчишка ведь, пацаненок, куга зеленая, – говорят шутя в эскадроне...»* Для коллективного сознания донского казачества сравнение человека с растениями и животными является типичным, как в предшествующем высказывании, когда герой сравнивается с молодым озерным камышом (*куга зеленая*). Содержание оценочных имен определено общей семой «молодость», однако смыслы, извлекаемые из данных высказываний, различны: одно вызывает у читателя чувство гордости, восхищения перед юным героем, «почти без урона» ликвидировавшем две банды, сочувствие тому стыду, который Николка ощущает, когда ему приходится указывать в анкете свой возраст. Другое, принадлежащее атаману, звучит как смертельный приговор молодости и неопытности, и потому вызывает у читателя негативные эмоции, которые всегда связаны с ситуациями, предшествующими гибели человека. Это прежде всего страх перед смертью, жалость к герою, которого *«смерть налапает»*.

Ранние рассказы М.А. Шолохова воспринимаются как протест автора против жестокости мира, отдающего себя во власть идеи, как приговор этой идее, бессмысленно разрушающей жизни конкретных людей во имя абстрактного общего счастья человечества.

Жестокость и равнодушие к человеку А.П. Чехов показывает с позиций как будто бы бесстрастного свидетеля, предоставляя героине рассказа «Спать хочется» самой изложить пространственную и психологическую точку зрения на окружающий ее мир. Несобственно-прямая речь позволяет автору представить внутренний мир Варьки как объективно существующее ментальное пространство: *«...Теперь же вся эта музыка только раздражает и гнетет, потому что она вгоняет в дремоту, а спать нельзя; если Варька, не дай бог, заснет, то хозяева прибьют ее»*. Присутствие автора маркировано в рассказе ментальными и перцептивными рамками: *«Она думает, что...»*, *«Она видит шоссе, покрытое жидкой грязью»*, *«Она поднимает глаза и видит перед собой хояина-сапожника»*.

Чувство неудовлетворенности собой и миром, поиски враждебной силы, мешающей спать, а значит, уйти в другую, возможно, лучшую, хотя и виртуальную реальность, приводят героиню к неожиданно жестокому для читателя и автора поступку: *...Она оглядывается, ищет эту силу, чтобы избавиться от нее, но не находит. Наконец, измучившись, она напрягает все свои силы и зрение, смотрит вверх на мигающее зеленое пятно и, прислушавшись к крику, находит врага, мешающего ей жить.*

Этот враг — ребенок.

Она смеется. Ей удивительно: как это раньше она не могла понять такого пустяка? Зеленое пятно, тени и сверчок тоже, кажется, смеются и удивляются.

Ложное представление овладевает Варькой. Она встает с табурета и, широко улыбаясь, не мигая глазами, прохаживается по комнате. Ей приятно и щекотно от мысли, что она сейчас избавится от ребенка, сковывающего ее по рукам и ногам... Убить ребенка, а потом спать, спать, спать...

Смеясь, подмигивая и грозя зеленому пятну пальцами, Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребенку. Задушив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мертвая...

Обыденность свершившегося, подчеркнутая А.П. Чеховым за счет размеренности самого повествования, воздействует на читателя не менее сильно, чем глубоко реалистичные, полные жестокой правды жизни картины гражданской войны в ранних рассказах М.А. Шолохова.

Жизненные ситуации, которые определяют в рассказах А.П. Чехова и М.А. Шолохова близкие авторские концептуальные смыслы и общие нравственные доминанты, связаны с представлением автора и воспринимающего текст читателя о человечности того или иного события, о духовном потенциале его участников. Исследование концептуальных смыслов ранних рассказов А.П. Чехова и М.А. Шолохова позволило установить общую нравственную доминанту творчества писателей – неприятие всяческого насилия над человеком, преобладание внутреннего, духовного мира, искренних чувств над внешними условиями бытия. Говоря о безрадостных людских

судьбах, и А.П. Чехов, и М.А. Шолохов выражают мысль о стремлении человека к душевной красоте и правде.

ЛИТЕРАТУРА

Баскакова 2008 – *Баскакова Л.В.* Язык и мир писателя (к 150-летию А.П. Чехова). – Ростов н/Д.: Изд-во «Логос», 2008. – 212 с.

Попова 2007 – *Попова Е.А.* Коммуникативные аспекты традиционного повествования русской классической литературы. В 2 частях. Ч. 1. – Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2007. – 212 с.

Светлана Владимировна Коростова

ЗА ПРАВСТВЕНАТА ДОМИНАНТА НА РАННИТЕ РАЗКАЗИ НА А.П. ЧЕХОВ И М.А. ШОЛОХОВ

Резюме

Действителността в ранните разкази на писателите е представена през призмата на възприятието на героите, което е особеност на авторското мислене и главен принцип на художественото творчество на Чехов и Шолохов. Обективността, некатегоричността на повествованието са характерни както за текстовете на Чехов, така и за ранната проза на Шолохов.

Искреността на човешките отношения, неравнодушието към другия, запазването на чувството за собствено достойнство, умението да се противопоставиш на жестокостта и злобата – такива са концептуалните смисли на ранното творчество на писателите. Рисувайки портретите на персонажите, майсторски създавайки диалози и коментирайки измененията във вътрешния свят на героите, авторите създават зрими художествени образи, интерпретирани от възприемащото съзнание на читателя, притежаващ собствен жизнен опит и светоусещане. Именно този опит позволява в смешното да съзрем трагичното и да почувстваме жалост към героите, да им съчувстваме и да преживяваме заедно с тях.

Ключови думи: концептуални смисли, духовно-нравствени основи на творчество, обективизация на повествованието.

Атанаска Симеонова Методиева
Школа внеклассного обучения
София, Болгария

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ АННЫ БАРКОВОЙ КАК ЗЕРКАЛО ЦЕННОСТЕЙ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация: В статье рассматривается творчество малоизвестной писательницы XX века Анны Барковой. В фокусе анализа заключены произведения Барковой, которые являются правдивым зеркалом ценностной системы советской действительности 1920-х – 30-х годов.

Ключевые слова: Ценности, идеология, модернизм, лагерная литература.

Atanaska Simeonova Metodieva
School extracurricular training
Sofia, Bulgaria

LITERARY ARCHIVE ANNA BARKOVA AS A MIRROR OF THE VALUES OF THE SOVIET ERA

Abstract: The paper deals with the Russian writer Anna Barkova in the context of Russian culture of the early twentieth century. Work of the author is a mirror of the values in the Soviet era.

Keywords: values, mirror, ideology, prison, modernism.

Первые публикации Анны Барковой связаны с началом послеоктябрьского периода в России. Она была непосредственно связана с литературным процессом до конца жизни (ум. в 1976 году) и в своих произведениях строила повествование на контрасте между воспоминанием о прошлом и неприятием настоящего. В «Энциклопедии русской литературы XX века» (1996 г.) Вольфганга Казака ее имя находим в составе писателей, принадлежавших к русскому лагерному поколению наряду с Варламом Шаламовым, Александром Солженицыным, Юрием Домбровским, Евгенией Гинзбург и др.

Имя Барковой я нашла при внимательном прочтении указанной энциклопедии, когда целенаправленно заполняла

пропуски женских имен литературного XX века. Надеюсь, что представляемый творческий портрет, который в моей диссертации складывается в различных сопоставлениях с бытовавшими поэтическими течениями, побудит переводчиков русской литературы в Болгарии обратить особое внимание на Анну Баркову. Не скрою своего желания поработать ради того, чтобы замалчиваемый автор из России занял достойное место в обзоре лагерной литературы при прохождении курса «Русская литература XX века» в высших учебных заведениях.

Безумная жажда самоутверждения посредством литературного творчества, а также и желание перемен не только в политическом строе страны, но и во всем мировом устройстве создает предпосылки для показательного судебного процесса, связанного с именем Анны Барковой. В литературной экспертизе творчество ее определялось как опасное для советского общества. Баркова воспринимала свою эпоху как великую историческую трагедию. Критика во многих случаях толковала ее послания как философско-пророческие. Говорилось, что в своих повестях она предсказывает опасность экологического кризиса, распад советского государства, время постмодернизма, торжество массовой культуры, как и противоречия между Севером и Югом [Никулин 2010].

С одной стороны ее место в каноне русской поэзии XX века должно быть согласовано с фактом, что она более двадцати лет провела в зоне ГУЛАГ-а, а с другой – имя Барковой обрастает общелитературными и поэтологическими фактами, которые отдаляют ее от поэтики лагерного поколения. Александр Солженицын возводит «памятник нерукотворный» миллионам погибшим без вины от рук фанатиков-идеологов и «палачей с узкими лбами» [Солженицын 2008: 11], Анна Баркова прослеживает **единичную судьбу** в этой общей панораме Солженицына и одновременно делает ее универсальной, создавая историософскую жизненную перспективу женщины в лагере.

Баркова берет темой для своей поэзии и прозы лагерную немилость, которая душит целое поколение творцов, оставленных без права публиковать написанное ими, и развенчивает культ властителей, смотрящих на писателей как на врагов общества. Часть

этого униженного поколения доживают свой век в коммунальных квартирах и в специализированных психбольницах.

Поэтический стиль целого поколения творцов формируется лагерным опытом, но это не исключает их внимания к современным эстетическим веяниям, к употреблению оригинальных ритмических приемов и созданию ярких образов. Литература 20-х и 30-х годов ставит своей задачей идеологизацию текущих событий, но задает эстетическую модель усложненной социальной зависимости. Авторы оказываются носителями социально ангажированного творчества, их произведения приобщают читателей к социальным, экономическим и политическим проблемам времени.

В 1921 году после многократных публикаций в журнале «Звезда» поэт-имажинист Рюрик Ивнев издал сборник стихотворений «Солнце в гробу», где демонстрировал свою гражданскую позицию; и там же проявлялось нежное лирическое «я», влюбленное в жизнь, как заметил Корнелий Зелинский в предисловии к книге Р.Ивнева «Избранные стихотворения» [Ивнев 1965: 5]. Автора причисляли к нескольким подразделениям русского авангарда 20-х годов; меньше внимания уделялось затрагиваемой им теме социальной несправедливости и ущемления достоинства писателя-интеллигента. Между тем еще в раннем стихотворении 1915 года «Небо дышит холодом и зноем», лирик предрекал, что в XX веке многие люди пройдут через пространство лагеря:

Ты идешь простым солдатским шагом
 К смерти ли или к каторге людской?
 Мачехой была тебе отвага
 Или ты случайно не герой?
 [Ивнев 1965: 27]

В стихотворениях лагерного цикла 1935 – 54 годов (Караганда – Калуга) помещено стихотворение Анны Барковой «Смеюсь, и хочется мне плакать», в котором поставленные Р.Ивневым вопросы о потерянном человеческом достоинстве звучат в пространстве *стены*:

Смеюсь, как ветер бесприютный,

Промерзший в пустоте степей.
Он ищет теплоты минутной,
Стучится он у всех дверей.

Смеюсь... В трактире, на эстраде
Смеется так убогий шут,
Актер голодный. Христа ради
Ему копейки подают.
[Баркова 2002: 98]

Анна Баркова и Рюрик Ивнев непосредственно после революции были приобщены к литературному и общественному кругу Анатолия Луначарского. После того как в 1918 году Москва сделалась столицей советского государства, Луначарский назначил Рюрика Ивнева своим секретарем-корреспондентом и одобрял его сотрудничество в газете «Известия». Не случайно в 1918 году назревает разрыв отношений Р.Ивнева с авангардистами: «Слышали, ваш друг Ивнев записался в большевики? Ну что же, смена вех. Вчера футурист, сегодня – коммунист. Даже рифма получается. Правда, плохая, но все же рифма...» [Ивнев 1978: 158]. В это время Ивнев, в отличие от Барковой, нагружен ответственностью в области литературных и культурных задач и не в силах противопоставить утвердившемуся положению вещей. Вероятно, никогда ему в руки не попадал документ о расстреле его друга поэта-акмеиста Николая Гумилева, а Анна Баркова своевременно ознакомилась с документом об осуждении Гумилева на смерть. Не осталось упоминаний о том, что Баркова и Ивнев знакомы друг с другом, несмотря на то, что в одно и то же время они оба работали в Кремле и оба публиковались в журнале «Звезда». Известно, что Баркова надеялась на помощь А.Воронского в деле литературного сотрудничества в изданиях «Красная новь» и «Красная нива», а Ивнев рассчитывал на сборники и издания имажинистов, в частности имел в виду поддержку Есенина: «Я долго колебался, потому что предчувствовал, что работать будет очень трудно, если не совсем невозможно, но Есенин так умел уговаривать, что я сдался... Тем более, что я имел еще одного мощного союзника – невероятный холод моей комнаты в

Трехпрудном переулке.» [Ивнев 1978: 162]. Баркова не имела возможности попасть в среду авангардистов, а в своих литературных воспоминаниях упоминала о футуристах всего лишь один раз, притом в негативном плане.

Для обобщения теорий разделения между авторами двадцатых годов, исходя из их большевистских или модернистских воззрений, уделим внимание роли Кремля в утверждении культурных направлений. Кремль представляется материнским ядром, от которого исходят различные линии развития и культурные специфики, связанные с особенностями времени. В этом смысле не только Баркова оказывается связанной с властями 20-х годов, но и знаковые имажинисты. Рюрик Ивнев вспоминал о своем литературном друге А. Мариенгофе: «Вскоре по приезде в Москву я познакомился с Анатолием Мариенгофом» (он работал тогда в издательстве ВЦИК техническим секретарем К. С. Ермеева) [Ивнев 1978: 160].

Для нас, современных читателей русской литературы, должность, исполняемая тремя литераторами, - Ивневым, Барковой и Мариенгофом в качестве секретарей руководящих представителей власти ограничена литературными делами и не предопределяет их эстетических взглядов, реализуемых в творчестве. Это позиции посредничества на время секретарской службы; они дают творцам необходимый опыт, посредством которого выигрывает творчество, благодаря оригинальным сюжетам и объективному восприятию переживаемого времени. Разумеется, каждый из писателей формирует свою манеру и сохраняет привязанность к декларациям своей группы. Анатолий Мариенгоф в беллетризованных воспоминаниях, как и Баркова, упоминает о первоначальном ощущении страха при встрече с военизированным тоталитарным режимом: «В тот вечер решила моя судьба. Через два дня я уже сидел за большим письменным столом ответственного литературного секретаря издательства ВЦИК, что помещалось на углу Тверской и Моховой. Мой стол в издательстве помещался у окна. По улице ровными каменными рядами шли латыши. Казалось, что шинели их сшиты не из серого солдатского сукна, а из стали. Впереди несли

стяг, на котором было написано: Мы требуем массового террора» [Мариенгоф 1988: 7].

Анна Баркова отделяла поэтическое творчество от утилитарных целей и социального заказа. У нее хватало поэтической совести и физической воли изречь истину: «Класс - нас, «Советы» - без просвета -/ Сама собой чертит рука./ И трудно, например, поэтам/ Избегнуть: кулака - ЦК» [Баркова 1992: 29]. Прочитанное стихотворение стало одной из причин ее первого ареста.

В «Рифмах», в узком смысле этого слова, метафорика Барковой выводит на первый план авторское стремление к разлому бытовавшей тогда художественной практики социалистической литературы: «Печален, идеален, спален -/ Мусолил всяк до/ тошноты./ Теперь мы звучной рифмой/ Сталин/ Зажмем критические рты» [Баркова 1992: 11].

В то же время сочинители ЛЕФ-а, ориентированные на поэтизацию индустриального пейзажа и проблем социального бытия, могли объявить литературное слово недопустимой контрабандой. В 1927 году Эдуард Багрицкий создал поэму «Контрабандисты». На шесть лет раньше Анна Баркова написала стихотворение с тем же заглавием. В стихотворении использованы три вида рифмовки (перекрестная, свободная и сверхсвободная рифмы), а в стихотворении Багрицкого свободная рифма сочетается со смешанной и круговой рифмой. Одноименные стихотворения двух поэтов проводят **мотив гибельной свободы**.

Ни Багрицкий, ни Баркова не оставляют после себя секретного письма «к одному человеку» [Багрицкий 1973: 259], потому что избирают ради творческой свободы независимое оппозиционное поведение. В качестве дебютанта в советской поэзии Анна Баркова получает от рецензентов оценки подобные тем, что получал Эдуард Багрицкий. Показательна рецензия Михаила Зенкевича, появившаяся в 1928 году в журнале «Новый мир» /книга 5/ несколько месяцев спустя после появления текста «Земля и Фабрика». Отметим и оценки Анатолия Луначарского, который видел творчество Барковой в контексте модернистских течений. В отличие от Луначарского, Михаил Зенкевич считает характерным для Багрицкого, как автора поэмы «Контрабандисты», метод художественного синтеза:

«Романтикой Черного моря, как «Челкаш» Горького, насыщена превосходная лирическая баллада Багрицкого «Контрабандисты». Однако, несмотря на свой романтизм, Багрицкий не теряет острого реалистического взгляда на вещи. Его описания и образы не только красочно-живописны, но и достаточно четки и точны. Багрицкий – лирик, по преимуществу, но лирика его насыщена социальным, революционным содержанием» [Зенкевич 1928: 264].

В контрастной борьбе между Добром и Злом – с естественным рефлексом в непрерывной смене двух начал в социальных условиях существующего Государства - Баркова реализует Пророчество XX-ого лагерного века в поэтических мотивах: «Об опасной гибельной свободе... Расстреляют нас, контрабандистов» [Баркова 1992: 23]. В стихотворениях 1923 года называются имена государственных личностей – носителей бескорыстных интересов: «Ленин и Эйнштейн» вообще не испытали страха предчувствия лагерной судьбы [Баркова 1992: 25], а напротив – пошли ей навстречу. На два года раньше в литературной анкете Баркова заявляет, что лучшей творческой обстановкой для нее является атмосфера каторги..

Разумеется, Анна Баркова никогда не воспринимала себя невинной жертвой Системы: она осознавала разрушительную силу своих посланий и видела свое законное место в лагерном поколении творцов. Как утверждает Елена Михайлик в статье «В контексте литературы и истории», авторы лагерного поколения в процессе написания текстов предвидели, что большая часть читателей воспримут созданное ими как литературное свидетельство и источник познания. Оптимистические интенции определяли художественный смысл произведений и усиливали их диалогичность. Лагерное поколение писателей относилось с уважением к своим гипотетическим читателям.

Поэтическое пророчество не затрагивает поэтики автора и не является определяющим в его оценке как носителя канона для современных читателей. Пророческие мотивы Барковой появляются sporadично в произведениях русских авторов середины пятидесятых годов. Припомним в качестве примера поэму Леонида Черткова «Итоги», в которой лирическое «я» отказывается от «романтической маски» и предрекает собственную лагерную судьбу: «По тропинке,

мочою простроченной рыжей,/ Проведут и поставят к холодной стене» [Кулаков 1988: 137]. В 1957 году Чертков был арестован органами КГБ, а его стихи стали частью творчества лагерного поколения.

ЛИТЕРАТУРА

Багрицкий 1973 - *Багрицкий, Эдуард*. Воспоминания современников. Москва: Советский писатель. – 448 с.

Баркова 2002 - *Баркова, Анна*. Вечно не та. Москва: Фонд Сергея Дубова.– 624 с.

Зенкевич 1928 - *Зенкевич, М.* Багрицкий. – «Югозапад». Москва: Новый мир, кн. 5 – 264 с.

Ивнев 1965 - *Ивнев, Рюрик*. Избранные стихи. Москва: Худож. лит. - 396 с.

Ивнев 1978 - *Ивнев, Рюрик*. Часы и голоса. Москва: Советская Россия - 204 с.

Кулаков 1999: *Кулаков, В.* Поэзия как факт. Москва: Новое литературное обозрение. – 400 с.

Мариенгоф 1988: *Мариенгоф, Анатолий*. Роман без вранья. Ленинград: Художественная литература. Ленинградское отделение. – 480 с.

Никулин 2010: *Никулин, А.* Макиавеллизм для Гынгуани. В: - Социологическое обозрение, т. 9, 2010.

http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/09/1211384279/9_1_8.pdf, (08.11.2012).

Солженицин 1993: *Солженицин, А.* Архипелаг ГУЛАГ, т.2. София: Народна култура. – 726 с.

Атанаска Симеонова Методиева

ЛИТЕРАТУРНИЯТ АРХИВ НА АННА БАРКОВА КАТО ОГЛЕДАЛО НА ЦЕННОСТИТЕ ОТ СЪВЕТСКАТА ЕПОХА Резюме

Статията разглежда творчеството на руската поетеса Анна Баркова като огледало на съветската епоха. Акцентите се поставят върху лагерната немилост, в която попада авторката с над 30 години лагерен и междулагерен живот. Творческият живот на авторката се разглежда като единична съдба с трагичен жизнен път, но с изключително разнообразно по теми творчество.

Ключови думи: модернизъм, лагерна литература, ценности.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Галия Мултаевна Бадагулова
Алматы Менеджмент Университет
Алматы, Казахстан

СИМВОЛ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Содержание и результаты межкультурной коммуникации во многом зависят от способности ее участников адекватно понимать друг друга и достигать согласия. В межкультурном общении возрастает роль и значение культурных символов – древнейших и универсальных средств коммуникации. Через символы народы, принадлежащие к разным языкам и культурам, формируют смысловое пространство достигают взаимопонимания. Символы Казахстана не только аккумулируют социокультурный опыт жизнедеятельности определенной общности, но и выполняют коммуникативно-информационную функцию, способствуя взаимобмену идеями и ценностями как во внутри-, так и межкультурных контактах. В статье раскрывается значение основных символов казахского этноса и исследуется их семантическая связь с важнейшими концептами других этносов.

Ключевые слова: символ, межкультурная коммуникация, символическая интерпретация, концепт, полиэтнический социум.

Galya Multaevna Badagulova
Almaty Management University
Almaty, Kazakhstan

SYMBOLS IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract. The content and outcomes of intercultural communication mostly depend on the ability of its participants to understand each other adequately and reach an agreement. In intercultural communication, the role and significance of cultural symbols as the oldest and universal means of communication have been increasing. People of different languages and cultures form a semantic space by using symbols and reach mutual understanding. Symbols of Kazakhstan do not only gain socio-cultural experience of a certain community's daily living activity, but also perform a communicative and

informative function that enable to interchange ideas and values within culture as well as in intercultural contacts. The article reveals the meaning of main symbols the Kazakh ethnos and investigates their semantic relations with the most important concepts of other ethnic groups.

Keywords: symbol, intercultural communication, symbolic interpretation, concept, multi-ethnic society

Язык символов используется для выражения основ бытия мира и человека. Самые разные, причем чрезвычайно значимые, сферы человеческой жизнедеятельности оказываются существенным образом замкнутыми на языке символов. «Символотворческая функция, - пишет С.М.Лангер, - одна из первичных в человеческой деятельности подобно питанию, ориентации в пространстве, передвижению. Она является фундаментальным и постоянным процессом человеческого ума. Иногда мы осознаем ее, иногда просто обнаруживаем ее результаты и понимаем, что определенные переживания прошли через наш мозг и уже освоены им» [Лангер 2000:40].

Для символа характерным является то, что он как знак «... связан со своим объектом благодаря ... интеллектуальному акту», который способствует образованию общего понятия, то есть знак связан со своим объектом через ассоциацию общих идей [Пирс 2000: 65]. И далее: «символ для говорящего – любой знак, не имеющий со своим объектом сходства и не находящийся с ним в какой-то естественной связи, но выполняющий свою функцию знака только потому, что он обычно интерпретируется как знак этого объекта» [Пирс 2000: 87].

«Без символизма жизнь человека уподобилась бы жизни пленников в знаменитой платоновской пещере. Человеческая жизнь ограничилась бы в пределах его биологических нужд и практических интересов; она не могла бы найти никакого доступа к «идеальному миру», открываемому ей с различных сторон, религией, искусством, философией, наукой». Символообразующая способность человека - это «априорное свойство человека». Те разнообразные сферы проявления культуры (язык, религия, миф, искусство, наука), «символические формы», не сводимы к некому общему. Каждая «символическая форма» (особая символическая функция сознания)

воплощается в особом типе реальности, то есть языке, мифе, религии, искусстве, науке. [Кассирер 1998: 168].

Символ только может быть непосредственно понятен тем, кто сознательно связан с ним в своей жизни и язык символов является неотъемлемой составной частью естественного языка и развивается в процессе естественной эволюции последнего.

С помощью системы символов возможно построение модели мира как целого. «Человек от начала и до конца, от первого своего действия до результирующей репрезентации, является *единственным* творцом символической реальности. Он не использует готовые объекты для выражения искомого содержания. Он их полностью создает сам, в процессе постижения глубинной реальности ... символы, найденные человеком, с *необходимостью напоминают* объекты нашего мира» [Бескова 2001].

При рассмотрении символов «необходимо учитывать своего рода онтологический уровень, где всякий символ будет нам являться как некий комплекс объектов или действий, ни одно из которых не существует (как символическое!) вне единства этого комплекса», что предполагает существование объективного (то есть не фигурирующего в данной ситуации в качестве субъекта своего поведения) наблюдателя, использующего свой метаязык, метаязык будет играть роль посредника между языком наблюдателя и «языком» символов [Мамардашвили, Пятигорский 1999: 155 –156].

Символ не способен дать объяснения по поводу того или иного предмета, вещи, явления. По меткому выражению А.Ф.Лосева, «модели, символы, фиктивные образы мира – игра фантазий», они гипотетичны [Лосев 1982]. А.Ф.Лосев также указывает на то, что «...символы ограничены определенным временем и местом и определенными социальными причинами ...» [Лосев 1982: 443].

Лангер относя символы к знакам, говорит о них как о знаках, которые являются не симптомами явлений, а символами и характеризует их так:

это «определенные «знаки», которые не указывают на что-либо, находящееся в нашем непосредственном окружении;
эти знаки не объявляют о вещах, а напоминают о них;

«они называются «знаками-заменителями», так как «в нашем настоящем опыте они заменяют вещи, которые мы воспринимали в прошлом, или даже такие вещи, которые мы можем просто представить путем сочетания различных воспоминаний, вещи, которые могли быть в прошлом или могут произойти в будущем»;

«они служат скорее для того, чтобы дать нам возможность развить характерное отношение к объектам в их отсутствии, которое называется «мышлением о...» или «ссылкой на...», — на то, чего здесь нет». [Лангер 2000].

Обозначая знаки как индексальные, иконические и знаки-символы, Моррис объясняет их различие различием видов семантических правил, отношением знаков к их десигнатам. При этом «десигнат знака - класс объектов, к которым применим знак, т.е. объекты, обладающие определенными свойствами, которые интерпретатор учитывает благодаря наличию знакового средства» [Моррис 1983: 41]. По Моррису символ – это «индексирующий знак», который не характеризует свой денотат и который не похож и не должен быть похожим на то, что он обозначает. При этом «семантические правила употребления символа формируются с помощью других символов или посредством указания на конкретные объекты, служащие в качестве моделей...» [Моррис 1983: 39].

Итак, под символом мы будем понимать знак, 1) который обозначает такую обширную группу текстов (resp. Понятий), что употребление его включает некоторый культурно- смысловой регистр, большую культурно-смысловую область; 2) при этом символ – это «индексирующий знак», который не характеризует свой денотат и который не похож и не должен быть похожим на то, что он обозначает; 3) символы ограничены определенным временем и местом и определенными социальными причинами.

Символ - это самый яркий носитель и выразитель межкультурной коммуникации.

При общении людей, принадлежащих к разным культурам, приходят в соприкосновение различные культурнообусловленные картины мира. Эта особенность межкультурной коммуникации - есть взаимодействие культур, и при этом, как указывает И.А.Стернин, национальные стереотипы мышления и поведения людей могут не

совпадать частично, в существенной степени или полностью [Стернин 1996 : 97]. При этом каждый из партнеров по коммуникации не осознает имеющихся различий, и для каждого из собеседников его картина мира является «нормальной». В результате собеседники не понимают друг друга.

В поликультурной стране, каким является Казахстан, очень важным фактором является взаимопонимание между людьми различных национальностей. Здесь важную роль должно сыграть государство, его политика, направленная на межнациональное согласие.

В культуре каждого народа очень ярко проявляются национальный характер, какие-то свои ценностные ориентации, модели поведения, восприятие действительности, что также отражается в символах как в моделях внешнего мира. Наша цель – рассмотреть употребление символов в условиях межкультурной коммуникации.

Слово «символ» как было отмечено выше, отличается многозначностью в системе семиотики. Здесь необходимо вспомнить как М.Ю.Лотман и представители тартуской школы семиотики характеризовали символ: «Представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного содержания» [Лотман 2001]. В плане содержания и в плане выражения символ « всегда представляет некоторый текст, т.е. обладает некоторым единым замкнутым в себе значением и отчетливо выраженной границей, позволяющей ясно выделить его из окружающего семиотического контекста» [Лотман 2001: 11]. Символ сохраняет смысловую и структурную самостоятельность, он «не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее» [Лотман 2000: 11-12].

Примерами символов, возникших в условиях межкультурной коммуникации, являются герб и флаг Республики Казахстан. Эти символы государства были приняты в 1992 году. Герб и флаг – это сложные символы. В данных символах, как и в других

Государственных символах Казахстана, очень ярко отражена поликультурность казахстанского общества.

Основой герба является шанырак. Шанырак – это купол юрты. У казахского народа есть очень хорошее пожелание: *řanyrağyng biik bolsyn* (букв. Пусть будет высоким купол твоей юрты). Или говорят: *řanyrağyng řaiqalmasyn* (букв. Пусть твой шанырак всегда будет устойчив, не падает), то есть, пусть будет всегда твой дом, очаг. Шанырак для казаха, что фундамент дома для европейца. Если высок и устойчив шанырак, значит, все у тебя хорошо. Шанырак олицетворяет очаг, целостность мира, это символ первоосновы государства – семьи. Под шаныраком государства, как одна семья, живут люди разных этносов, культур, вероисповедания. Функция и роль данного символа двойственна. С одной стороны, пронизывая толщу культур, символ «шанырак» реализуется в своей инвариантной сущности. С другой стороны, данный символ, являясь по своей природе исконно казахским, своими корнями уходит в общетюркскую цивилизацию. Но олицетворение шанырака с родным домом и, в целом с Казахстаном, легко переносит его в культурный контекст русскоязычного казахстанца.

Во многих работах по семиотике, в частности у Т.В.Цивьян, выдвигается концепция о словаре модели мира. «Введение понятия словаря означает, что модель мира может быть описана с помощью ограниченного набора лексем» [Цивьян 1978.: 65]. В словаре модели мира дом представляет собой одну из основополагающих семантем, так как дом – «важнейшее промежуточное звено, связующее разные уровни в общей картине мира». Анализ лексемы *дом* Т.В.Цивьяном дает возможность установить, что *дом* связывает человека с внешним миром и *дом* «принадлежит человеку, олицетворяя целостный вещный мир человека» [Цивьян 1978: 65]. Шанырак также, как и дом, является связующим звеном между внешним миром и человеком. Через него кочевник-казах наблюдал за небом, звездами, через шанырак в жилище проникали лучи солнца, через него человек осознал себя частичкой огромной вселенной.

«Шанырак» стал одним из ведущих символов Казахстана. Он отличается большой культурно-смысловой емкостью, понятен в символической интерпретации для многих и, в том числе для

русскоязычных казахстанцев, поэтому относится к символическому ядру культуры современного казахстанского общества. В этом символе очень ярко отражена основная идея политики нашего государства: все народы Казахстана должны жить в мире и Казахстан для них – это родной дом. В этом аспекте (мы имеем в виду аспект значения знака, точнее символа) вспомним высказывание Ч. Пирса о значении знаков, который отмечает то, что «во-первых, значением будет то, что выражает или должен выразить знак ... что это та идея или группа идей, которую он несет или передает ...» Второе, что входит или составляет значение знака – это «выражение эмоциональных состояний» [Пирс 2000: 243].

От шанырака во все стороны, в виде солнечных лучей, расходятся опоры (уьки). Солнце изображено во многих государственных флагах и гербах. Солнце – это символ жизни, движения, роста и развития. В русских сказках Солнце – спаситель (*В то самое время подскакал Иван-царевич к теремам солнечевой сестрицы и закричал: «Солнце, Солнце, отвори оконце!»*). В «Слове о полку Игореве ...» солнце является как бы барометром. По нему можно определить, что войско князя потерпело поражение: *«Тогда Игорь воззрел на светлое солнце, увидел он воев своих, тьмою от него прикрытых ...»*. *«Солнце светит на небе», когда князь Игорь на «Русской земле».*

В русском языке солнце – это нечто живое, оно ласково смеется, садится (солнце село; солнце садилось), уносится, мчится (*И солнце дальше унеслось в путь. Навстречу небу, там, где солнце мчится*).

В русской поэзии солнце – Бог (Здесь начало всех дорог...

Солнце пламенное – Бог...), нечто победное (И я вспомню о солнце, о солнце победном, и о счастье каждого дня); солнце шутит (То южное ли солнце подшутило), плещет лучи в лицо у В Набокова; солнце обольщает у В.Ходасевича (Взгляни, как солнце обольщает Пересыхающий ручей); солнце – радостная, живительная сила, добро у В.Высоцкого:

И какая радостная сила

От солнца вливалась в жилы:

Этой силой опять все живое поднималось

*И летело на юг в теплый край.
Там непременно светит солнце,
И торжествует добро!*

Золотое солнце олицетворяет в Степи – красоту, движения, оно символ восхода и заката. Kündei ĉaina (будь прекрасна, как солнце) или küni tudû (это его звездный час, букв.: его солнечный день наступил) говорят у казахов. Своих дочерей казахи называли Künsulu (красивая, как солнце), Künimĉan (солнышко моё), Künĉuaq (свет солнца).

Концепт «золото» как нечто светлое, святое является центральным и в русском мировидении. В русской иконе для передачи света используется золото. «Это золото есть чистый, беспримесный свет ... и явно золото относится к духовному золоту – преднебесному свету Божьему» [Флоренский 1985: 213, 284].

Шанырак изображен на сине-голубом фоне. Это чистый безоблачный купол неба. Древние тюрки поклонялись Небу – Тенгри (Tangri). В казахском языке существуют такие выражения, как tangrim (всевышний мой), tangrim-ai (о, всевышний мой), tangirding ĉazġany (то, что послано небом или всевышним). Древняя надпись на могильной стеле вождя тюрков Кюльтегине гласит: «Вверху отец тюрков – голубое небо, внизу – мать-земля». В православной, шире в религиозной, традиции многих народов небо – обитель бога, богов: Воля неба. О небо! Небесные силы (божественные силы).

В русской поэзии небо, небеса, небесный свод – это нечто таинственное, величавое, правящее земным миром. Например, у Ф.И.Тютчева:

*Небесный свод, горящий славой звездной
Таинственно глядит из глубины,-
И мы плывем, пылающей бездной
Со всех сторон окружены.*

Но в то же время небо для русского человека – это нечто чистое, светлое, животворящее (небесная лазурь):

*Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам-*

*Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре-
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.* (Тютчев Ф.И.)

Сине-голубой цвет, цвет лазури у тюркоязычных народов воспринимается как небесный, священный, исконно-чистый. «K'o'k» в казахском и во всех тюркских языках означает синий цвет. Производные от слова «k'o'k» – это «k'o'ger'u» – употребляется в значении «процветать», а слово «k'o'kteu» – имеет значение «обогащаться», «обрастать». Здесь вспоминается русский фразеологизм «быть, чувствовать себя на седьмом небе», т.е. быть безмерно счастливым. У казахского народа есть пожелание «k'o'segesi k'o'gersin» – пусть будет счастливым, богатым. В цвете герба и флага Казахстана соединились понятия священного, небесного, чистого и светлого. Сине-голубой цвет также олицетворяет счастье, процветание всех народов, живущих в этом государстве.

Традиции евразийского искусства – так называемый «звериный стиль» – нашли свое отражение в изобразительном решении государственного герба. «Крылатые кони» обрамляют герб. В религиозных представлениях многих индо-иранских племен конь был символом Солнца. На головном уборе Золотого человека конь изображен с крыльями и большими козлиными рогами. На гербе Казахстана принято именно это изображение. Крылатые кони присутствуют и в русском фольклоре. Вспомним русские сказки. В них крылатый конь – помощник героя. Исследователь русских сказок В.Я. Пропп пишет, что «лошадь появилась на смену лесным животным, но в совершенно новых хозяйственных условиях. Как же этот переход отразился в фольклоре? Мы опять видим, что новая форма хозяйства не сразу создает эквивалентные ей формы мышления. Есть период, когда эти новые формы вступают в конфликт со старым мышлением. Новая форма хозяйства вводит новые образы. Эти новые образы создают новую религию – но не сразу.... Происходит в языке наименование коня птицей, т. е. перенос старого слова на новый образ. То же происходит в фольклоре: конь облекается в птичий образ. Так создается образ крылатого коня».

«Мы знаем теперь, - говорит Н. Я. Марр, - что «лошадь» означала в доисторические времена и «птицу» [Марр 1922: 133]. В.Я. Пропп подчеркивает, что замена птицы лошастью, по-видимому, азиатско-европейское явление [Пропп 1998]. И в древнегреческой мифологии, как известно, от ударов копыт крылатого коня Зевса – Пегаса (Pégasos) на горе Геликон забил источник, вода которого давала вдохновение поэтам. В связи с последним вспоминаются русские выражения «расправлять крылья» или «придавать крылья» (устаревшее), где первое означает – «начинать проявлять в полной мере свои силы, способности; действовать энергично, решительно, смело; а второе – окрылять, воодушевлять».

В современном русском языке известно сочетание «быть на коне» или «на коне», т.е. чувствовать себя победителем, быть уверенным в себе.

Крылатый тулпар – самый популярный образ в казахском эпосе (batyrlar şyǵy), а также в казахской поэзии. Достаточно вспомнить Тайбурула в «Кобланды батыр» и Кулагера Ахан-сери и Ильяса Жансугурова. У тюрков, и в частности, у казахов, как и у древних греков, как в русских сказках, тулпар – это олицетворение мечты, вдохновения, стремление к будущему. «Скакун – крылья джигита» – свидетельствует казахская пословица. Крылатые кони в гербе Казахстана, по-видимому, также должны символизировать, по замыслу авторов, победу в настоящем и веру в светлое будущее, мечту и стремления к лучшему народов суверенного государства.

В гербе Казахстана есть звезда. Известно, что звезда или звезды присутствуют в гербах многих стран. Звезда – это также символ. В казахстанском гербе – пятиконечная звезда на синеголубом фоне неба.

В современных контекстах слово «звезда» функционирует в следующих переносных значениях: 1. Быть удачливым, счастливым, везучим во всем (родиться под счастливой звездой); 2. Отличаться выдающимися способностями (хватать звезды с неба); 3. Знаменитость (о человеке) или о чем-то знаменитом – восходящая звезда; как «светлая звезда на небесах просвещения» (речь о городе Бухаре);

4. Судьба, доля, участь. Например:

*Где в низкой ночи средь звезд рябых
Горела, как уголек,
Над черными травами впереди
Его большая звезда...*

*В следующем отрывке «звезда» - это и «судьба», а также –
это путеводная звезда*

*Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
(Сергей Есенин).*

5. Звезда – это удача, счастливый миг, счастливые времена:

*И жду, хоть лютый ураган вскипел,
Что ты, моя Полярная Звезда,
Вновь озаришь сияньем мой удел
И тучи бед разгонишь навсегда.*

Как не вспомнить здесь знаменитые пушкинские строки:

*Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья... .*

В казахском языке есть такое выражение «*ǵuldyzung biik bolsyn*» (пусть твоя звезда светит высоко). Звезда – символ, который олицетворяет будущее народов Казахстана. Символ вобрал в себя все те значения, о которых было сказано выше, весь семантический багаж, возникающий при функционировании слова «звезда» в контексте.

Символы казахстанской государственности, проанализированные нами в аспекте функционирования русского языка, - это самые яркие показатели межкультурной коммуникации. Вся символика, основанная на центральных концептах казахской культуры, соотносится с концептами общими для всего человечества, а в сознании русскоязычного казахстанца актуализирует и соотносится с русским фольклором, с древними памятниками

русской культуры, с русской поэзией. Символы, созданные в условиях межкультурного общения, в полиэтническом социуме, возрожденные, привнесенные в жизнь представителем современной казахстанской интеллигенции, билингвом, актуализируются в русском языке Казахстана интеркультуремами *шанырак, тулпар, уыки, Наурыз*. Примечательно то, что актуализация символов в основном осуществляется словами русского языка, которые взяты из активного фонда русской лексики (звезда, солнце, небо, голубое, равновесие, согласие и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

- Бескова 2001. – *Бескова И.А.* Эволюции в сознании: (когнитивно-символи-ческий анализ). — М., 2001. – 191 с.
- Кассирер 1998. – Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. — М.: Гардарика, 1998. — 784 с.
- Лангер 2000. – *Лангер С.* Философия в новом ключе. Исследования символики разума, ритуала и искусства. – М.: Республика, 2000. – 287 с.
- Лосев 1982. – *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. – М.: МГУ, 1982. – 480 с.
- Лотман 2001. – *Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб, 2000. – 704 с.
- Мамардашвили, Пятигорский 1999. – *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.Л.* Символ и сознание: Метафорические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Языки русской культуры, 1999.- 219 с.
- Марр 1922. - *Марр Н. Я.* «Лошадь»«птица» тотем урарто-этрусского племени, и еще два этапа в его миграции // Яфетический сборник, т. 1. Пг., 1922. С. 133-136.
- Моррис 1983. – *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков. //Семиотика . Под общ. Ред. Ю.С.Степанова. – М.: Радуга, 1983. С. 37-89.
- Пирс 2000. – *Пирс Чарльз Спенсер.* Логические основы теории знаков. СПбГУ, 2000 – 352 с.
- Пропп 1998 - *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.- 512 с.
- Свасьян 1998. – *Свасьян К.А.* Проблема символа в современной философии. – М., 1998.- 116 с.
- Стернин 1996. – *Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры. // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. С. 97-112.
- Флоренский 1985 - *Флоренский П.* Собр. Соч. Т.1. Статьи по искусству. Под ред. Н.А.Струве, Paris, 1985. С 213, 284.

Цивьян 1978. – *Цивьян Т.В.* Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок)//Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. - Вып. 10. - С.65-85.

Галия Мултаевна Бадагулова

СИМВОЛЪТ В МЕЖДУКУЛТУРНАТА КОМУНИКАЦИЯ **Резюме**

В статията е направен анализ на мястото и ролята на символа в межкултурната комуникация, а така също на значението на основните символи в казахския етнос. Разкривайки семантиката и концептуалното съдържание на основните символи на казахския етнос, авторът на статията изследва тяхната връзка със символите на други култури, в частност на руската култура. Интересният фактически материал свидетелства за това, че символите не само акумулират социокултурния опит на жизнената дейност на определена общност, но и изпълняват комуникативно-информационна функция, като съдействат за взаимна размяна на идеи и ценности в межкултурните контакти.

Ключови думи: символ, межкултурна комуникация, символична интерпретация, концепт, полиетничен социум.

Ольга Васильевна Макарова
МГУ имени М.В.Ломоносова
Москва, Россия

КОДЫ КУЛЬТУРЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЕДИНИЦ АРХИТЕКТУРНО-ДОМОУСТРОИТЕЛЬНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ)

Аннотация: В статье рассматривается архитектурно-домоустроительный код русской культуры, который представлен как особая система знаков материального и духовного мира, являющихся носителями культурных смыслов. Показано, что практически любой элемент архитектуры Дома (*порог, стена, окно, печь* и др.) несет разнообразные культурные значения, со многими из них связаны сохранившиеся до сегодняшнего дня ритуалы.

Ключевые слова: культура, культурный код, архитектурно-домоустроительный код русской культуры, языковая картина мира, мифологическое значение.

Olga Vasilievna Makarova
Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Russia, Moscow

CULTURE CODES AND THEIR REALISATION (ON THE EXAMPLE OF ARCHITECTURAL CODE OF CULTURE)

Abstract: The main subject of the article is an architectural code of the Russian culture which is presented as a special system of signs in the material and spiritual world. These signs are keepers of cultural meanings. It was shown that almost each element of house architecture (threshold, wall, window, stove) has cultural meaning. Many of these elements are associated with different beliefs and rituals which are still relevant nowadays.

Keywords: culture, code of culture, architectural and home-arrangement code of the Russian culture, linguistic picture of the world, mythological meanings.

В истории развития человечества феномен культуры появляется лишь тогда, когда биологические факторы освоения мира начинают обретать социальную и духовную (нравственную) мотивацию в формах архетипических моделей мира, в различных видах анимизма, фетишизма, магии, религии и т.п., и эта мотивация представлена в виде знаков [Гудков, Ковшова 2007: 8]. При этом культура выступает как знаковая система особого рода; тезис о коммуникативной и символической функциях как об основных функциях культуры может, очевидно, считаться общепризнанным; см., например [Бенвенист 1974: 30; Лотман, 1994: 6]. Знаками, служащими для хранения и трансляции системы значений культуры, могут выступать самые разные объекты и явления окружающего мира как природные, так и артефакты. При этом первичной, базовой семиотической системой является естественный язык, который может служить для означивания и перекодировки иных знаковых систем. В силу этого языковые знаки могут рассматриваться как главное средство выражения, «овнешнения» значений культуры.

В культуре, как известно, организуются и иерархически упорядочиваются культурные коды – вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума. Культурный код выступает как система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов. Те ли иные объекты окружающей нас действительности могут обретать знаковую функцию, способность выражать культурные значения и смыслы; имена этих объектов выступают не только как знаки языка, но и как составляющие определенных культурных кодов. Так, *глаза* – орган зрения и одновременно зеркало души, *заяц* – животное и символ трусости, *хлеб* – изделие из муки и символ достатка, *лев* – хищное животное и символ власти и т.д. «Код культуры понимается как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и «кодируют»» [Красных 2002: 232].

В.Н. Телия выделяет различные коды культуры: антропный, зооморфный, растительный, гастрономический и др. [БФС 2006: 13]. В любом лингвокультурном сообществе есть единицы, которые являются составляющими этих кодов, они обретают определенные культурные значения, которые понятны представителям данной культуры и могут быть не понятны другой. Это обуславливает значимость словарного описания единиц культурных кодов (в дальнейшем сокращенно: КК), что позволит решить некоторые актуальные проблемы межкультурной коммуникации, будет способствовать нейтрализации коммуникативных неудач при общении представителей различных лингвокультурных сообществ.

Составляющие культурных кодов оказываются включенными в две семиотические системы: систему собственно языка и в систему КК, где они приобретают особые значения. Р. Барт полагал, что «в человеческом обществе на базе первичной системы, образуемой естественным языком, постоянно возникают системы первичных смыслов»; он обращал внимание на знаки, которые принадлежали

сразу двум семиологическим системам: «...Знак (т.е. результат ассоциации концепта и акустического образа) первой системы становится всего лишь означающим во второй системе» [Барт 1989: 78].

Как уже отмечалось выше, имена, принадлежащие тому или иному КК, обладают, помимо общеязыкового, особым значением как знаки вторичной семиотической системы, причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка. «Традиционные» толковые словари, как правило, не описывают эти значения, игнорируя их, что обуславливает актуальность выделения этих значений и введение их описаний в лексикографическую практику.

В настоящей статье предпринимается опыт характеристики подходов к словарному описанию единиц архитектурно-домоустроительного кода, который может быть, безусловно, отнесен к базовым кодам русской культуры. Дом, с одной стороны, отождествляясь с храмом, а с другой – противопоставляясь ему, выступает в роли модели Универсума [Элиаде 1994], служит для его отражения и осмысления в формах, доступных опыту обыденного сознания. Практически любой элемент архитектуры Дома (*порог, стена, окно, печь* и др.) несет разнообразные культурные значения, со многими из них связаны сохранившиеся до сегодняшнего дня ритуалы. Эти значения наиболее ярко проявляются во фразеологизмах, изучение которых является одним из главных источников для описания КК.

Выводы статьи базируются на изучении двух единиц архитектурно-домоустроительного кода, которые реализуются в лексемах *стена* и *крыша*. Мы попытаемся выявить те культурные значения, которые несут в себе указанные имена, проанализировать их многозначную символику на примере фразеологизмов, составляющими которых они являются.

Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова справедливо подчеркивают, что «тела» знаков для презентации своих ментальных структур, своих смыслов культура «заимствует» главным образом в языке как в универсальном средстве означивания мира, и особая роль в этом процессе принадлежит фразеологическому знаку – знаку языка и

культуры [Гудков, Ковшова 2007: 88]. Для целей нашего исследования исключительно важно также положение В.Н. Телия о том, что «фразеологический корпус языка – особенно богатый материал для исследования, поскольку в нем концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [Телия 1996: 9]. Фразеология, продолжает ученый, – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [там же]. Практически любой фразеологизм имеет образную составляющую, которая является лингвокультурной основой фразеологизма. Именно образ фразеологизма является своеобразным проводником культуры, благодаря чему осуществляется взаимопроникновение двух семиотических систем – культуры и естественного языка.

М.Л. Ковшова так характеризует специфику фразеологизмов: «Фразеологизм – языковая сущность, но благодаря референции к культурному знанию у нее создается культурная коннотация, «переводящая» фразеологизм в другой семиотический ранг. Фразеологизм начинает выполнять функцию символа, эталона, стереотипа и т.п., тем самым играет роль культурного знака» [Гудков, Ковшова 2007: 90]. Слова – компоненты фразеологизма воспринимаются субъектом речи не только как языковые сущности с их лексическим значением, но и как имена реальных, приобретших в процессе жизнедеятельности человека особый, культурный, смысл, и этот смысл «вычитывается» говорящим и слушающим из слов-компонентов в процессе восприятия фразеологизма.

Обратимся теперь непосредственно к рассмотрению имен *стена* и *крыша* как знаков особого КК.

Имя *стена* может метонимически замещать имя *дом* (например, *в своих стенах* «у себя дома», *в четырех стенах* «не выходя из дому»), т.е. обозначать освоенное и безопасное пространство, в котором человек чувствует себя защищенным, обретает спокойствие (ср.: *мой дом – моя крепость; дома и стены лечат*). Однако система культурных значений, которые несет имя

стена, неоднородна, здесь могут быть условно выделены два содержательных «поля»: 1) *стена* как символ защиты, безопасности (это значение «внутренней», «своей» стены непосредственно соотносится с указанным только что метонимическим соответствием *дом – стена*); 2) *стена* как символ непреодолимого препятствия, тупика, безвыходного положения (здесь *стена* является «внешней», «чужой» и предстает в качестве символа – не комфортного замкнутого жилого пространства, а преграды, границы).

Следует заметить, что фразеологизмы с именем *стена* реализуют и то и другое культурное значение данного имени. Рассмотрим наиболее показательные из примеров такого рода.

Фразеологизм *как за каменной стеной* означает «под надежной защитой кого- или чего-либо», при этом имеется в виду, что лицо или группа лиц (реже – социальный институт) находятся под чьим-либо покровительством, опекой, ограждены от неприятностей и невзгод. Ср.: *И это пожелания, можете не сомневаться, от самого сердца, самые искренние, как слова заведующей поликлиническим отделением Ирины Подкорытовой: «С ними – как за каменной стеной». Так говорят, когда в других уверен, как в себе самом. Богатейший опыт, которому нет цены, тому залог* (Экспресс-газета 2005); *Все женское население офиса в один голос уговаривало Катюку образумиться, перестать порхать и ответить, наконец, взаимностью их горячо любимому шефу. «Ты подумай, глупая, ну где ты еще такого мужика найдешь? – говорили ей местные кумушки. – Не пьет, не курит, молодой, холостой, богатый. А главное – надежный. Ты будешь за ним как за каменной стеной»* (И. Губернаторова. Уж замуж невтерпёж). Компонент данного фразеологизма *каменный* символизирует прочность, а фразеологизм в целом выступает в функции репрезентации символа нерушимости, надежности положения субъекта, что обусловлено покровительством со стороны другого субъекта.

Фразеологизм *прижать [припереть] к стене [к стенке]* имеет совсем иное значение: «поставить в безвыходное положение», при этом имеется в виду, что лицо, группа лиц (реже – неблагоприятные обстоятельства) ставят другое лицо или группу лиц перед жесткой необходимостью поступать определенным образом

вопреки своему желанию. Ср.: *Я прижму его к стенке с вопросом «за что?» И смогу победить его в споре* (Р. Реллик. Смерть миру); *Когда утром Иван Ильич ворвался в палату, куда накануне поместили Самсонова, он с ужасом обнаружил, что кровать пациента пуста. Конечно, Самсонов самостоятельно после такой операции ходить не мог. Значит, его вынесли. Вошла Светочка, и Иван Ильич припер ее к стене*: – Давно он умер? – Кто? – не поняла Света. – Самсонов. Которому вчера операцию сделали (Л. Викторова. Операция «Золотое кольцо»); *В критический момент, когда Биг предложил вместе поехать отдыхать, она приперла его к стенке вопросом: «Скажи, что я единственная, иначе я с тобой никуда не поеду»* (Комсомольская правда, 2008).

Фразеологизм **[ставить] к стенке** означает «расстреливать» (действие осуществляется обычно вне дома, у «внешней» стены). Ср.: – *Если найду [эфир], ну, тогда, конечно, вас под ногу и к стенке* (К. Паустовский. Повесть о жизни); – *На сегодняшний день ты – дезертир. За это без разговору – к стенке, по закону военного времени* (А. Иванов. Повитель); *В отношении Квашина, я уже говорил, что по итогам всей чеченской компании его давно уже надо «ставить к стенке»* (Экспресс-газета 2005).

Как об стену [биться] означает «тщетно добиваться чего-либо», при этом имеется в виду, что лицо или группа лиц прилагают большие усилия, добиваясь результата, но не могут достичь своей цели. *Я тут влюбился в девушку. Год бился как об стену, она меня просто знать не хотела* (Афиша, 2007); *Не один год Владимир бился как об стену: он доказывал, что испанская купчая – «липа», что «Мерседес», оформленный на Пичугина, – ворованный* (Караван историй, 2006); *Кроме того, заметной, а иногда даже беспомощной казалась разница в фактуре между нашими и хорватскими полузащитниками. Легкие Измайлов, Семшов и Аршавин до поры до времени бились как об стену, встречая на своем пути коренастых Рапаича, Модрича и Роберта Ковача* (Известия 2006).

Таким образом, имя *стена*, выступая как эталон прочности, может выражать два основных значения, связанных друг с другом и противопоставленных друг другу одновременно: выступать символом защиты («внутренняя» стена как ограждение от

неблагоприятного воздействия) и символизировать непреодолимое препятствие («внешняя» стена как преграда). Нетрудно заметить, что второе из указанных значений реализуется в современных русских фразеологизмах заметно чаще, чем первое.

Такой компонент архитектурно-домоустроительного кода русской культуры, как имя *крыша*, также может метонимически замещать имя *дом*, выражая те культурные значения, которые связаны с домом как с обустроенным «своим» пространством, противопоставленным «чужому» пространству. При этом до сегодняшнего дня сохранись мифологические представления, в которых дом уподобляется человеку, а человек – дому; ср.: *Обсмеял я все, что мог, Закрыл сердце на замок, Но, сама того не зная, Ты сняла замок, играя* (Д. Демидович. Шаг); *За рекламными щитами – пустые глазницы окон, разруха и помойка* (Новая газета 2003). Обратимся к анализу фразеологизмов, в которых отразились указанные представления.

Выражение *крыша над головой* означает «жилье, дом»; имеется в виду, что лицо или группа лиц имеют собственное пристанище: *Все судьбы до приезда в Ригу были непростыми, но работа и крыша над головой сделали трех наших соотечественников счастливыми – без преувеличения* (Известия 2007); *А в общем-то, чего скульпить? Есть крыша над головой. И есть, с кем душу отвести* (Ф. Абрамов. Дом).

Фразеологизм *под одной крышей* означает «в одном доме, в одной квартире», предполагается, что несколько или более лиц живут вместе или находятся в одном доме. Ср.: *Самым беспокойным был осветитель, который отсидел уже год в «Джамалле», потому что у него был родственник-террорист и они оказались под одной крышей, когда террориста пришли арестовывать* (М. Федотов. Кфар Шамма); *Если супруги живут под одной крышей со свекровью или тещей, конфликты в такой семье не редкость* (АиФ, 2006).

Уподобление человека дому, восходящее к древнейшей мифологической форме осознания мира – анимизму, олицетворению неживого, наиболее ярко отражается в образе фразеологизма *крыша едет [поехала, съезжает/съехала]*, который означает «теряется способность мыслить и поступать разумно». Имеется в виду, что у

лица или группы лиц нарушается адекватность восприятия и оценки окружающей действительности, что приводит к ненормальным, с точки зрения говорящего, словам или действиям. *Не все умы тверды, не все имеют нравственный стержень. Кто-то наработал себе имя, стал узнаваем, от этого, как принято говорить, **крыша едет** очень сильно. Не все выдерживают, что тебя начинают узнавать на улицах, просить автограф <...>* (Независимая газета, 2000); – *Вот этого надо комиссовать. Он – все, **крыша поехала**. Ему сто граммов, и он будет стрелять в любого* (Московский комсомолец, 1996); *Я железобетонная, и от всего происходящего моя «**крыша**» уже не «**поедет**». Всю жизнь стремишься к равновесию, поэтому делаешь всё, чтобы она не «**съезжала**». Пока это удастся* (Вечерняя Москва, 2001). *От того, как мы живем и дышим, у любого может «**съехать крыша**»* (Вечерняя Москва, 2001). Образ данного фразеологизма в целом создается антропоморфной метафорой, т.е. уподоблением по сходству верха дома (**крыши**) верху человека (голове); нарушение неподвижности и целостности **крыши**, которое приводит к разрушению дома, уподобляется нарушению интеллектуальной деятельности человека [ФБС 2006: 342].

Таким образом, *крыша* как единица КК, с одной стороны, может означать *дом* – место укрытия, спокойствия, безопасности (ср. первое из рассмотренных выше культурных значений имени *стена*), а с другой – являясь верхней частью дома, крыша метафорически уподобляется голове человека.

Описание единиц КК весьма важно не только для теории лингвокультурологии, но и для лингводидактики. Такое описание помогает раскрыть культурное значение имени. «Классические» толковые словари, как правило, не описывают подобные значения, опуская их, что делает особенно актуальным выявление, классификацию этих значений и их использование в лексикографической практике. Установление указанных значений позволяет, с нашей точки зрения, перейти к практическому словарному описанию единиц культурных кодов, что поможет инофону при межкультурной коммуникации, даст ему возможность понять менталитет, мировоззрение, мироощущение носителя

русского языка, поможет выявить национальные особенности общепринятых для русского социума представлений о мире.

ЛИТЕРАТУРА

Барт 1989. - *Барт Р.* Миф сегодня // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.

Бенвенист 1974 - Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Гудков, Ковшова 2007 - *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры: Материалы к словарю. М., 2007.

Красных 2002 - *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.

Лотман 1994 - *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994.

Телия 1996 - *Телия В.Н.* Русская фразеология. М., 1996.

Элиаде 1994 - *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994.

СЛОВАРИ

БФС – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление.

Культурологический комментарий / Под ред. В.Н. Телия. М., 2006.

Испанско-русский фразеологический словарь / Под ред. Э.И. Левинтовой. М., 1985.

Молотков - Молотков А.И. Фразеологический словарь. М., 1967.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

Яранцев - Яранцев Р. Словарь-справочник по русской фразеологии. М., 1985.

Олга Василиевна Макарова

КОДОВЕТЕ НА КУЛТУРАТА И ТЯХНАТА РЕАЛИЗАЦИЯ (ВЪРХУ ПРИМЕРИ НА ОТДЕЛНИ ЕЛЕМЕНТИ ОТ ДОМАШНО-АРХИТЕКТУРНИЯ КОД НА КУЛТУРАТА)

Резюме

В статията се анализират отделните компоненти на архитектурната уредба на дома (стена, покрив, прозорец, праг) като кодове на руската култура. Всеки един от тях е носител на определен културен смисъл, отвеждащ към разнообразни ритуали, запазени и до днес в руската култура.

Ключови думи: култура, културен код, архитектурно-устройствен код на руската култура, езикова култура на света, митологично значение.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Наталья Павловна Андриюшина, Ирина Николаевна Афанасьева,
Лариса Анатольевна Дунаева, Любовь Павловна Клобукова,
Лидия Васильевна Красильникова, Ирина Иосифовна Яценко.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ЛЕКСИЧЕСКОГО МИНИМУМА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ. III СЕРТИФИКАЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ. ОБЩЕЕ ВЛАДЕНИЕ»

Аннотация: В статье представлен Лексический минимум (ЛМ) III уровня общего владения русским языком как иностранным (РКИ), который входит в комплекс нормативно-методических документов Российской государственной системы тестирования (ТРКИ): очерчен тематический спектр включенных в словник лексем, дана их словообразовательная характеристика. Для обеспечения продуктивной речевой деятельности иностранных граждан в ЛМ III уровня значительно расширены Приложения «Синонимы», «Антонимы», «Фразеологизмы и устойчивые словосочетания». Впервые в ЛМ введено Приложение «Аббревиатуры, общепринятые сокращения и сложносокращенные слова».

Ключевые слова: лексический минимум, русский язык как иностранный, Российская государственная система тестирования, общее владение.

Natalia Pavlovna Andryushina, Irina Nikolayevna Afanasyeva,
Larisa Anatolyevna Dunaeva, Lyubov Pavlovna Klobukova,
Lidia Vasilyevna Krasilnikova, Irina Iosifovna Yatsenko
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

LINGUODIDACTIC CONCEPTION OF «TORFL. LEXICAL MINIMUM. THIRD CERTIFICATE LEVEL. GENERAL PROFICIENCY»

Abstract. The article gives an insight into «TORFL. Lexical Minimum (LM). Third Certificate Level. General Proficiency», a part of the TORFL regulatory and methodological document set. The range of lexeme topics describes represented vocabulary; word formation characteristics are given. The content of three Appendixes «Synonyms», «Antonyms», «Idioms and collocations» is significantly expanded in order to improve productive Russian language skills of foreigners. A new Appendix «Abbreviations, common abbreviations, clipped compounds» is introduced into this Lexical Minimum.

Keywords: Lexical Minimum, Russian as a Foreign Language, The State System of testing Russian as a Foreign Language (TORFL), General Proficiency.

Российская система тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ) создавалась с целью описать различные уровни владения русским языком и разработать инструментарий для адекватного, максимально формализованного измерения степени овладения коммуникативной компетенцией иностранцами соответственно принятым описаниям. Научно-организационной основой функционирования системы ТРКИ выступает набор куррикулярных материалов, ориентирующих пользователей на фиксированную совокупность навыков и умений, которые должен освоить инофон на определенном уровне владения языком, и обеспечивающих научно-методическое обоснование сертификационного тестирования. В комплекс нормативных документов входят поуровневые стандарты (требования), программы, а также градуальная серия лексических минимумов (ЛМ), новый компонент которой – ЛМ III уровня общего владения русским языком как иностранным (РКИ) – характеризуется в данной статье.

Объем словника данного ЛМ составляет примерно 11000 единиц. Такой объем представляет собой удвоение лексического минимума предыдущего уровня и является одним из показателей перехода на следующую, более высокую ступень владения русским языком. При этом расширение объема лексической компетенции обеспечивается не только количественным увеличением словарных статей, но и усложнением сообщаемой в словаре лингвистической информации и формы ее подачи. Так, например, в ЛМ III уровня более

широко используются частеречные и стилистические пометы (*разг., кн., прост.*), важной новацией является отказ от перевода и др.

Создавая ЛМ III уровня общего владения РКИ, авторы не могли не учитывать два разнонаправленных процесса, происходящих в современном русском языке. С одной стороны, это так называемое «онаучивание» языка, проявляющееся в активном освоении общелитературным языком терминологии, научной и книжной лексики, иностранных заимствований. С другой стороны, исследователи указывают на наличие противоположной тенденции – «жаргонизации» общелитературного языка [Скляревская 2006].

Остановимся подробнее на первой тенденции, оказавшей влияние на характер словника ЛМ, рассматриваемого в данной статье.

Современная социальная действительность такова, что людям приходится сталкиваться с весьма широким понятийным аппаратом. В прежние времена он кодифицировался, как правило, с помощью специальных словарей, ориентированных на узких специалистов. Однако в настоящее время (и это подтверждается целым рядом лингвистических исследований) взаимопроникновение различных языковых систем усиливается, поэтому в ЛМ III уровня введен определенный пласт наиболее частотной специальной научной и общественно-политической лексики, ставшей сегодня общеупотребительной (*дотация, маркетинг, рейтинг* и др.).

Ориентированный на обширный тематический диапазон «Государственного образовательного стандарта...» [Государственный образовательный стандарт... 1999], ЛМ III уровня общего владения РКИ обращается к языковым подсистемам, обслуживающим сферы политики, юриспруденции, информатики, экономики (включая финансовое дело и коммерцию) и др. Естественно, что при этом составителям ЛМ всякий раз приходилось давать ответ на непростой вопрос: является ли то или иное специальное понятие, тот или иной термин единицей современного общелитературного русского языка. Важным критерием при принятии решения о включении в ЛМ подобных лексических единиц было активное использование их в повседневной коммуникации образованными носителями русского языка. Авторы последовательно опирались на лингвистические исследования относительно частотности использования подобной

лексики в материалах СМИ, рассчитанных на широкий круг читателей, в научно-популярных периодических изданиях, на интернет-сайтах для массового пользователя.

Учет второй из названных выше тенденций развития современного русского языка (его «жаргонизация», проникновение огромного количества просторечной, сниженной лексики в язык СМИ, Интернета, в обыденную речь носителей языка) обусловил решение авторов показать столь неоднозначный пласт языка в рамках отдельного приложения. Такая лексика не рекомендуется инофонам для использования в процессе коммуникации, но будет, безусловно, востребована ими в ходе рецептивной речевой деятельности – при чтении современной художественной литературы, при просмотрах художественных фильмов, при свободном общении в сети Интернет и др. В частности, в это приложение к ЛМ III уровня включены такие слова и выражения, как *бабло, балдеть, бардак, гуглить, крыша поехала, псих, париться* и пр.¹

Необходимо особо подчеркнуть, что тематический спектр лексики в ЛМ III уровня достаточно широк и строго ориентирован на «Государственный образовательный стандарт...». В частности, представлены такие тематические блоки, как политика, социальное устройство, идеология (*баллотироваться, беззаконие, авторитарный, бюджетник, выборы, двоевластие, законодательство, миграция, символика, террор*); экономика, финансовое дело (*акционер, баланс, банкнота, госбюджет, инфляция, маклер, налогоплательщик, убытки, финансы*); армия, правоохранительные органы (*авианосец, авиация, бандитизм, истец, бомбардировка, военнообязанный, наёмник, оккупация*); техника, автоматизация, компьютеризация (*антенна, механик, устройство, реконструкция, сайт*); спорт (*альпинист, биатлон, фигурист*); медицина (*диагностика; аллергик, невроз, антибиотик, бактерия, вакцина, гипертония, жаропонижающий, инсулин, массаж, озноб, ушиб*); массовая культура (*авангард, ампула, антиквариат, барокко, видеоклип, модерн, экспозиция, шедевр*); предметы обихода, одежды и пр. (*абажур, чехол, бант, бархат, бижутерия, застежка, фрак, шлепанцы*); продукты питания, еда,

¹ Лингвометодическому обоснованию разработки данного приложения к ЛМ III уровня авторы предполагают посвятить отдельную статью.

напитки (*бублик, буженина, глазуня, леденец, манка, оладьи, пломбир, пончик, сгущёнка*); религия (*духовенство, монастырь, мечеть*).

Достижение инофоном III уровня общего владения русским языком, т.е. весьма высокого уровня коммуникативной компетенции, предполагает знакомство иностранца практически со всеми словообразовательными аффиксами и с большей частью словообразовательных моделей.

В ЛМ III уровня широко представлены производные слова с суффиксами *-ациj(a), -ниj(э), -ениj(э), -ств(о), -иj(a), -от(a), -ость, -изм*, нулевым суффиксом и др.: *классификация, девальвация, модификация, крушение, мышление, мальчишество, мастерство, глухота, мощность, максимализм, налёт*. В то же время знакомство инофонов с данными моделями уже на предыдущих уровнях овладения языком позволяет не вводить в словник многие отглагольные и отаффиктивные существительные, значения которых могут быть отнесены к потенциальному словарю инофона, находящегося на III уровне общего владения РКИ, и легко им поняты. Так, например, в словнике отсутствует существительное *кипячение* при наличии глагола *кипятить*; не представлены отаффиктивные существительные с абстрактным значением *мелочность, корректность, мстительность, корысть* при наличии соответствующих прилагательных, обладающих более высокой коммуникативной ценностью, чем их производные; нет в словнике и низкочастотных производящих слов *милосердный, мещанский, манифестировать* при наличии в словнике производных слов *милосердие, мещанство, манифестация*).

Актуальные мутационные модели представлены производными словами со значением лица и предмета. По сравнению с ЛМ предыдущих уровней, словник ЛМ III уровня пополняется личными существительными с суффиксами *-ист, -тель, -чик, -ник, -ер, -ец* и др., определяющими лицо по профессии, занятиям, склонностям, по отношению к предмету и его свойствам: *идеалист, избиратель, летчик, мошенник, миссионер, миллионер, продавец, наглец* и др. Наибольшее число нововведений в словнике касается мутационных производных с предметным значением, которые характеризуются разной степенью его фразеологичности и слабой степенью

предсказуемости выбора суффикса: *крепость, муравейник, копилка, кормушка, наклейка* и др. Мутационными моделями представлены и многие производные прилагательные (*мускулистый, мстительный, наземный, надводный*).

В ЛМ III уровня достаточно много производных с разговорным суффиксом *-к(а)*, построенные по модификационным моделям (*книжка*), в том числе универбы: *кредитка, микроволновка*. В некоторых случаях в качестве рецептивного словообразовательного материала в ЛМ присутствуют и просторечные модели (*мама – мамаша*), которые могут актуализироваться в социально-культурной сфере общения, в частности при просмотре инофоном фильмов, спектаклей, при чтении произведений художественной литературы (что предусмотрено «Государственным образовательным стандартом...»).

В данном ЛМ увеличивается, по сравнению с ЛМ предшествующих уровней, число сложных слов (*краткосрочный, многосторонний*), в то же время значительная часть сложных слов отсутствует в словаре, так как они являются «прозрачными» по форме, а их значение легко выводимо из значений, входящих в него основ (*например, одноразовый*).

Одним из оснований отбора лексической единицы в словарь является своеобразие и сложность формально-семантических связей слов в словообразовательной паре, что создает определенные трудности для инофона. Так, например, прилагательное *материнский* введено в состав ЛМ с учетом того, что при его создании в качестве производящей основы использовалась форма слова *мать: матери*.

Большой пласт лексики данного ЛМ составляют глаголы, прежде всего префиксальные. По сравнению со словником ЛМ II уровня [Лексический минимум... 2009], в словнике ЛМ III уровня увеличено число глаголов со словообразующими приставками. В силу многообразия значений русских приставок такое увеличение производилось в первую очередь за счет введения новых, по сравнению с предыдущим уровнем, значений префиксов. Таким образом пополняются ряды префиксальных производных от того или иного конкретного глагола, прежде всего от широко употребительных глаголов: *писать, читать, смотреть, дать, думать* и др. Так, в ЛМ II

уровня от глагола *писать* были представлены следующие частотные префиксальные и префиксально-постфиксальные образования: *вписать, выписать, дописать, записать, написать, описать, подписать, переписываться, расписаться*. В то время как словник III уровня включает в себя глагол *писать* с приставками *из-/ис-* и *при-*: *исписать, приписать*. Кроме того, в данном словнике шире представлены приставочные глаголы в переносном значении, ср.: *переписать еще раз работу* и *переписать историю*.

При решении вопроса о включении в ЛМ III уровня глаголов с определенной приставкой, имеющей несколько значений (*на-, от-, у-* и др.), авторами учитывались не только частотность употребления глагола с данной приставкой (*намусорить, насмотреться*), но и его валентность, продуктивность, тематическая активность. Помимо этого, расширение списка производных глаголов происходит и за счет префиксально-постфиксальных образований, отличающихся фразеологичностью семантики (*расписаться* в значении 'регистрировать свой брак'), часто образуемых по разговорным или экспрессивным моделям (*начитаться*). Отсутствие в словаре в ряде случаев префиксальных глаголов, построенных по регулярным моделям без семантического приращения значения (*договорить, дочитать*) и потому относящихся к потенциальному словарю инофона, объясняется необходимостью ограничить объем словника. Например, авторы не включают в ЛМ слово *расписаться* в значении 'начав писать, увлечься', так как данная модель (*рас-* + глагол + *-ся*) вводится посредством глагола *разговориться*.

Поскольку человек в процессе коммуникации имеет дело, как правило, не со словом во всей совокупности его значений, а с конкретными лексико-семантическими вариантами слов (ЛСВ), ЛМ III уровня, вслед за лексическими минимумами предыдущих уровней, содержит как собственно лексемы, так и лексико-семантические варианты слов. Поэтому объем словника расширен по сравнению с предыдущим не только за счет введения новой лексики, но и за счет введения новых значений полисемичных единиц, уже вошедших в минимум II уровня в своих других ЛСВ. Например, в словарную статью глагола *держат* введено значение 'иметь у себя дома' (*держат домашних животных*), в словарную статью глагола

заводить – значение ‘начинать какое-либо действие’ (*заводить разговор*) и т.п.

ЛМ III уровня имеет более объемные приложения, чем лексические минимумы предшествующих уровней. Так, значительно расширено приложение «Фразеологизмы. Устойчивые словосочетания», о котором следует сказать особо. Впервые данное приложение было включено в ЛМ II уровня, опубликованный в 2009 году и неоднократно переизданный в последующие годы. Оно содержит ограниченный перечень фразеологизмов и устойчивых словосочетаний – в общей сложности 145 единиц. Однако анализ результатов сертификационного тестирования показал, что такой объем не в полной мере обеспечивает выполнение требований, предъявляемых иностранным гражданам на уровне В2. В настоящее время для этого уровня уже составлен список вдвое большего объема (около 300 единиц), что найдет свое отражение в последующих изданиях данного нормативно-методического документа.

Аналогичное приложение ЛМ III уровня будет увеличено до семисот единиц. Поскольку на данном уровне владения языком иностранцы должны не только понимать живую разговорную речь носителей языка, особенности функционирования фразеологизмов и устойчивых словосочетаний в разных типах текстов (художественных, публицистических, научно-популярных), но и корректно, соответственно ситуации, использовать образные лексические средства, потребовалось уточнить форму предъявления фразеологизмов: в ЛМ III уровня в необходимых случаях лексические единицы сопровождаются стилистическими пометами, которые отсутствовали в предыдущем ЛМ. Например, *сесть в лужу* (ирон.), *вешать лапшу на уши* (прост.).

В ЛМ III уровня нашли отражение ближайшие парадигматические отношения (синонимические, антонимические и др.) и синтагматические связи отобранных единиц. В данном ЛМ значительно расширен состав антонимичных пар, богато представлены синонимичные слова и конструкции, отражающие выразительные возможности русского языка, его стилистическое многообразие, концептуализацию действительности в сознании носителей языка. Принципы отбора явлений синонимии (коммуникативная значимость

слова / ЛСВ, тождество либо семантическая близость значений, однозначность) и форма их презентации (стилистические пометы, особая последовательность представления синонимов в рамках синонимического ряда, синонимические ряды-«перевертыши») подчинены задаче обеспечить лексический компонент языковой компетенции инофона, его продуктивную и рецептивную деятельность в рамках актуальных сфер и ситуаций общения, предусмотренных «Государственным образовательным стандартом...».

Списки синонимов и антонимов, данные в самостоятельных разделах приложения к ЛМ, увеличились почти вдвое. Составители ЛМ планируют для электронной версии приложения в состав синонимических рядов наряду со словами одной грамматической категории ввести фразеологизмы (например, *нравиться — быть по душе*). При этом фразеологизмы в рядах синонимов будут иметь стилистическую маркировку. Кроме того, в отличие от раздела «Синонимы» словника ЛМ предыдущего уровня, не содержащего слов с эмоциональной окраской, в электронное приложение к ЛМ III уровня эти слова будут введены: *дурачиться (разг.) — валять дурака (разг. неодобр.); рассердить — разозлить — довести до белого каления (разг.)*.

При чтении художественной литературы, просмотре художественных фильмов, общении с носителями русского языка у иностранцев, владеющих русским языком в рамках данного уровня, часто возникает необходимость адекватно понять и использовать в собственной речи лексику, с помощью которой описываются эмоциональные поступки, жесты и чувства людей. В связи с этим в лексическом минимуме III уровня широко представлены глаголы, передающие различные жесты, выражающие эмоции, чувства, отношение говорящего к происходящему. Эти глаголы и фразеологизмы необходимы при описании согласия (*кивнуть головой*), несогласия (*покачать головой*), одобрения (*похлопать по плечу*), неодобрения (*нахмуриться*), благодарности (*прижаться плечом*), удовольствия (*хлопать в ладоши*), угрозы или предупреждения (*погрозить пальцем*) и т.д.

Особо следует сказать о приложении «Аббревиатуры, общепринятые сокращения, сложносокращенные слова», которое

впервые появляется в структуре ЛМ III уровня. Введение данного приложения обусловлено тем, что в последние десятилетия в русском языке активизировался такой способ словообразования, как аббревиация. У иностранных учащихся часто возникают сложности не только с пониманием лексического значения аббревиатуры, но и с произношением / чтением аббревиатур, что объясняется наличием разных их типов. Содержащийся в приложении словарь сложносокращенных слов и аббревиатур охватывает весьма значительный круг лексики. Это наименования государств (*РФ, КНР, США*) и их объединений (*СНГ*); партий (*ЕР, КПРФ, КПСС*); государственных органов, министерств (*ГД, МВД, МИД, Минобрнауки / МОН, Минфин*); международных организаций, ассоциаций и федераций (*ООН, ЮНЕСКО*); российских учреждений, организаций (*ЗАГС, ОБИР*); учебных заведений и академий (*МГУ, АН, РАН*); театров (*ТЮЗ*), выставок (*ВДНХ*); финансовых учреждений (*ВБ, ЦБ*); должностей (*зав., зам*); заболеваний (*ОРЗ, СПИД*) и др.

В состав данного раздела вошли также наиболее распространенные в письменной официально-деловой, публичной и научной речи сокращения, обозначающие единицы измерения (*м, км, г, кг, млн*), топонимические явления (*г., с., ул., пл., д.*), обращения (*гг.*), частотные в документах, анкетах сокращения типа *ФИО*, а также скрепы, использующиеся для четкого структурирования текста (*т.е., ср.*), для оформления перечислительного ряда (*и т. д., и т. п.*).

Составители ЛМ III уровня стремились к тому, чтобы отобранная лексика обеспечивала продуктивную коммуникацию иностранных граждан с носителями русского языка в едином понятийном поле. Для достижения этой цели авторы использовали различные толковые словари русского языка, в том числе словари, отражающие состояние русского языка конца XX – начала XXI века, словари синонимов, антонимов, частотные словари, материалы СМИ и интернет-сайтов, ориентированных на массового пользователя, и др.

Завершая статью, отметим, что апробация подготовленного к публикации ЛМ III сертификационного уровня, которая в течение ряда лет проводилась в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, подтвердила функциональную достаточность

данного нормативно-методического документа: состав отобранного словника дает необходимую лексическую базу для речевой деятельности иностранных граждан, обеспечивая их эффективную коммуникацию с носителями русского языка как в России, так и за рубежом.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что публикация ЛМ III уровня общего владения РКИ, несомненно, будет способствовать развитию и совершенствованию теории и практики лингводидактического тестирования в рамках системы ТРКИ. Использование уже изданных лексических минимумов показало, что они являются необходимым и востребованным элементом при подготовке иностранных граждан к тестированию и при обработке результатов тестирования экспертами. ЛМ конкретизируют списки лексических единиц, подлежащих обязательному усвоению на соответствующих уровнях владения русским языком; дают иностранному гражданину, изучающему русский язык, четкое представление о лексической базе, на основе которой составлены тестовые материалы; выступают ориентиром для авторов учебников, учебных пособий и разработчиков тестовых материалов.

ЛИТЕРАТУРА

Скляревская 2006 – *Скляревская Г.Н.* Предисловие к Толковому словарю русского языка начала XXI века. М.: Изд-во «Эксмо», – С.5 – 30.

Государственный образовательный стандарт... 1999 – Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. III сертификационный уровень. Общее владение. М.–СПб, изд-во Златоуст, – 44 с.

Лексический минимум 2009 – Лексический минимум по русскому языку как иностранному. II сертификационный уровень. Общее владение. СПб: Изд-во «Златоуст», – 164 с.

Наталия Павловна Андриюшина, Ирина Николаевна Афанасиева,
Лариса Анатолевна Дунаева, Любовь Павловна Клобукова,
Лидия Василевна Красилникова, Ирина Иосифовна Яценко

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКА КОНЦЕПЦИЯ «ЛЕКСИКАЛЕН МИНИМУМ ПО РУСКИ ЕЗИК КАТО ЧУЖД . III СЕРТИФИКАЦИОННО НИВО. ОБЩО ВЛАДЕЕНЕ»

Резюме

Руската система на тестиране по руски език като чужд (ТРКИ) се базира на комплект от нормативно-методически документи, в който влизат стандартите (изискванията), програмите, а така също градуалната серия от лексикални минимуми (ЛМ). В статията е представен нов компонент от дадената серия – ЛМ, III равнище на общо владееие на руски език като чужд. В речника на този ЛМ влизат около 11000 лексикални единици, което е два пъти повече, отколкото в ЛМ, II равнище. В статията се разкрива широк тематичен спектър от подбрана лексика, обосновава се въвеждането в речника на лексеми с всичките словообразователни афикси и в по-голямата част със словообразователни модели. За осигуряване на продуктивна речева дейност в ЛМ са включени Приложенията «Синоними», «Антоними», «Фразеологизми и устойчиви словосъчетания».

Ключови думи: лексикален минимум, руски език като чужд, Руска държавна система за тестиране, общо владееие.

Елена Генриховна Тарева
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД КАК ИННОВАЦИОННАЯ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Аннотация: На сегодняшний день приоритетными в обучении иностранным языкам, русскому языку как иностранному являются подходы, ориентированные на учёт культурных фактов страны изучаемого языка, на познание ментальности народа – носителя осваиваемой культуры. Важным представляется исследование особенностей имеющихся подходов с точки зрения их инновационного потенциала. В статье предлагается анализ инновационных тенденций в лингвообразовательной области,

формулируются ключевые параметры дидактических и лингводидактических инноваций. В качестве одной из таких инноваций представляется межкультурный подход, имеющий особое назначение в современной системе обучения иностранным языкам, отличающее его от аналогичных направлений в лингводидактике. Данный подход призван оптимизировать процесс освоения обучающимися иной и родной картин мира в их диалогическом взаимодействии.

Ключевые слова: культуросообразная образовательная парадигма, межкультурное образование, подход к обучению иностранным языкам, лингводидактическая стратегия, лингводидактическая инновация.

Elena G. Tareva
Moscow City Pedagogical University
Moscow, Russia

CROSS-CULTURAL APPROACH AS INNOVATIVE LANGUAGE TEACHING STRATEGY

Abstract: Today the priority in teaching foreign languages, as well as Russian as a foreign language, is given to approaches that are focused on taking into account cultural facts of the country where the language is spoken, with consideration of the mentality of native speakers. It is important to study the features of existing approaches in terms of their innovative potential. The article presents an analysis of innovative trends in language teaching, lists the key parameters of didactic innovations. As one of such innovations is the cross-cultural approach, which has a specific role in the modern system of foreign language teaching, and specific features that distinguish it from similar trends in foreign language education. This approach is designed to optimize the process of comprehension by learners the native and the other's pictures of the world through their dialogic interaction.

Keywords: culturally-oriented educational paradigm, cross-cultural education, approach to foreign language teaching, language teaching strategy, innovations in language teaching.

За инновациями – будущее! Этот лозунг воспринимается сегодня на разных уровнях глобальной образовательной политики и институтов социального развития, причем воспринимается с единымдушным признанием его справедливости и своевременности. Настала пора, когда повсеместно признается необходимость перемен,

обновления, коренных преобразований в различных сферах жизнедеятельности государств и обществ. Для данной сферы «единый порыв» к «инновизации», с одной стороны, хороший показатель: нет необходимости доказывать значимость инноваций. С другой стороны, всеобщность принятия идеи отнюдь не означает правильность, корректность её толкования. Отсюда признание инновационным того, что таковым не является. Как следствие, фальсификация идеи инновационного развития.

Иллюстрацией сказанного является проникновение инноваций в те области, которые традиционно признаются консервативными, классическими, не подверженными резким изменениям и модернизации. К последним относится гуманитарная сфера, которая долгое время сохраняла свой ориентир на неизменность ценностей и, вслед за этим, сложно адаптировала нововведения, особенно те, которые характеризовались необходимостью отказа от прежних устоев.

Гуманитарная сфера – это сфера культуры, политики, образования, гуманитарного науковедения, включающего в себя такие области, как философия, лингвистика, социология, психология, педагогика, экономика и др. Гуманитарное «знаниевое пространство» долгое время существовало как бы вне инновационных процессов в силу ориентированности данной сферы на человека в совокупности аспектов его жизнедеятельности (духовной, умственной, нравственной, культурной и общественной). Такая ориентация «размывала» предмет и объект гуманитарных наук, делая их сложно интерпретируемыми и не чётко определяемыми.

В последнее время ситуация в данной сфере изменилась, причем кардинально. Сегодня требуется гуманитарий, способный действовать самостоятельной, занимать особую позицию, применять собственные стратегии и тактики выхода из проблемных ситуаций. Это должен быть субъект, готовый к самореализации и самоактуализации, к смене образа мысли и жизни. Нужен человек, готовый к инновационной деятельности, способный соответствовать признакам бизнес-лидеров нового поколения, подчиняющийся идеологии инновационного образа жизни. Подготовка такого человека в строгом соответствии с прежними образовательными

установками и закономерностями становится невозможной. Требуется внедрить инновации в гуманитарное знание и рассматривать его (знание) в контексте необходимости становления человека с инновационным мышлением, сознанием, готового к инновационному созиданию.

Учёными выделяются сферы гуманитарного знания, обладающие особым инновационным потенциалом; это сферы педагогики, искусства, культуры, социально-культурной и просветительской деятельности. В контексте данных научных областей инновации сопрягаются с оригинальностью и нестандартностью мышления, с творческой дерзостью, с результатом интеллектуальной деятельности, опредмеченным в виде новых объектов, отличающихся от предыдущих новыми свойствами. В связи с развитием данного направления исследований инновационных процессов стало возможным оценивать продукты гуманитарной сферы посредством экономических показателей (затрат и прибыли) [Берестова 2008]. Но несмотря на наличие подходов к осмыслению инновационных тенденций в сфере гуманитарного знания, в этой области делаются лишь первые шаги. Здесь существует неоднозначность и понятийно-терминологическая неразбериха, а также «необоснованность приравнивания инноваций в пространстве культуры и общественных отношений к инновациям в технике, производстве, экономике» [Малянов 2009: 101].

Данные проявления не миновали сферу образования. Традиционно принято считать, что педагогическая инноватика призвана описывать педагогические новшества, их оценивать и рекомендовать для освоения педагогическим сообществом и применения на практике [Хуторской 2005]. Под педагогическим инновациями понимаются нововведения в педагогической системе, улучшающие течение и результаты учебно-воспитательного процесса. При этом к новшествам часто относят применение новых методов, способов, средств, новых концепций, новых учебников, новых учебных программ, методов воспитания и обучения. При таком разбросе возможных сфер реализации инновационных процессов происходит выхолащивание самой идеи инновации как чего-то принципиально нового, отличающегося от предыдущего, от

привычного. Сложно вычленить инновацию из привычного потока образовательных процессов, определить её специфику в системе традиционных образовательных ценностей. Одновременно с этим «авторы педагогических новшеств разрабатывают новые понятия, принципы, технологии, новые термины и т.д., но далеко не всегда предоставляют аргументированное обоснование новизны и полезности предлагаемых нововведений, включающее сравнительный анализ их содержания с содержанием известных объектов педагогической научной и практической деятельности» [Зеер, Новоселов, Давыдова 2011: 5]. Возникают, как следствие, закономерные вопросы: каковы объективные критерии и показатели, судя по которым можно признать то или иное новшество подлинной инновацией; каков механизм диагностики, оценки, признания образовательных инноваций и их распространения?

Как и многие гуманитарные научные области *лингводидактика* – наука об обучении языку и культуре – испытывает острую потребность в обновлении и, в то же время, в чёткой идентификации инноваций. Многие авторы включают в реестр лингводидактических инноваций те подходы, стратегии, технологии, средства, которые инновационными по сути не являются. Например, ИКТ-технологии инновационными уже не квалифицируются, поскольку использование Интернет-сайтов, скайпа, блогов, социальных сетей, веб-квестов давно и весьма продуктивно применяется в практике обучения иностранным языкам.

В свете данных рассуждений показательным является пример того, как в русле лингвообразовательного пространства можно определить параметры инновации и установить её особый статус. В качестве такого примера может выступить *межкультурный подход к обучению иностранным языкам*.

Актуальность самой идеи обучения языку на межкультурной основе, вызванная культуросообразной парадигмой глобального образования, а вместе с этим усилением тенденций интернационализации всех мировых процессов, не подвергается сомнению. Данная идея является поистине приоритетной в концепциях модернизации процессов обучения иноязычному общению, формирования иноязычной коммуникативной

компетенции. Но при этом привлекательность культуросообразной лингвообразовательной идеологии привела к множественности возможных интерпретаций межкультурного подхода, к неоднозначности его понимания и противоречивости в его интерпретации. Часто наблюдается стремление свести его к простому сопоставлению культур (национальной и иностранной) в ходе изучения иностранного языка.

Такое сопоставление – широко известная стратегия обучения, согласно которой осуществляется освоение фактов иной картины мира на основе опоры на идентичные, аналогичные или противоположные факты, свойственные родной концептосфере. Подобная лингводидактическая доминанта лежит в основе целого ряда культуросообразных подходов к обучению. К их числу относятся:

- лингвострановедческий подход (Е.М. Верещагин), нацеленный на формирование у обучающегося способности анализировать языковые явления с точки зрения их страноведческой маркированности и, основываясь на данных проведенного анализа, выстраивать линии собственного речевого поведения; обучающая стратегия подхода – *«овладение языком ↔ овладение фактами иной страны (в области географии, политики, истории и т.д.)»*;

- социокультурный подход (В.В. Сафонова), нацеленный на построение многоуровневой модели культуроведческого образования и самообразования средствами со-изучаемых языков, а также технологий социокультурного образования средствами иностранных и других изучаемых языков; обучающая стратегия подхода – *«овладение языком / языками в процессе контрастивносопоставительного со-изучения культур»*;

- лингвокультурологический подход (В.В. Воробьёв), нацеленный на постижение особенностей культурно-исторической среды, национальной специфики языковой картины мира, что повышает эффективность овладения языком как средством коммуникации; обучающая стратегия подхода – *«овладение языком ↔ овладение фактами иной культуры»*;

- поликультурный подход (П.В. Сысоев), нацеленный на привитие обучающимся системы разнообразных и взаимодействующих культурных ценностей; обучающая стратегия подхода – «*овладение знаниями о культурном разнообразии стран изучаемых языков*».

Очевидно, что в перечисленных выше подходах акцент в обучении иностранному языку делается на *иной* культуре – *культуре страны изучаемого языка*, в то время как родная культура выполняет вспомогательную функцию, становясь *средством*, а не целью обучения, *инструментом*, облегчающим процесс вхождения в иное культурное измерение. Межкультурный подход, взятый в инновационном понимании, имеет иную направленность. Он рассматривает освоение обучающимся обеих культурных данностей – и родную, и иную – в их равнозначном статусе, в их взаимном пересечении и интеграции. Обучающая стратегия данного подхода заключается в *учёте в процессе обучения обязательного взаимодействия контактирующих языковых и концептуальных систем участников коммуникации – представителей двух лингвосоциумов*. Инновационность межкультурной стратегии обучения иностранным языкам заключается в том, что она предполагает *равноправное* положение двух культур, участвующих в межкультурном общении. Такое паритетное взаимодействие предусматривает следующую последовательность обучающих действий: знакомство с фактом иной культуры → перенос его в родную культуру и осознание её особенностей → переоценка факта родной культуры → постижение с этих позиций явления иной культуры → переоценка факта иной культуры → формирование представления о факте родной культуры с позиций носителя языка. «Конечной целью сложной когнитивной и познавательной деятельности является, во-первых, присвоение явления иной культуры, которая многократно (на разных уровнях переосмысления) пропускается через родную культуру обучающегося, и во-вторых, осмысление (переоценка) факта родной культуры, который до момента сопоставления мог не осознаваться как своеобразный» [Межкультурное иноязычное образование 2014: 43]. Обучающийся начинает осознавать факт родной культуры, более того воспринимать

его «глазами» представителя иного лингвосоциума и понимать возможность иной допустимой его интерпретации.

Такая ориентация процесса обучения является принципиально новой. Ни в эпоху коммуникативной методики обучения иностранным языкам, ни в периоды внедрения того или иного культурно ориентированного подхода акцент на родную культуру с целью её осмысления не ставился. Данная концепция по признаку принципиальной новизны полностью соответствует инновационной.

Как генеральная инновационная идея она предполагает создание инновационных технологий её воплощения на практике. Все они, отличающиеся по направленности на формирование различных способностей языковой личности, предполагают единую образовательную стратегию: наличие двух равноправных по статусу культурно маркированных социальных контекстов, касающихся одной / схожей тематики. Данные контексты – родной и иной – могут быть материализованы (опредмечены) в различных дидактических единицах, представленных на родном и иностранном языках: в художественных текстах, в профессионально значимых письменных текстах, в аудиотекстах, в коммуникативных ситуациях, в тематике, в сферах общения и пр. Анализируя две реальности, студент познает обе ментальности, эксплицирует их для себя, принимает решение о том, как они могут взаимодействовать в процессе коммуникации.

Признание межкультурного подхода инновационным основывается на его соответствии следующим параметрам:

- *актуальность*: подход и технологии как его составляющие вызван современными общественными потребностями, обуславливающими необходимость подготовки подрастающего поколения к участию в межкультурной коммуникации;

- *новизна*: они отличаются от того, что было использовано в прежнем лингводидактическом опыте при реализации иных культуросообразных стратегий обучения иностранным языкам;

- *продуктивность и результативность*: многолетние и множественные исследования, проведенные в разных образовательных контекстах (языковой, неязыковой вуз, общеобразовательная школа), при обучении различным иностранным языкам (русскому как иностранному, английскому, немецкому,

французскому, китайскому) подтверждают эффективность данных технологий в процессе обучения межкультурной коммуникации;

- *оптимальность*: исследования подтвердили ускорение процессов формирования способностей, экономию психических, эмоциональных усилий обучающихся, сокращение времени на освоение коммуникативной компетенции, на формирование готовности к межкультурной коммуникации;

- *образовательная значимость*: межкультурный подход и технологии, воплощающие его концепцию на практике, напрямую влияют на развитие, воспитание и образование личности обучающихся;

- *полезность*: практическая значимость подхода очевидна, она обусловлена его продуктивностью, результативностью, оптимальностью и образовательной значимостью;

- *реализуемость*: инновация реалистична, она воспроизводима в различных образовательных условиях, не требует серьезных затрат, переподготовки учителей / преподавателей, внедрения принципиально новых и затратных обучающих средств;

- *неочевидность*: подход не является лингводидактическим трюизмом, его содержание не лежит на поверхности, напротив, в таком его толковании он никем не оценивался в силу принципиально иной его интерпретации абсолютным большинством его сторонников.

С учётом перечисленных показателей межкультурный подход может квалифицироваться как полноценная лингводидактическая инновация, имеющая свою доминирующую идеологию (методологию), свой категориальный аппарат, свою технологию, свой результат – *формирование межкультурной коммуникативной компетенции–способности языковой личности осознавать, понимать и интерпретировать родную и иную картины мира в их взаимодействии и строить на этой основе процесс иноязычного общения с представителем другого лингвосоциума*. Данная компетенция может рассматриваться как желаемый результат иноязычного образования, нацеленного на подготовку подрастающего поколения к продуктивному межкультурному диалогу в условиях усугубляющихся политических разногласий,

кризисных этапов развития государств и обществ, глобальной экономики, в период переосмысления общечеловеческих, а также национальных ценностей и приоритетов. Именно в эти периоды необходим взвешенный объективный взгляд на своё и иное, обеспечивающий взаимопонимание и возможность строить политические, экономические, культурные отношения в мировом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

Берестова 2008 – *Берестова Т.Ф.* Инновации и инновационная деятельность: пределы понятий. // Вестник Челяб. гос. акад. культуры и искусств. № 3 (15). С. 70-76.

Зеер, Новоселов, Давыдова 2011 – *Зеер Э.Ф., Новоселов С.А., Давыдова Н.Н.* Институциональное обеспечение образовательных инноваций // Образование и наука. № 9 (88). С. 3-20.

Малянов 2009 – *Малянов Е.А.* Социально-культурные инновации в пространстве современной культуры // Вестник Челяб. гос. акад. культуры и искусств. № 4 (20). С. 97-106.

Межкультурное иноязычное образование 2014 – *Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики* / Ред. Тарева Е.Г. Москва: Логос. 232 с.

Хуторской 2005 – *Хуторской А.В.* Педагогическая инноватика: методология, теория, практика. Москва: УНЦДО. 222 с.

Елена Генриховна Тарева

МЕЖДУКУЛЬТУРНИЯТ ПОДХОД КАТО ИНОВАЦИОННА ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКА СТРАТЕГИЯ

Резюме

Межкультурният подход при обучението по чужди езици е нова образователна реалност. Изследването на неговите особености в контекста на други подходи, основани на изучаването на езика и културата, позволява да се формулира неговият иновационен статут в структурата на лингводидактиката. Като иновация този подход има за цел не само усвояването на чужда култура, но и преосмислянето на родната култура в процеса на овладяване на чуждоезиково общуване. Установяването на паритетни отношения между културните факти, транслирани на родния и чуждия езици, съдейства за формирането на особена межкултурна

комуникативна компетенция, осигуряваща способността на личността да участва в межкултурния диалог, да разбира чуждата и да разкрива родната картина на света.

Ключови думи: културно-ориентирана образователна парадигма, межкултурно образование, подход в обучението по чужди езици, лингводидактическа стратегия, лингводидактическа иновация.

Наталья Семеновна Стенина

Московский государственный академический художественный институт имени В.И.Сурикова

Москва, Россия

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация: Художественное иллюстрирование литературного текста способствует совершенствованию речевой деятельности студентов. Изобразительные технологии повышают интерес студентов к изучаемому материалу, расширяют его объем, вносят новизну в учебный процесс, увеличивают возможности произвольного запоминания, формируют новый взгляд на уже известную реальность, являются эффективным способом систематизации учебного материала, способствуют формированию языковой и профессиональной компетенции учащихся.

Ключевые слова: литературный текст, иллюстрирование, эффективность, образовательный процесс, языковая и профессиональная компетентность.

Natalia Semenovna Stenina

Surikov Art Institute

Moscow, Russia

ART ILLUSTRATION AS MEANS OF INCREASE OF EFFICIENCY OF EDUCATIONAL PROCESS AT RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

Abstract: Art illustration of a literary text improves speech activities of students. Graphic technology increase the interest of students to studies, expanding its scope, make a novelty in the academic process. Fine technologies increase the possibility of involuntary memory, shaping a new look at already known reality, are an effective way to systematization of educational material, contribute the formation of linguistic and professional competence of students.

Keywords: literary text, illustration, efficiency, educational process, language and professional competence.

На занятиях по русскому языку в художественном вузе широко применяются не только традиционные методы (анализ языкового материала, выполнение устных и письменных упражнений, беседа, лингвистический анализ текстов и т.п.), но и некоторые оригинальные приемы использования изобразительных технологий в органическом сочетании с первыми, связанные с умением студентов рисовать.

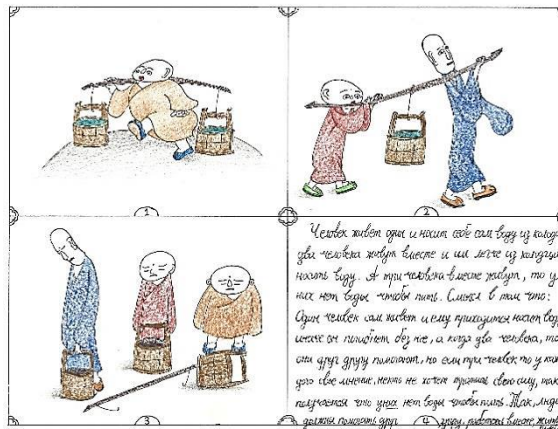

Рис.1. Цю Цян. Китайская сказка (текст и иллюстрация). Подготовительное отделение.

Известный иллюстратор В.А.Фаворский, говоря о сложном творческом характере работы художника, отмечал, что исполнитель иллюстраций к литературному произведению становится соавтором писателя. Не искажая первоначального замысла писателя, он обязан сделать произведение более гармоничным, доступным еще большему количеству людей. Однако художнику не всегда удается не исказить первоначальный замысел автора литературного произведения. Так возникает отрицательное отношение многих писателей к

иллюстрированию их произведений. Известно, что на предложение издать «Мертвые души» с иллюстрациями Н.В.Гоголь ответил, что он является «врагом всяких политипажей и модных выдумок» [Добкин 1985].

Рисованные «типы Гоголя» известны нам с детства, и бытует мнение, что половина русских читателей знает не Гоголя, а художников Боклевского или Агина. Однако считаем, что нельзя в полной мере согласиться с утверждением, что иллюстрации всегда затемняют и искажают литературное произведение. Есть иллюстрации, выдержавшие «испытание временем»: графические работы В.А.Фаворского к «Слову о полку Игореве», С.Г.Бродского к «Шинели» Н.В.Гоголя, Д.А.Шмаринова к «Воине и миру» Л.Н.Толстого и к «Петру I» А.Н.Толстого, М.А.Врубеля к «Демону» М.В.Лермонтова, М.В.Добужинского к «Белым ночам» Ф.М.Достоевского и др.

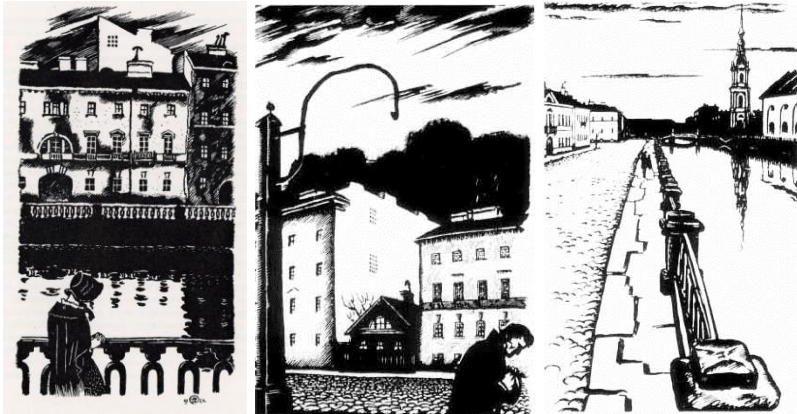

Рис.2. Добужинский М.В. Иллюстрации к повести Ф.М.Достоевского «Белые ночи».

Художник М.В.Добужинский, создавая ансамбль книги, последовательно комментирует «Ночь первую», «Ночь вторую», «Ночь третью», «Ночь четвертую», «Утро», сопровождая каждую страничную иллюстрацию выразительными заставками и концовками, которые в совокупности дают ощущение своеобразной прогулки по весеннему Петербургу. Графическая манера контрастных черно-белых иллюстраций художника созвучна всему строю повествования «Белых ночей». По мере того как нарастает напряжение повествования, количество сплошных спокойных

черных пятен сокращается, появляется большее количество белых поверхностей с редкими черными штрихами, фигуры героев все уменьшаются, а громады зданий увеличиваются. Средствами пластического искусства художнику удалось передать образный строй повести Ф.М.Достоевского. Прозрачная графическая манера рисунка оказалась близка взволнованной манере речи автора «Белых ночей».

«Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звездное, такое светлое небо, что, взглянув на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди? Это тоже молодой вопрос, любезный читатель, очень молодой, но пошли его вам господь чаще на душу!..» [Достоевский 1946: 62].

Если иллюстрации А.Н.Бенуа к «Медному всаднику» А.С.Пушкина соотносятся с объемом литературного произведения и с темпом развертывания сюжета (художник «оживляет» едва ли не каждую строку пушкинского текста), то в иллюстрациях к «Шинели» Н.В.Гоголя художник С.Г.Бродский стремится не столько следовать за событиями повести, сколько проникнуть в подтекст литературного произведения.

*«Но силой ветров от залива / Перегражденная Нева /
Обратно шла. гневна, бурлива / И затопила острова... / ...Воды вдруг /
Втекли в подземные подвалы / К решеткам хлынули каналы, / И
всплыл Петрополь, как тритон, / По пояс в воду погружен...»*
[Пушкин 1980: 39].

Метафорические рисунки С.Г.Бродского, подсказанные художественной манерой Гоголя, вызывают порой неожиданные ассоциации в зрительском и читательском сознании. Художник, стремясь обнажить самую суть литературного произведения, ищет новые пути в претворении образов литературы средствами изобразительного искусства.

Рис. 3. Бенуа А. Иллюстрация к поэме А.С.Пушкина «Медный всадник».

Иллюстрации С.Г.Бродского становятся пластической метафорой чиновно-бюрократической эпохи, губящей всё человеческое. Возможно, поэтому в них не нашлось места подробной характеристике гоголевского Акакия Акакиевича Башмачкина, «существа, никем не защищенного», в отличие от портретных изображений главного героя «Шинели» в иллюстрациях Б.Кустодиева.

Рис. 4. Бродский С.Г. Иллюстрации к повести Н.В.Гоголя «Шинель».

Рис. 5.Кустодиев Б.М. Иллюстрация к повести Н.В.Гоголя «Шинель».

Каждый художник по-своему понимает задачу иллюстрирования.

Следов не хранит гранит.
Выжженная земля следов не хранит.
Но если ноги кровоточат,
Если сердце кровоточит
И в трех шагах –
Неблатие,
Тогда и в камни,
Как ни тверды,
Навски вредосятся
Песен неспетых,
Скульптур неизванных
И несвершенных открытий
Спеленные следы.
Пламенем их
Земля сожжена,
И проклятая стонет она:
– Люди!
Зажгите факел
Над всем, что свято!
Леди!
Сажайте розы
В меня,
Проклятую!

Рис. 6. Бисти Д. Иллюстрация к книге Э.Вевериса «Сажайте розы в проклятую землю».

К лирическим стихам часто создаются иллюстрации, ассоциативно связанные с текстом, например, рисунки Д.Бисти к книге Э.Вевериса «Сажайте розы в проклятую землю», Г.Клодта к стихотворению А.Фета «Право, от полной души я благодарен соседу», где мы читаем о пении соловья, о соседке, о надежде на свидание; на иллюстрации же – свеча у окна, за окном – вечерний сад [Добкин 1985].

*«Право, от полной души я благодарен соседу:
Славная вещь – под окном в клетке держать соловья.
Грустно в неволе певцу, но чары сильны у природы:
Только прощальным огнём озлатятся кресты на церквах,
И в расцветающий сад за высоким, ревнивым забором
Вечера свежесть вдыхать выйдет соседка одна,-
Тени ночные в певце пробудят желание воли,
И под окном соловей громко засвищет любовь...» [Фет].*

Изобразительные технологии, в том числе иллюстрирование литературных произведений, служат средством мобилизации психической активности учащихся, введения новизны в учебный процесс, повышения интереса к занятиям, увеличения возможности произвольного запоминания, расширения объема усваиваемого материала, они используются как эффективный способ систематизации знаний, выделения главного. Как нельзя научиться рисовать не рисуя, так нельзя научиться и говорить не говоря, т.е. не

используя знаки языка в ситуациях, требующих речи для удовлетворения тех или иных коммуникативных потребностей.

Задачей педагогического процесса при использовании изобразительных технологий является формирование нового взгляда на уже известную учащимся реальность, заставляющего выделять в ней и фиксировать в языковом сознании именно те признаки, которые релевантны для носителей русского языка. Поэтому, ставя задачу языкового оформления ситуаций, изображенных графически, можно надеяться, что у учащихся сформируется четкая связь между визуальным рядом и языковыми средствами. Неслучайно студенты любят делать подписи к изображаемым на их иллюстрациях объектам.

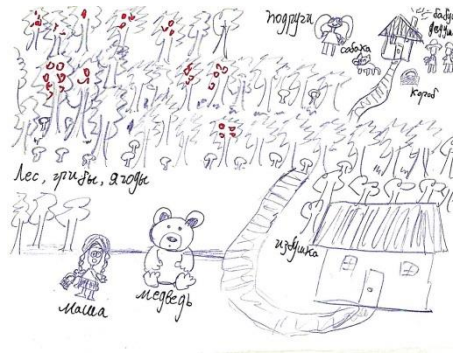

Рис. 7. Цзэн Цзин. Иллюстрация к сказке «Маша и медведь». Подготовительное отделение.

Анализируя вопросы наглядности с психологической точки зрения, обычно выделяют две основные функции наглядности: 1) дать учащимся живой, красочный образец недостаточно известного им кусочка действительности, расширить в этом направлении их чувственный опыт, обогатить их впечатления; 2) служить как бы внешней опорой внутренних действий в процессе овладения знаниями, причем меньше всего дело здесь в задаче конкретизации представлений, знаний учащихся, скорее наоборот – в обобщении их.

Задачей иллюстрирования литературного текста на уроках русского языка является создание таких условий, которые ведут к возникновению речи, речевого действия: описание предмета, картинки, ситуации, участие в дискуссиях, вызывающих стремление доказать свое мнение. Созданием таких условий достигается

педагогическая цель – заставить учащегося использовать те или иные языковые средства в той форме и в тех условиях, в которых они функционируют в реальной речи. И результат обучения бывает тем выше, чем больше удастся скрыть эту истинную цель и вызвать интерес к непосредственному поводу для высказывания.

В ходе работы по иллюстрированию литературных текстов удалось выделить некоторые принципы, опираясь на которые, можно в значительной степени повысить «читабельность» графических изображений учащихся:

1) принцип отбора и выделения существенных черт (перегрузка излишними деталями, подчас очень мелкими, приводит не только к неправильному пониманию содержания, но и вызывает «посторонние» ассоциации у учащихся, у студентов появляется желание делать комментарии на родном языке, что не помогает учебному процессу, а отвлекает от него; чрезмерное увлечение рисованием приводит к ошибочной интерпретации текста);

Рис. 8. Лю Аоцзюнь. Иллюстрация к сказке «Маша и медведь». Подготовительное отделение.

2) принцип причинности (изолированный факт может ассоциироваться с различными ситуациями, но если изобразить два события, объединённые причинной связью, то понимание картинки и ее описание будет значительно облегчено);

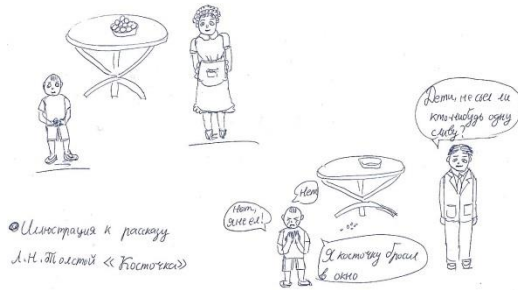

Иллюстрация к рассказу
Л.Н. Толстого «Косточка»

Рис. 9. Нгуен Доан Тиен. Иллюстрация к рассказу Л.Толстого «Косточка». Подготовительное отделение.

3) принцип временной последовательности;

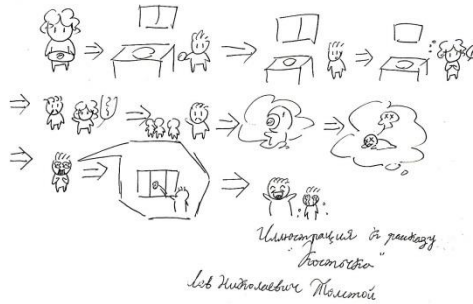

Иллюстрация к рассказу
«Косточка»
Людмила Павлова

Цзэн Цзин
30.04.2015.

Рис. 10а. Цзэн Цзин. Иллюстрация к рассказу Л.Толстого «Косточка». Подготовительное отделение.

4) принцип схематизации, облегчающий организацию речевого материала при пересказе текста;

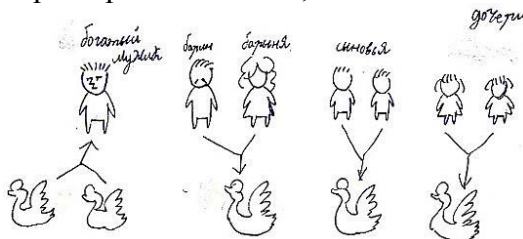

Рис. 10б. Цзэн Цзин. Иллюстрация к рассказу Л.Толстого «Как мужик гусей делил». Подготовительное отделение.

5) принцип учёта психологических особенностей восприятия (вызванных не только наличием национально-культурного опыта, менталитета учащихся, но и композиционными закономерностями расположения предметов, колористическим решением: расположение предметов на переднем или заднем плане, количество цветовых пятен, направление движения слева направо или наоборот);

Рис. 11. Лу Чжень. Иллюстрация к рассказу Л. Толстого «Царь и рубашка». Подготовительное отделение.

6) принцип опоры на изученный языковой материал (для того, чтобы вырабатываемый навык был более гибким, целесообразны неожиданные переходы к изобразительным материалам, требующие использования разнообразных языковых средств, в том числе пройденных на предыдущих стадиях обучения). Студенты как бы проверяют свои знания, подписывая изображаемые объекты.

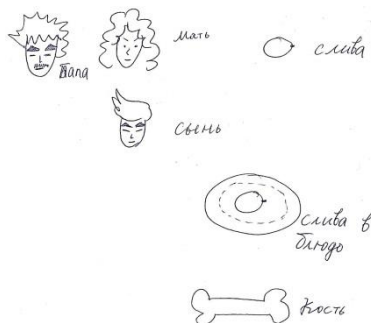

Рис. 12. Су Даньчжони. Иллюстрация к рассказу Л. Толстого «Косточка». Подготовительное отделение.

Иллюстрирование литературного текста помогает преподавателю контролировать глубину понимания иностранными учащимися идеи произведения. Увлечение техникой рисования подчас приводит к ошибочному толкованию текста, выявляет непонимания студентом сути произведения. При иллюстрировании сказки Л.Н.Толстого «Царь и рубашка», несмотря на то, что в тексте отмечена крайняя степень бедности «счастливого» человека, у которого не было даже рубашки, китайские студенты изображают его в «одежде для сна» (см. рис. 11) или же путают действия персонажей, где оригинальное решение проблемы, найденное бедным мужиком, приписано другому герою рассказа (см. рис. 10).

Иллюстрирование текстов – творческая работа, не только художественная, но и литературная, создавая рисунок, учащиеся сопровождают его литературным текстом, производя отбор наиболее значимых компонентов. Нельзя не признать, что невозможно представить с помощью графической визуализации все языковые единицы, отобранные для обучения, однако нет сомнений, что иллюстрирование литературного произведения является эффективным средством повышения языковой и профессиональной компетенции учащихся художественных специальностей.

ЛИТЕРАТУРА

Добкин 1985 – *Добкин С.Ф.* Оформление книги. Редактору и автору. Москва: Книга.- 99 с. //www.studmed.ru/view/dobkin-sf-oformlenie-knigi-redaktoru-i-avtoru_e67ef5ee596.html.

Достоевский 1946 – *Достоевский Ф.М.* Избранные сочинения. Москва: Художественная литература. – 484 с.

Пушкин 1980 – *Пушкин А.С.* Медный всадник. Москва: Русский язык. – 166 с.

Фет – *Фет А.* «Право, от полной души я благодарен соседу...» // www.lit-classic.ru

Наталия Семеновна Стенина

ХУДОЖЕСТВЕНАТА ИЛЮСТРАЦИЯ КАТО СРЕДСТВО ЗА ПОВИШАВАНЕ НА ЕФЕКТИВНОСТТА НА УЧЕБНИЯ ПРОЦЕС НА ЗАНЯТИЯТА ПО РУСКИ ЕЗИК

Резюме

В статье се изследва използването на изобразителни технологии в съчетание с традиционните методи – анализ на текста, устни и писмени упражнения, беседа и др. при занятията по руски език в художествен вуз. Статията е илюстрирана с фотоси на известни литературни творби. Доказва се, че илюстрирането на литературното произведение е ефективно средство за повишаване на езиковата и професионалната компетенция на студентите от художествени специалности.

Ключови думи: литературен текст, илюстриране, ефективност, образователен процес, езикова и професионална компетентност.

Татяна Васильевна Терзиева
Надежда Стойкова Стойкова
ШУ им. Епископа Константина Преславского
Шумен, България

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ ВО ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ- РУСИСТАМИ ШУМЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация: В этой статье рассматривается специфика внеаудиторной работы со студентами-русистами Шуменского университета. Поставленные цели и задачи при таком виде деятельности реализуются в нескольких основных направлениях – научно-исследовательское, учебно-практическое и художественно-творческое. В рамках этих направлений студенты получают дополнительные знания по русскому языку, литературе, истории, культуре.

Ключевые слова: внеаудиторная работа, цели, задачи, умения.

Tatyana Vasilyevna Terzieva
Nadezhda Stoykova Stoykova
Shumen University
Shumen, Bulgaria

RUSSIAN LITERATURE, CULTURE AND HISTORY IN EXTRACURRICULAR WORK WITH RUSSIAN PHILOLOGY STUDENTS IN SHUMEN UNIVERSITY

Abstract: This article examines the specifics of extracurricular work with students learning Russian language in Shumen University. It is also researches the main objectives and tasks in such activities in three main areas - scientific research direction, training and practical direction and artistic direction associated with Russian literature, culture and history.

Keywords: extracurricular work, goals, objectives, skills.

Полное и свободное владение русским языком является длительным и трудоемким процессом. Цель обучения русскому как иностранному заключается в формировании у обучающихся студентов новой языковой личности, в развитии аппарата их мышления, в способности решения проблем, происходящих в общественной, профессиональной и личной жизни. В процессе обучения формируются и вырабатываются смысловые, эмоциональные и когнитивные качества этой личности.

Значительная часть такой деятельности связывается с восприятием и пониманием языкового материала в виде ролевой игры. Термин *игра* на разных языках ассоциируется с легкостью, удовольствием, развлечением, смехом, шуткой, также указывает на связь процесса обучения с положительными эмоциями. Таким образом, внеаудиторная работа в виде игры приобретает особое значение в учебной деятельности, как преподавателя, так и самого обучающегося русскому как иностранному.

На основе игровой формы обучения у студентов формируется ряд языковых навыков и умений, которые позволяют им практически осуществлять их в реальной речевой ситуации общения. Субъектная позиция обучающегося в процессе внеаудиторной работы становится главным условием формирования опыта практической деятельности и на его основе овладения компетенциями. Игровые формы, особенно коллективные, способствуют увлеченному и комплексному изучению не только русского языка, но и литературы, истории и культуры.

Значение такого вида учебной деятельности как внеаудиторная работа со студентами особенно возрастает в настоящее время и наполняется новым содержанием. Роль преподавателя заключается в организации внеаудиторной работы с целью приобретения новых навыков и умений, позволяющих

сформировать у студента способности к саморазвитию, самообразованию и инновационной деятельности. Роль студента заключается в том, чтобы в процессе внеаудиторной работы под руководством преподавателя стать творческой личностью, способной самостоятельно получать знания, умения и осуществить их практическое приложение, формулировать проблему и находить оптимальный путь её решения.

Работа во внеаудиторное время оказывает значительную помощь в осуществлении некоторых учебно-воспитательных задач и в достижении дидактических целей:

Закрепить, углубить, расширить и систематизировать знания, получаемые на аудиторных занятиях;

Мотивировать регулярную целенаправленную работу по освоению специальности;

Формировать профессиональные умения;

Формировать самостоятельность мышления, способность к саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации;

Формировать убежденность волевых черт характера, способность к самоорганизации;

Развивать познавательную способность и активность студентов;

Стимулировать интерес к исследовательской работе;

Формировать ключевые компетенции, а именно: углублять эрудицию и кругозор студентов, способствовать освоению ими информационных технологий, развивать лидерские качества, чувства коллегиальности и преемственности, прививать чувство ответственности и милосердия.

Внеаудиторная работа является средством повышения мотивации студентов к обучению. Самый сильный мотивирующий фактор – подготовка к дальнейшей эффективной профессиональной реализации.

Анализ и обобщение современных практик организации внеаудиторной работы свидетельствует о многообразии видов и типов этой деятельности.

Работа во внеаудиторное время проводится в разной форме. Это могут быть индивидуальные или групповые проявления, которые

развивают у студентов такие умения как целеустремленность, предприимчивость, инициативность, деловитость и самостоятельность. Благодаря таким умениям, студенты становятся конкурентоспособными на рынке труда, что является очень важным для настоящих условий жизни.

Центр Русистики в Шуменском университете организует и проводит внеаудиторную работу со студентами-русистами в нескольких направлениях: **научно-исследовательское** (форумы, участие в национальных и международных конференциях); **учебно-практическое** (организация конкурсов по переводу и по написанию эссе, открытые уроки и семинары, просмотр телевизионных передач и видеofilьмов); **художественно-творческое** (литературные вечера, праздники); **педагогическая и языковая практика**.

1. Научно-исследовательское направление

Внеаудиторная работа в этом направлении заключается в выполнении научно-исследовательской работы студентов под руководством преподавателей. Ее основная задача – развивать интерес и способность обучающихся студентов к научному творчеству. Процесс работы по написанию разных видов эссе, докладов, рефератов и статей способствует развитию логического мышления, а также развивает умения студентов собирать, сравнивать, анализировать, обобщать информацию, делать выводы.

В рамках научно-исследовательской деятельности была проведена Международная **научно-практическая конференция**, посвященная 135-летию начала Русско-турецкой войны 1877-1878. Тема конференции *«Россия и славянский мир в интеллектуальном контексте времени»*. На этой конференции студенты представили эссе на историческую тематику. В 2012 г. и 2014 г. совместно с Филиалом Кубанского Государственного университета были проведены несколько конкурсов на тему: *«Россия и Болгария: истоки многовековой дружбы»* (октябрь 2012 г.) и *«Россия и Болгария: Прошлое, настоящее, будущее»* (2014 г.). Наилучшие работы студентов были опубликованы в международном сборнике. В 2015 г. к 70-летию Победы над фашизмом в Великой Отечественной Войне тема эссе – *«Война и мир»*. Победителям конкурса была предоставлена возможность осуществить педагогическую и

языковую практику в летних лагерях на территории России под руководством и при содействии Кубанского Государственного университета.

Ежегодно проводятся и **научно-практические семинары**. В прошлом году темы семинаров были посвящены символам и знакам русской культуры и истории календаря («*Символы и знаки русской культуры*»; «*Мой друг календарь*»). Студенты прикладной лингвистики, русской филологии и турецкой филологии организовали **научно-творческий вечер**, посвященный описанию концепта «*сердце*» в русской, болгарской и турецкой лингвокультурах. Подобные семинары вызывают интерес и среди коллег других кафедр и студентов других специальностей как журналистика, связи с общественностью, немецкая, английская филологии.

В ноябре 2014 г. Кафедра русского языка и Центр русистики организовали **круглый стол** на тему «*Проблемы и достижения современной лингвокультурологии*», на котором наши студенты приняли участие с научными докладами, посвященными русской культуре.

Участие студентов на научных конференциях и в круглых столах помогают им развивать: 1) умения и навыки работы с источниками учебной и научно-технической информацией; 2) умения грамотно, четко и точно выражать свои мысли; 3) умения творческого подхода к решению практических задач и овладения учащимся алгоритмом решения научно-исследовательских проблем.

2. Учебно-практическое направление

В рамках учебно-практического направления Центр Русистики и кафедра русского языка ежегодно организуют конкурсы по переводу, которые проводятся в трех разделах: *Перевод публицистического текста*; *Перевод художественного текста*; *Перевод поэзии*. Желаящие принять участие в конкурсах, могут выбирать один из предлагаемых разделов, либо участвовать по всем разделам конкурса. Авторы наилучших работ имеют возможность участвовать в других научно-практических семинарах для молодых переводчиков.

Основной целью учебного перевода является подготовка студентов к овладению знаниями, умениями и навыками, необходимыми переводчику для успешного осуществления этой деятельности. Подобные конкурсы помогают молодым переводчикам сориентироваться в общих требованиях к профессиональной компетенции. В ходе выполнения практического перевода у студента формируются следующие умения: 1) умение осуществлять переводческий анализ текста, определять цель перевода, тип переводимого текста; 2) умение выбирать общую стратегию перевода с учетом его цели и типа оригинала; 3) умение осуществлять письменный и устный перевод текстов, относящихся к различным сферам знаний; 4) умение использовать основные способы и приемы достижения смысловой, стилистической эквивалентности; 5) умение правильно оформлять текст перевода в соответствии с нормами языка перевода; 6) умение профессионально пользоваться словарями, справочниками, базами данных и другими источниками дополнительной информации [цит. по Косарева 2008].

Ежегодно в Центре русистики по традиции студенты последних курсов организуют и проводят открытые уроки на различные темы. Подобные мероприятия являются успешными тренингами для снятия стресса во время выступления перед аудиторией, также в значительной степени способствуют развитию ораторских умений студентов. Одной из любимых тем этих открытых уроков-семинаров является *«Русское декоративно-прикладное искусство»*.

3. Художественно-творческое направление

Антропоцентрическая парадигма в гуманитаристике выдвигает на передний план идеи эстетического и культурного воспитания человека в обществе. Таким образом, творческая деятельность является специфическим катализатором его ценностных ориентиров. Наши наблюдения и практика преподавания русского как иностранного свидетельствуют о том, что любой вид творческой деятельности на неродном языке может повышать эффективность обучения иностранному языку.

Творческий опыт студентов осуществляется по следующим направлениям: художественно-речевая деятельность, музыкальная

деятельность, театральнo-игровая деятельность, хореографическая деятельность, культурно-массовая деятельность. Анализ показывает, что проведение художественно-творческих мероприятий развивает у студентов следующие умения: 1) умение вести публичную речь (публичное выступление); 2) умение правильного произношения на иностранном языке; 3) умение работать в коллективе (в команде); 4) умение проявлять инициативность, креативность, артистизм. Такие умения способствуют преодолению языкового барьера при общении в реальной языковой среде.

Данное направление охватывает широкий круг внеаудиторной студенческой деятельности. В рамках этого направления проводятся открытые уроки, литературные вечера, мероприятия и праздники, посвященные русской литературе, истории и культуре.

В рамках художественно-творческой деятельности проводятся различные вечера по поводу знаменательных дат русских поэтов (вечер, посвященный открытию памятника Александру Сергеевичу Пушкину), писателей (200 лет со дня рождения М. Ю. Лермонтова) и известных личностей (просмотр, анализ и дискуссия художественного фильма «*Высоцкий, спасибо, что живой*»).

Постоянной традицией на Кафедре русского языка и в Центре Русистики является проведение праздника 9 Мая. Праздники, посвященные Великой Отечественной Войне пользуются большой популярностью и становятся значимыми событиями не только среди студентов, но и учащиеся средних школ, а также их родителей, родных и граждан города.

В Шуменском университете этот день обычно начинается с просмотра военного парада. После этого студенты показывают презентации, связанные с темой о войне (напр. *Русские военные фильмы*, *Русские военные песни* и т.д.), готовят викторины, исполняют песни, читают стихи. Нередко их приглашают принимать участие и в городских культурно-массовых мероприятиях, посвященных этому празднику.

Ежегодно студенты русской филологии и прикладной лингвистики проявляют инициативу по подготовке праздников (*Старый Новый год*, *Масленица*). Одним из самых любимых вечеров как студентов, так и преподавателей являются *Новогодние*

Капустники, которые традиционно проводятся в конце зимнего семестра. При подготовке студенты проявляют завидное творчество и артистизм, самостоятельно придумывая сценарии, сценки, костюмы, декоры и все необходимое для предпраздничного настроения.

Художественно-творческое направление является одним из комплексных подходов к изучению языка. Оно развивает у студентов чувства уважения к русской литературе, истории, культуре и восприятие русской ментальности в целом.

Приобретенные студентами знания, умения и навыки во внеаудиторной работе предоставляют им возможность их применения на практике. Накопленный опыт и совокупность полученных знаний и умений осуществляются в рамках педагогической и языковой практики.

В связи с совместными договорными отношениями с Филиалом КубГУ, наши студенты осуществляют летнюю практику в реальной языковой среде в лагерях на территории России. В этом году появилась еще одна новая возможность для педагогической практики. Местом проведения этой практики является СОК «Камчия», где наши студенты работают водителями с русскими детьми.

Наши наблюдения показали, что внеаудиторная работа является одним из перспективных направлений взаимодействия языка и культуры. Этот вид деятельности формирует у студентов устойчивый интерес к русскому языку и культуре и является неотъемлемой составляющей для их дальнейшей профессиональной реализации.

ЛИТЕРАТУРА

Воронина 2015 – *Воронина О. А.* Особенности внеаудиторной работы в процессе обучения РКИ (на примере Муданцзянского педагогического университета). // РЯЗ. Вып. № 3 (250), 2015 г.

Дроздова 2012 – *Дроздова О. Е.* Лингвистическая работа со школьниками на уроках разных предметов и во внеурочном образовательном пространстве: Сб. ст. кафедры языкознания МИОО и школ инновационной сети, Москва: ГАОУ ВПО МИОО. – 224 с.

Косарева 2015 – *Косарева Е. В.* Разговорный клуб как форма внеаудиторной работы с иностранными студентами. // РЯЗ. Вып. № 2 (249), 2015г.

Косарева 2008 – *Косарева Т. Б.* Цели и задачи преподавания письменного перевода юридической документации студентам старших курсов юридических вузов // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. №4. – С.41 – 47

Кравчук 2015 – *Кравчук Л. С.* Внеаудиторная работа как способ оптимизации образовательной среды вуза [Электронный ресурс]. URL: <http://pedagog.pspu.ru/conference/novoselova/digest/section-1/71-vneauditornaya-rabota-kak-sposob-optimizatsii-obrazovatelnoj-sredy-vuza> (дата обращения: 27.10. 2015)

Митрофанова, Костомаров 1990 – *Митрофанова О. Д., Костомаров В. Г.* Методика преподавания русского языка как иностранного. // Русский язык и литература в общении народов мира: Проблемы функционирования и преподавания. Материалы VII Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы. Москва: Русский язык. – 271 с.

Маркова 2014 – *Маркова А. В.* Формирование творческой активности студентов педагогического вуза в изобразительной деятельности [Текст] / А. В. Маркова, Н. Н. Шевченко // Молодой ученый. №1 – С. 554–557.

Россия и Болгария: истоки многовековой дружбы. // Сборник эссе участников международного конкурса, посвященного 135-летию начала русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Славянск на Кубани, 2012. – 180 с.

Татяна Василиевна Терзиева
Надежда Стойкова Стойкова

РУСКАТА ЛИТЕРАТУРА, КУЛТУРА И ИСТОРИЯ В ИЗВЪНАУДИТОРНАТА РАБОТА СЪС СТУДЕНТИТЕ-РУСИСТИ НА ШУМЕНСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ

Резюме

Подпомагането на работата на преподавателя при изучаването на чужд език в неезикова среда до голяма степен се дължи на извънаудиторната работа, чрез която се оптимизират процесите на възприятие у студентите. Допълнителното занимание с езика под формата на игра допринася за развитието на различни волеви и неволеви навици и умения, които са от съществено значение при усвояването на езика. В тази статия се

разглеждат предварително поставените цели и задачи при реализацията на различни научно-изследователски, учебно-практически и художествено-творчески проекти, които подобряват речевата култура на студентите-русисти в Шуменския университет.

Ключови думи: извънаудиторната работа, цели, задачи, умения.

Илка Любенова Бирова
СУ им. Св. Кл. Охридского
София, България

ИГРА И ИГРОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ РКИ

Анотация: В центре настоящей статьи – игровые упражнения и их место в обучении русскому языку как иностранному (РКИ). На основе игровых упражнений реализуется метод игры, который, по мнению автора, является одним из основных методов современного обучения иностранным языкам как в детской, так и во взрослой аудитории. В работе рассмотрены характерные черты игровых упражнений, которые отличают их от традиционных языковых и речевых упражнений, а также даны примеры трансформации традиционных упражнений в игровые в работе со студентами в университете.

Ключевые слова: игра, метод обучения, РКИ, игровые упражнения, университет.

Ilka Lyubanova Birova
Sofia University St Kl. Ohridski
Sofia, Bilgaria

GAME AND PLAYING EXERSISES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract: This article is dedicated to playing exercises and their place in teaching Russian as a foreign language. On the base of playing exercises realizes game as a teaching method with children and with adult students. According to the author game is one of the main methods in present foreign language education. In the article are examined typical features of playing exercises,

difference between them and traditional language and speech exercises and transformation from traditional to playing exercises in university education.

Keywords: game, teaching method, university, playing exercises, Russian as a foreign language.

В центре внимания настоящей статьи - феномен игровых упражнений и их место в обучении РКИ. Мы рассматриваем игру как метод обучения, который должен найти свое равноправное место в сочетании с другими методами на разных этапах обучения, как в детской, так и во взрослой аудитории. Метод игры реализуется через игровые упражнения (задания), игровые технологии и разнообразные по виду игры. На базе системных наблюдений и собственного опыта мы установили, что игровые упражнения и технологии занимают все больше не второстепенное, а важное место в современной практике обучения РКИ, а также они становятся объектом ряда методических исследований [Азимов 2009; Арутюнов и др. 1987; Пассов 1991; Бирова 2010, 2014, 2015].

В начале изложения приводим короткие дефиниции анализированных понятий: игра как метод (обучающая игра) и игровые упражнения (задания). Понятие обучающая игра определяется как «особым образом организованное на занятиях по языку ситуативное упражнение, при выполнении которого создаются возможности для многократного повторения речевого образца (образцов) в условиях, максимально приближенных к условиям реального речевого общения (с присущими ему признаками – эмоциональностью, спонтанностью, целенаправленностью речевого акта).» [Азимов 2009: 167] Мы считаем данную выше дефиницию неточной, потому что она приравнивает игру в обучении к ситуативным упражнениям. Необходимо подчеркнуть, что игра является многозначным понятием в лингвометодике, которое требует своего дальнейшего изучения и нуждается в уточнении в целях конкретного исследования. В настоящем сообщении мы рассматриваем понятие игры как обобщенное название метода обучения. В практике он осуществляется через игровые технологии (*напр., драматизация, симуляция т.д.*), разнообразные виды обучающих игр (*фонетических, лексических, грамматических и др.*),

а также игровые упражнения (задания). Последние являются объектом нашего анализа.

Мы считаем, что в отношении игры как метода обучения следует употреблять понятие *игровые* вместо *ситуативные* упражнения, потому что не всегда ситуативные упражнения создают игровую ситуацию, необходимую для протекания игры. Например, использование типовых диалогов «В магазине», «На улице» и т.п. является ситуативным упражнением, но редко в практике становится игровым. Характерные черты последнего рассмотрены дальше в настоящем изложении.

Необходимо подчеркнуть, что в отношении классификации упражнений в методических исследованиях наблюдаются различия. Согласно одной из наиболее распространенных классификаций упражнений, предложенной Рахмановым [Рахманов 1980], упражнения подразделяются на разные виды по следующим признакам: а) по их назначению – языковые и речевые, рецептивные и репродуктивные, аспектные и комплексные, учебные и естественно-коммуникативные, тренировочные и контрольные; б) по характеру материала – упражнения в диалогической, монологической речи и т. п.; в) по способу выполнения упражнений – устные и письменные, одноязычные и двуязычные, механические и творческие, классные и домашние, индивидуальные, парные, хоровые. Упражнения подразделяются также в зависимости от вида речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо), формы речи (устная речь, письменная речь) аспекта языка (фонетические, лексические, грамматические). Другую классификацию предлагает широко известная коммуникативная типология упражнений Пассова. [Пассов 1991]. В ней представлены условно-речевые и речевые упражнения, а языковые упражнения не рассматриваются как самостоятельный этап в развитии речи. Овладение речевыми действиями протекает по принципу параллельного усвоения формы и функции при ведущей роли последней. Для обоих видов упражнений характерно решение речевой задачи в условиях реальных коммуникативных ситуаций, ролевой игры, проблемной ситуации. Мы поддерживаем концепцию Гочевой [Гочева 2000] о необходимости интеграции языковых и

речевых упражнений на основе обучающей деятельности. Созданная Гочевой системно-деятельностная модель обучения реализована на материале серии учебников русского языка для средней школы и доказала плодотворность этой концепции.

Необходимо подчеркнуть, что в названных источниках не употребляется понятие *игровые упражнения*, а только понятие *игра как обучающая деятельность*. Но в то же время характерные черты игры обозначены в дефинициях некоторых видов упражнений и технологий. В методическом словаре Азимова [Азимов 2009] это упражнения на предвосхищение, упражнения открытого типа, творческие упражнения, проектная методика.

Упражнения на предвосхищение основаны на догадке предугадать что-то новое, неизвестное с опорой на уже известное. Предвосхищение является важным умением при аудировании и чтении, а упражнения на предвосхищение формируют механизм вероятностного прогнозирования средствами иностранного языка. Например, на основе названия текста, его темы или невербальных средства прогнозировать содержание текста, последовательность событий, поступки персонажей. Предвосхищение может включать в рамках языковых упражнений прогнозирование слов и словосочетаний и заполнение недостающих элементов предложений или текста.

Упражнения открытого типа - это коммуникативные по виду упражнения, которые предполагают использование разных вариантов ответа. При их выполнении внимание учащихся сосредоточено преимущественно на содержании высказывания. К упражнениям открытого типа относятся: проверка гипотезы, сопоставление разных точек зрения, оценка события, передача содержания текста с точки зрения разных участников в действии, участие в игровой деятельности и др.

Творческие упражнения названы так по способу выполнения их действия. Они предполагают внесение новых элементов в действия с языковым материалом (преобразование, дополнение и т. д.) или смысловую обработку материала. Творческие упражнения основаны на проблемной ситуации и служат для развития речи.

Необходимо отметить, что решение проблемных ситуаций и казусов является типичным для игровых упражнений (заданий).

Проектная методика или метод проектов – инновативная технология обучения РКИ, детально исследованная Шамониной.[Шамонина 2008]. В основе этой технологии лежит личностно-деятельностный подход к обучению. Под проектом понимается самостоятельная планируемая и реализуемая на иностранном языке работа, например, выпуск газеты или журнала, подготовка выставки, спектакля, концерта, студенческой конференции и др. Работа над проектом повышает активность и самостоятельность учащихся на основе учебно-ролевых игр, самостоятельного решения учебных задач. Проектная методика развивает креативность и речевые умения обучаемых в условиях взаимодействия и сотрудничества «ученик-учитель-группа». В результате такой деятельности происходит непроизвольное запоминание лексических единиц и грамматических структур, мотивируется речевая деятельность на изучаемом языке.

Перечисленные выше упражнения и технологии по своему характеру являются *игровыми*, потому что они содержат в себе признаки обучающей игры. Ее ценность в обучении состоит в том, что она используется для закрепления и активизации учебного материала в различных ситуациях и обеспечивает одновременное эмоциональное, интеллектуальное и нравственное развитие личности. Отличительной характеристикой игры является то, что «она способствует усвоению знаний и приобретению речевого опыта не по необходимости, а по желанию самих учащихся. Игра вносит разнообразие в повседневную учебную деятельность, повышая интерес к самому учебному предмету. Игра становится орудием как обучения, так и воспитания, требуя от участников большого умственного напряжения.» [Азимов 2009: 74]

В процессе обучения РКИ игра способствует решению ряда методических задач, а именно:

- созданию психологической готовности учащегося к речевому общению и поддержанию мотивации в этом общении;

- обеспечению естественной необходимости, естественного контекста многократного повторения языкового и речевого материала;

- тренировке учащихся в выборе нужного речевого варианта, что является подготовкой к спонтанной речи.

Необходимо отметить, что по содержанию игровые упражнения совпадают с языковыми и речевыми, потому что изучаемый иностранный язык является их общим объектом. Но по формулировке заданий, технологии проведения и воздействию на обучаемых игровые упражнения отличаются от традиционных упражнений (заданий). Перечислим некоторые характерные черты игровых упражнений (заданий):

1) Наличие игровой ситуации с информационным пробелом, с догадкой и поиском неизвестного. Это требует проявления воли, воображения и сообразительности обучаемых.

2) Создание условной игровой ситуации, в том числе и проблемной ситуации. Каждый обучаемый выполняет определенную роль, соблюдает определенные условия, ищет решения данного казуса, проявляя самостоятельность и креативность.

3) Игровое задание рассчитывает прежде всего на произвольное запоминание языковых форм и речевых моделей общения, которые формируются в ходе другой, неречевой деятельности.

4) Игровые упражнения интерактивны по своей сущности. Это означает сотрудничество участников и сочетание речевой деятельности с другими неречевыми видами деятельности (рисование, пантомима, пение песен, слушание музыки, использование ритма и др.)

5) Кроме тренировки и повторения изученного материала, игровые задания используются также для активного отдыха. Их выполнение связано с одной стороны, с чувством напряжения, а с другой стороны, с чувством радости и забавы.

6) Приобретение знаний и речевого опыта происходит не по необходимости, а по желанию самих учащихся.

7) Для игровых упражнений характерно наличие эмоционального и интеллектуального стимулирования. Игра

начинается тогда, когда учащимся становится интересно играть. Игра вызывает приятные эмоции и дает пищу уму.

Дальше даны примеры эмоционального и интеллектуального стимулирования, применяемые в игровых заданиях. [Арутюнов 1987: 11-12]

- Игровое задание может даваться как активный отдых: «Итак, упражнение мы с вами сделали; теперь давайте отдохнем. Сыграем в такую игру....»

- Игровое задание дается так, как будто оно не было запланировано преподавателем. Например: Мы говорили о еде. Кстати, а что значит правильно питаться? Ведь обычно то, что полезно, не очень вкусно и наоборот. Как бы вы составили меню завтрака, чтобы было и вкусно и полезно?

- Игровое задание связано с конкретной ситуацией, но сам подход к нему может быть неожиданным. Например: Мы с вами собрались путешествовать, но забыли сложить чемодан. Итак, что надо положить в чемодан? На сборе одна минута.

- В процессе выполнения игрового задания преподаватель подбадривает всех участников. Если надо исправить ошибки, то делает это как дополнение (Вы справились хорошо, но только обратите внимание, в этой ситуации русский сказал бы так ..... Пожалуй, в этом месте лучше было бы сказать так....) и т. п.

- В ролевых заданиях типична смена и разнообразие ролей, это стимулирующий фактор. Здесь важен индивидуальный подход: у каждого человека есть желанные роли, которые ему не удалось сыграть в своей реальной жизни.

- Победителей игр-соревнований поздравляет вся группа, например все хором произносят «Победитель, молодец!» Победителей можно привлекать в качестве экспертов в других играх или при возникновении спорных вопросов.

- Игра обычно создает положительные эмоции, но и сама нуждается в предварительном эмоциональном настрое обучаемых. Его можно создать, например, шуткой или анекдотом.

Примеры интеллектуального стимулирования в игровых заданиях:

- Поводом к игровому заданию может быть как внешняя ассоциация, так и методическая установка (Эту ситуацию интересно проиграть в аудитории...Ваши знания по теме позволяют вам решить эту задачу...давайте попробуем).

- Игра всегда проблемна, т.е. она предполагает решение данной проблемы. Проблемные задачи не должны быть слишком простыми, но в то же время должны быть посильными для них.

- Можно стимулировать деятельность учащихся с помощью вопросов типа: Как бы вы поступили в такой ситуации? Меня тут недавно спросили.... что бы вы посоветовали ответить? и т.д. Уместны и такие приемы как: нарочитая таинственность тона, шепот и другие способы интонационного воздействия.

Мы поддерживаем позицию, что переход от традиционных форм учебной работы к игровым должен быть мотивированным с точки зрения целей конкретного занятия или цикла занятий, а также надо учитывать состояние и интерес аудитории. По нашим наблюдениям, игровые упражнения редко встречаются в учебных комплексах по РКИ для обучаемых старше 14 лет. Преподавателям РКИ часто приходится самостоятельно подбирать и составлять игровые задания, чтобы внести разнообразие и оживить учебный процесс в конкретной аудитории. Мы считаем, что успех преподавателя во многом зависит от умелого перехода и сочетания традиционных и игровых упражнений.

На конкретных примерах из работы со студентами гуманитарных специальностей, изучающими РКИ в Университете на среднем этапе, покажем, как выглядят игровые упражнения и как можно трансформировать традиционные упражнения в игровые.

Пример №1: Традиционное речевое упражнение: Перескажите содержание текста рассказа В.Шукшина «Экзамен» (задание из учебника «Дорога в Россию», 2009).

Игровое упражнение: Предположите, о чем думал преподаватель во время экзамена? Вместо точки зрения студента, представьте историю экзамена с точки зрения преподавателя.

Пример №2: Традиционное лексико-грамматическое упражнение: Напишите пословицы и афоризмы, употребляя слова в скобках в дательном падеже. Переведите их на болгарский язык.

Спящему (кот) мышь в рот не прибежит./ Нерешительному (человек) не знать удачи./ Судите о своем здоровье по тому, как вы радуетесь (утро и весна)./ Какая цена (знания) мудреца, если он не прощает незнающему. / Кошки грызутся – (мышь) приволье. / Чужому (счастье) не завидуй.

Игровое упражнение, работа в группах: В каких конкретных ситуациях вы можете употребить следующие пословицы и афоризмы? Инсценируйте эти ситуации, используя воображение и чувство юмора:

Спящему коту мышь в рот не прибежит./ Нерешительному человеку не знать удачи./ Судите о своем здоровье по тому, как вы радуетесь утру и весне./ Какая цена знаниям мудреца, если он не прощает незнающему?/ Кошки грызутся – мышам приволье./ Чужому счастью не завидуй.

Надо признаться, что грамматические упражнения труднее, чем лексические, поддаются трансформации в игровые. С этой целью удачно использовать анекдоты и шутки, где в забавном контексте встречаются изучаемые конструкции. Запоминая и повторяя анекдоты, обучаемые закрепляют их употребление в речи.

Пример №3: В следующем анекдоте найдите конструкции в дательном падеже. Повторите анекдот, чтобы запомнить и рассказать друзьям.

Разговаривают муж и жена.

Муж: – Почему ты опять недовольна? У тебя две шляпы к этому костюму!

Жена: – Ничего подобного! У меня один костюм к двум шляпам.

Большое количество анекдотов представлены в методическом пособии Левиной и Васильевой «Русская грамматика в анекдотах». [Левина, Васильева 1997]. Их можно использовать в обучении по грамматике в качестве игровых упражнений.

После приведенных примеров надо подчеркнуть, что в обучении РКИ бесспорной остается потребность в использовании традиционных языковых и речевых упражнений. Без них невозможно создать необходимые навыки обучаемых. Активное использование игровых упражнений способствует переходу созданных навыков в

спонтанную речь на русском языке. Как уже было отмечено, необходимо умелое сочетание традиционных упражнений с игровыми, что приводит к разнообразию в обучении и является сильным стимулирующим фактором.

В заключение следует обобщить, что игра есть сложный лингвометодический феномен, который нуждается в исследовании как в теоретическом плане, так и в отношении его прикладных аспектов. Игру мы рассматриваем как один из методов обучения иностранным языкам в русле интерактивного подхода. Современная практика обучения РКИ требует развития игровой культуры на всех этапах обучения. Мы считаем, что рядом с языковыми и речевыми упражнениями, надо рассматривать также игровые упражнения как феномен в языковом обучении. По технологии исполнения и форме воздействия они обладают собственной характеристикой, отличающей их от традиционных упражнений. Творческие умения преподавателя часто проявляются в трансформации языковых и речевых упражнений в игровые. Можно сделать вывод, что игровые упражнения превращают обучение в непрерывную творческую лабораторию, которая развивает потенциал как обучаемых, так и личности преподавателя.

ЛИТЕРАТУРА

Азимов 2009 – Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов и понятий. Москва: Икар. – 448 с.

Арутюнов 1987 – Арутюнов А.Р., Чеботарев П.Г., Музруков Н.Б. Игровые задания на уроках русского языка. Москва: Русский язык, – 207 с.

Бирова 2014 – Бирова И. Реализация игрового метода в обучении русскому как иностранному детей в дошкольном возрасте // Многоязычие и ошибки, под ред. Е. Протасовой, *Retorika*. Berlin: С.160-166.

Бирова 2015 Бирова И. Л. Игровые технологии в обучении РКИ в вуз, Сб. статей XIII Конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры, Гранада, Испания, том 10, с. 145-148 с.

Бирова 2010 Бирова И.Л. Языковые игры в обучении РКИ // Современные педагогические технологии в обучении РКИ. Изд. ВСУ им. Ч. Храбра, с. 81–88, с. 347–366.

Гочева 2000 Гочева Е. Н. Чуждоезиковото обучение. Теория и практика учебника, София. Лодос, 188 с.

Левина, Васильева 1997 Левина Г.М., Васильева Т.В. Русская грамматика в анекдотах. Для начинающих. С.Пб., изд. Златоуст, 93 с.

Пассов 1991 Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. Москва, изд. Просвещение, 223 с.

Рахманов 1980 Рахманов И. В. Обучение устной речи на иностранном языке. – Москва, изд. Высшая школа, 120 с.

Шамонина 2008 Шамонина Г. Н. Методът на проектите в чуждоезиковото обучение. Варна, ВСУ «Черноризец Храбър», 148 с.

Birova 2013 Birova I. Game as a Main Strategy in Language Education, American Journal of Educational Research, Volume 1, number 1, 2013. С. 7–11;

Илка Любенова Бирова

ИГРА И ИГРОВИ УПРАЖНЕНИЯ В ОБУЧЕНИЕТО ПО РУСКИ ЕЗИК КАТО ЧУЖД

Резюме

Статията разглежда игровите упражнения в обучението по руски език като чужд. Дадена е характеристика на игровите упражнения, показана е тяхната специфика и различие от традиционните езикови и речеви упражнения, както и възможната трансформация между тях. Чрез игровите упражнения се реализира методът на играта в обучението по чуждия език. Авторката разглежда играта като важен метод, който трябва да се прилага в комбинация с другите обучаващи методи. В статията са разгледани примери за игрови упражнения, използвани в университетското обучение по руски език на студенти от хуманитарни специалности.

Ключови думи: игра, метод на обучение, руски език като чужд, игрови упражнения, университет.

Наталия Пятрасовна Дмитренко
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
Нижний Новгород, Россия

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОШИБОК В ТВОРЧЕСКИХ ПИСЬМЕННЫХ РАБОТАХ (РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ)

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с систематизацией и анализом грамматических ошибок студентов, изучающих русский язык как иностранный. Интерес представляют ошибки,

допускаемые в письменных работах творческого характера – сочинениях, изложениях, эссе. Важно отметить, что многие ошибки, типичные для свободной письменной речи, не встречаются в лексико-грамматических тестах. Это может свидетельствовать о сформированности языковых навыков, но несформированности умений продуктивной письменной речи.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, письменная речь, речевые умения, грамматические ошибки, тестирование.

Natalia Pyatrasovna Dmitrenko
Nizhny Novgorod Linguistics University
Nizhny Novgorod, Russia

SYSTEMATIZING GRAMMAR MISTAKES IN CREATIVE WRITINGS (RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)

Abstract: The following article discusses the questions connected with systematizing and analyzing grammar mistakes of the students, who study Russian as a foreign language. Mistakes made in creative written works – compositions, reproductions, essays – are of great interest. It is important to say that many mistakes, typical in writing, are not made in lexico-grammatical tests. This might testify to the good language skills, but to poor productive writing skills.

Keywords: Russian as a foreign language, written speech, speech skills, grammar mistakes, testing.

Письменная речь как особый вид речевой деятельности является предметом внимания на всех этапах обучения русскому языку как иностранному. На начальном этапе цель обучения письменной речи представляется, во-первых, как овладение техникой письма (писания), во-вторых, как овладение эпистолярным жанром – умение писать частное бытовое письмо. На среднем и продвинутом уровнях одной из ведущих задач становится продуцирование письменных текстов творческого характера [Акишина, Каган 2004; Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов 1990; Русский язык как иностранный 2004].

Проверка уровня сформированности коммуникативной компетенции в области письма проводится на всех уровнях обучения. Объектами контроля при этом являются связность изложения, логичность изложения, умение описывать, умение рассказывать о событиях, умение давать оценку, умение использовать композиционные компоненты текста и т.д.

Цель данной статьи – привлечь внимание к параметру, который оценивается во всех без исключения тестах на всех уровнях владения языком, – «соответствие лексико-грамматическим нормам». В условиях профессиональной подготовки преподавателей русского языка как иностранного¹ представляется важным дать некоторые общие рекомендации по систематизации грамматических ошибок в письменных работах творческого характера, с тем чтобы объективно подходить к оценке сформированности необходимых языковых и речевых умений на I и II сертификационных уровнях².

Требования к сформированности лексико-грамматических навыков и умений на I и II сертификационных уровнях формулируются предельно четко. В субтесте «Грамматика. Лексика» Типового теста по русскому языку как иностранному (II сертификационный уровень общего владения русским языком) представлены следующие базовые грамматические категории и конкретные языковые единицы.

Грамматика глагола: лексико-грамматические группы (глаголы движения, мысли, речи, чувства, существования и местонахождения); категории залога, вида (употребление видовых форм в прошедшем, будущем времени, в инфинитиве, императиве); префиксальные и префиксально-суффиксальные дериваты; именные и неизменяемые формы глагола.

Грамматика имени (существительные, прилагательные, числительные, местоимения): категории рода, числа, падежа; семантика падежных форм; предикативная функция имен.

Грамматика отношений: субъектно-предикативные отношения в двусоставных и односоставных предложениях;

¹ В НГЛУ им. Н.А. Добролюбова с 1989 г. ведется подготовка преподавателей русского языка как иностранного.

² Уровни B1 и B2 европейской системы уровней владения иностранными языками.

определяющие, обстоятельственные и объектные отношения в простом и сложном предложениях; средства выражения различных семантико-синтаксических отношений в простом и сложном предложениях [Типовые тесты по русскому языку как иностранному 1999: 91].

Анализ ошибок в собственно лексико-грамматических тестах и лексико-грамматических ошибок в тестах, проверяющих владение письменной речью, показывает следующее: уровень языковой компетенции, демонстрируемый при выполнении лексико-грамматических тестов, и уровень языковой компетенции, демонстрируемый при выполнении заданий творческого характера, значительно отличаются.

Ниже систематизируются, корректируются и анализируются ошибки иностранных учащихся среднего и продвинутого уровней, допущенные в сочинениях, изложениях и эссе. Следует подчеркнуть, что в типичных лексико-грамматических тестах ошибок такого рода нет. Предметом рассмотрения являются ошибки, связанные с выражением субъектно-предикативных отношений, с употреблением глагольных форм и с предложно-падежным управлением, а именно: с употреблением объектных, временных, пространственных и определительных распространителей.

Квалификация ошибки	Примеры ошибок	Коррекция
Согласование субъекта и предиката	...малыш <i>играла</i> ...	...играл...
	Андрей <i>познакомилась</i> с ...	...познакомился...
	...которое ей <i>шел</i> ...	...шло...
	Она <i>увидел</i> Андрея...	...увидела...
	...шляпа <i>превратился</i> в блин...	...превратилась...
	...кактус <i>стояла</i> на подоконнике...	...стоял...
	...бабушка помогала и <i>нянчил</i> ...	...нянчила...

Ошибки, связанные с согласованием субъекта и предиката в формах рода, допускаются в основном по невнимательности.

Внимание учащихся направлено не на форму, а на содержание, и именно в этот момент происходит «грамматический сбой». При самопроверке текста такие ошибки легко обнаруживаются и исправляются.

Квалификация ошибки	Примеры ошибок	Коррекция
Употребление полных и кратких прилагательных в предикативной функции	Посмотрев на себя в зеркало, она была очень <i>довольная</i> .	...довольна...
	...они были вполне <i>уверенным</i> ...	...уверены...
	...Андрей был уже <i>совсем отчаянным</i> ...	...в полном отчаянии...

Типичны ошибки, связанные с неразличением кратких и полных форм прилагательных в функции сказуемого. Краткие формы часто обозначают временный признак, что бывает ясно из контекста (*посмотрела в зеркало и осталась довольна своим видом*), или относительный признак (*они были вполне уверены в своей неотразимости*). Полные формы прилагательных в предикативной функции передают постоянный признак (*он больной, ему нельзя заниматься тяжелой атлетикой*) или абсолютный признак (*он равнодушный*).

Квалификация ошибки	Примеры ошибок	Коррекция
Употребление видо-временных форм глагола	...она совсем не принимала его всерьез и <i>рассмеялась</i> над ним...	...смеялась...
	Мало того, что он был пугливым и малообщительным, он был еще обидчивым и <i>расстроился из-за пустяка</i> ...	...расстраивался из-за пустяков...
	...в знак благодарности ему <i>дарили</i> портрет...	...подарили...
	...миловидная женщина сидела рядом и <i>сделала</i> ей маникюр...	...делала...
	...одной рукой держа руль,	...обнял...

	мужчина другой рукой <i>обнимал</i> ее за плечи и уехал с ветерком...	
	...мы взяли лестницу и <i>шли</i> в гостиную...	...пошли...
	...когда он сползал, он случайно <i>разливал</i> содержимое миски...	...разлил...
	...сидела под феном, чтобы <i>делать</i> себе красивую прическу...	...сделать...
	...он старался из всех сил <i>сползть</i> со стола...	...сползти...
	...мама уложила его в кровать и запретила <i>вылезти</i> ...	...вылезать...

Значение повторяемости / единичности в формах прошедшего времени

Ср.: Она не принимала его всерьез [*всегда*] и смеялась над ним [*обычно*]. – Она не принимала его всерьез и *в этот раз* снова рассмеялась над ним.

Для употребления формы совершенного вида необходим маркер единичности действия.

Ср.: Он был обидчивым [*постоянный признак*] и расстраивался из-за пустяков [*всегда*]. – Он был обидчивым и *в этот раз* опять расстроился из-за пустяка [*выделен маркер единичности действия*].

Значение одновременности / последовательности в формах прошедшего времени

Ср.: сидела и делала [*одновременные действия*] – села и сделала [*последовательные действия*]; обнял и уехал [*последовательные действия*] – обнимал и ехал [*повторяющиеся действия*]; взяли и пошли [*последовательные действия*] – брали и шли [*повторяющиеся действия*]; когда сползал, разлил [*на фоне одного действия другое началось и закончилось*] – когда сползал, разливал [*повторяющиеся действия*].

Значение результата действия в формах инфинитива

Ср.: сидела, чтобы сделать прическу, старался сползти со стола [*необходим результат*].

Значения запрещения / невозможности в формах инфинитива

Ср.: запретила вылезать из кровати [запрещение] – невозможно вылезти из кровати [невозможность].

Квалификация ошибки	Примеры ошибок	Коррекция
Употребление залоговых форм глагола	...на столе <i>царился</i> полный хаос...	...царил...
	...тот громко <i>расплакала</i> ...	...расплакался...
	...ждал..., чтобы <i>отправить</i> опять к кубикам...	...отправиться...
	...через несколько лет семья уже <i>увеличивала</i> на...	...увеличилась...
	...он быстро <i>отвлек</i> от домашнего задания...	...отвлёкся...
	...мама <i>началась</i> считать...	...начала...
	...никакие звери не <i>портились</i> супругам настроение...	...портили...

Залог глагола – категория морфолого-синтаксическая. Следовательно, при анализе ошибок необходимо обращать внимание учащихся на структуру предложения, в частности на наличие в предложении субъекта, объекта и способов их выражения.

В случаях, когда субъект и объект совпадают, употребляется возвратный глагол средне возвратного залога (*отправиться, увеличилась, отвлекся*). В конструкциях с субъектом (подлежащим) и прямым объектом употребляются невозвратные глаголы действительного залога (*начала, портили*).

Отдельно рассматриваются ошибки, связанные с отсутствием возвратной (*царился*) или невозвратной (*расплакала*) формы в языке.

Квалификация ошибки	Примеры ошибок	Коррекция
Употребление объектных распространителей при глаголах	...ухаживает <i>Лену</i> ...	...за Леной...
	...отказывает <i>от него</i> ...	...ему...
	...присматривать <i>за него</i> ...	...за ним...
	... <i>Петя</i> не повезло...	...Пете...

	...у него повезло...	...ему...
	...позвала ему домой...	...его...
	...с этим моментом... началась наша вчерашняя семейная беда...	...с этого момента...
	...одета в простом черном платье...	...в простое черное платье...
	...завидовали простую служанку...	...простой служанке...
	...радоваться на следующие выходные...	...следующим выходным...

Предложно-падежное управление – проблема, с которой сталкиваются иностранные учащиеся на всех этапах обучения. Отсутствие правил, регламентирующих употребление падежных форм имен с предлогами или без предлогов, осложняет усвоение этого материала. Причинами ошибок могут стать следующие:

- конструкции, усвоенные на ранних этапах обучения. Например, употребление знакомой конструкции *с + Т.п.* вместо *с + Р.п.*;
- разное управление при возвратных и невозвратных формах глагола: *отказываться от чего*, но *отказывать кому*;
- употребление разных падежей в одном значении. Например, употребление И.п. или Р.п. в значении субъекта вместо Д.п. в значении субъекта в безличных конструкциях;
- использование глаголов, не входящих в активный словарь студента, и интуитивный (наугад) выбор предложно-падежной формы имени.

Квалификация ошибки	Примеры ошибок	Коррекция
Употребление временных распространителей	...десять минут мальчик уже все забыл...	...через десять минут...
	...уже месяц за встречи...	...за месяц до встречи...
	...целый утром лежала...	...целое утро...

Анализ ошибок такого рода должен сопровождаться выполнением упражнений, в которых функционируют разнообразные средства выражения временных отношений. В этом случае появляется возможность систематизации таких средств:

- средства выражения времени, предшествующего событию (за 10 минут до...);
- средства выражения времени, следующего за событием (через 10 минут, спустя 10 минут);
- средства выражения времени, за которое произошло событие (за 10 минут сделать что-либо);
- средства выражения времени, в течение которого происходило событие (целое утро лежала, 10 минут читала).

Квалификация ошибки	Примеры ошибок	Коррекция
Употребление пространственных распространителей	...вернулась на <i>кухне</i> ...	...на кухню...
	...вышла из <i>комната</i> ...	...из комнаты...
	...она села у <i>него</i> на раму велосипеда...	...к нему...
	...повесить портрет прямо в <i>гостиную</i> ...	...в гостиной...

Ошибки в употреблении предложно-падежных конструкций при глаголах движения, перемещения, положения в пространстве обычно обнаруживаются студентами среднего и продвинутого этапов обучения при самопроверке, т.е. в основном связаны с невнимательностью.

Квалификация ошибки	Примеры ошибок	Коррекция
Употребление определительных распространителей	...женщина в <i>платок</i> , куртке...	...в платке...
	...дом <i>кубиков</i> ...	...из кубиков...
	...полная дама с <i>двойном</i> подбородком и	...с двойным подбородком и

	бесформенной <i>фигуре</i> ...	бесформенной фигурой...
	...он был узкоплечий, с впалой <i>груди</i> , с дистрофическими руками и <i>ноги</i> ...	...грудью... ногами...
	...обогнал на <i>дорогой</i> автомобиль...	...дорогом...
	... у моего отца, <i>лысый</i> <i>мужчина</i> с круглым животом, была...	...лысого мужчины...

Систематизация форм определительных распространителей в значительной мере помогает избегать ошибок в их употреблении:

- характеристика внешности: *с+ Т.п.* (с двойным подбородком, с впалой грудью, с голубыми глазами);
- описание одежды, обуви: *в+ П.п.* (в платке, в куртке, в сапогах, в шляпе);
- описание состава, материала: *из+Р.п.* (из кубиков, из дерева, из моркови);
- приложение (мой отец, лысый мужчина,... у моего отца, лысого мужчины,...).

Работа над ошибками лексико-грамматического характера на среднем и продвинутом этапах обучения русскому языку как иностранному приобретает, таким образом, аналитический характер. Материал, усвоенный на более ранних этапах обучения, осознается практически, в коммуникации, а значит, из пассивного состояния переходит в активное и творчески перерабатывается. Систематизация и коррекция ошибок в письменных текстах творческого характера чрезвычайно трудоемкий процесс, однако конечный положительный результат, полностью оправдывает затраченные усилия.

ЛИТЕРАТУРА

Акишина, Каган 2004 – *Акишина А.А., Каган О.Е.* Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз. Курсы. – 256 с.

Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов 1990 – *Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение)* / Под ред. А.Н. Щукина. – М.: Рус. яз. – 231 с.

Русский язык как иностранный 2004 – *Русский язык как иностранный*. Методика обучения русскому языку: учеб. пособие для высш. учеб. заведений/ [Г.М. Васильева и др.]; под ред. И.П. Лысаковой. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС. – 270 с.

Типовые тесты по русскому языку как иностранному 1999 – *Типовые тесты по русскому языку как иностранному*. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Аверьянова Г.Н. и др. – М. – СПб: «Златоуст». – 112 с.

Наталия Пятрасовна Дмитренко

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ НА ГРАМАТИЧНИТЕ ГРЕШКИ В ТВОРЧЕСКИТЕ ПИСМЕНИ РАБОТИ (РУСКИ ЕЗИК КАТО ЧУЖД)

Резюме

В статията се прави квалификация, систематизация и анализ на граматичните грешки, допускани от чуждестранните студенти в писмените работи с творчески характер – съчинения, изложения, есе на руски език. Отбелязва се, че много грешки, типични за творческата писмена реч, не намират място в лексикално-граматичните тестове. Това свидетелства за създаване на езикови навици без оформяне на нужните умения за продуктивна писмена реч. Дават се общи препоръки по преодоляване на трудностите при употребата на редица граматични форми и конструкции.

Ключови думи: руски език като чужд, писмена реч, речеви умения, граматични грешки, тестиране.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Виктория Гочева Кынева
ВТУ им. Святых Кирилла и Мефодия
Велико Тырново, Болгария

КОРПУС ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ РУССКИХ И БОЛГАРСКИХ ТЕКСТОВ И ЕГО РОЛЬ ДЛЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Аннотация: В статье описываются основные характеристики «Корпуса параллельных русских и болгарских текстов», являющегося своего рода справочником для переводчиков и учебным пособием в процессе обучения русскому и болгарскому языку, в частности в преподавании теории и практики перевода. Корпус служит также источником: а) материала для научных изысканий, б) примеров для иллюстрации переводной части двуязычных словарей и в) адекватного определения переводящих соответствий.

Ключевые слова: корпус, параллельный, перевод, справочник, русский, болгарский, текст.

Viktoria Gocheva Kaneva
St Cyril and St Methodius University of Veliko Turnovo
Veliko Turnovo, Bulgaria

THE RUSSIAN-BULGARIAN PARALLEL CORPUS OF TEXTS AND ITS ROLE IN TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

Abstract: The article describes the main characteristics of the Russian-Bulgarian parallel corpus of texts, which serves as a reference book for translators and students of Russian and Bulgarian languages, particularly in the teaching of translation theory and practice. Moreover, the corpus is a source of: a) research material, b) examples that illustrate translations in bilingual dictionaries, and c) adequate translation equivalents.

Keywords: corpus, parallel, translation, reference book, Russian, Bulgarian, text.

I. В своей непосредственной работе переводчик часто сталкивается со случаями, когда нельзя найти в существующих словарях адекватное соответствие. По целому ряду объективных и субъективных причин двуязычные словари не могут полностью отражать межъязыковые эквиваленты, тем более переводческие трансформации. А необходимость в справочнике, предоставляющем информацию о переводческих решениях различных языковых единиц, актуальна со времен возникновения переводческой деятельности. Составление такого справочника до недавнего времени было невозможной мечтой. По этому поводу в 1977 году В.П. Берков писал о гипотетической возможности и практической невозможности на основе «расписывания всех лучших русских переводов с английского» составить словарь, «где обозначены (с указанием на стилистические моменты и пр.) все зарегистрированные в этих переводах эквиваленты каждого английского слова, встречающегося в этих текстах ...» [Берков1977: 111].

Развитие современных технологий сделало возможным предоставление переводчикам исчерпывающих сведений об эквивалентах и трансформациях путем создания корпусов параллельных текстов.

За последние 10 – 15 лет было создано много различных как по цели, так и по направленности электронных корпусов.

II. Разрабатываемый на кафедре русистики Великотърновского университета «Корпус параллельных русских и болгарских текстов»¹ (<http://rbcorpus.com>) относится к типу двуязычных переводных корпусов, организованных в табличной «зеркальной» форме.

Корпус состоит из двух подкорпусов – русско-болгарского и болгарско-русского. Они представляют собой своды параллельных оригинальных текстов на русском и болгарском языках и их переводов на болгарский и русский в электронном виде. Из них с

¹ Участники проекта преподаватели кафедры русистики (проф. д-р Г.Н. Гочев – руководитель проекта, доц. д-р С.П. Гочева, гл. асс. д-р С.Л. Сивков, гл. асс. М.Д. Ганчева, асс. Б.А. Благоев, асп. В.П. Иванова) и кафедры классических и восточных языков и культур (гл. асс. д-р В.Г. Кынева). Компьютерный программист проекта – Р.Л. Георгиев. На определенном этапе в работе над корпусом принимала участие доц. д-р Н.Д. Няголова.

помощью поисковой системы можно получить информацию о переводящих соответствиях русской или болгарской словоформы, зафиксированных в переводах, в виде выровненных предложений. Ср. некоторые результаты поиска словоформ русского слова *побелеть*:

№	Русский текст	Болгарский текст
9172 >>>	При взгляде на граждан побелел и Никанор Иванович и поднялся. [6]	Като погледна гражданите, Никанор Иванович също пребледня и стана. [6]
125696 >>>	Колдун весь побелел как полотно. [10]	Магьосникът побеля цял като платно. [10]
51846 >>>	«А слышал, говорю, что вот то и то, в тот самый вечер и в том часу, по той лестнице, произошло?» – «Нет, говорит, не слышал», – а сам слушает, глаза вытараща, и побелел он вдруг, ровно мел. [11]	«А ти чу ли – казвам, – че едикакво си и еди-що си е станало същата оная вечер и в същия час на онова стълбище?» «Не – казва, – не съм чул», а пък ме слуша с ококорени очи побеля изведнъж като тебешир. [11]
212228 >>>	Черные усы вельможи словно бы отделились от его лица и повисли, – так он побелел! [32]	Черните мустаци на вельможата сякаш се отлепили от лицето му и увиснали – така пребледнял . [32]
216240 >>>	Вельможа задохнулся, побелел . [32]	Вельможата се задъхал, пребледнял . [32]

Между подкорпусами (русско-болгарским и болгарско-русским) посредством программы «агрессивного» поиска установлена связь.

После нахождения перевода искомой словоформы посредством щелчка по соответствию в переводящем языке можно найти ее перевод на исходный язык.

Например:

№	Русский текст	Болгарский текст
166997	Не сразу понял, что попал он, как и положено зверьку, в капкан . [28]	Не можа отведнъж да схване, че са го вкарали в капан , както си е редно за зверче. [28]

Щелчок по словоформе **капан**² открывает окно с ее соответствиями в болгарско-русском подкорпусе:

№	Български текст	Руски текст
126309	– Дръж се! – викаше момчето от брега и продължаваше да потичва като полско мишле, хванато в капан . [17]	– Держись! – кричал мальчик с берега и все метался, как полевая мышь, попавшая в капкан . [17]
24284	– Боев успява да се отклони и от трите предложени му капана , обаче хлътва в четвъртия: капана «Тодоров». [4]	– Боев обошел все три западни , но угодил в четвертую! В западню «Тодоров». [4]
48122	Но когато се бе появила и водородната, тя разбра, че е паднала в собствения си капан . [9]	Но после изобретения водородной бомбы поняла, что попала в свою же ловушку . [9]

В принципе посредством щелчка по словоформе можно найти перевод любой словоформы в переводящем тексте. Например:

№	Русский текст	Български текст
166997	Не сразу понял, что попал он, как и положено зверьку, в капкан. [28]	Не можа отведнъж да схване, че са го вкарали в капан, както си е редно за зверче. [28]

Щелчок по словоформе **зверче** открывает окно с ее соответствиями в болгарско-русском подкорпусе:

№	Български текст	Руски текст
129720	Беше много възбуден, ноздрите му потрепваха като на хванато в капан малко зверче . [18]	Саша был необычайно возбужден, ноздри у него вздрагивали, как у зверька , попавшего в капкан. [18]
177858	– Не! – подскача зверчето в Лиза. – Двамата. [23]	– Нет! – протестует Лиза, сразу же превращаясь в звереныша . – Я пойду с тобой! [23]

² Эта операция возможна только в случаях, если соответствие состоит более чем из трех букв.

На данный момент русско-болгарская часть корпуса содержит 1 647 762 словоупотребления русских слов и 1 859 467 словоупотреблений болгарских слов. Обработано 42 произведения русской художественной литературы и публицистики 22 авторов и их переводы на болгарский язык, осуществленные 27 переводчиками.

В болгарско-русской части представлено 1 370 897 словоупотреблений болгарских слов и 1 207 503 словоупотребления русских слов. Обработано 20 произведений болгарской художественной литературы 8 авторов и их переводы на болгарский язык, осуществленные 16 переводчиками.

III. Корпус предназначен для болгарских русистов и русскоязычных болгаристов, занимающихся непосредственно переводческой деятельностью, работающих в области теории и практики перевода, а также преподающих русский или болгарский язык в университетах и школах.

Корпус открывает новые возможности как для создания качественных переводов, так и для обучения будущих переводчиков.

1. Он является справочником, в основном, для начинающих переводчиков в процессе перевода русских текстов на болгарский язык и болгарских текстов на русский. Корпус иллюстрирует реальное функционирование слов в речи и во многих случаях может выступать образцом перевода отдельных лексических единиц.

2. В нем собран материал, позволяющий проводить исследования в области теории перевода.

3. Корпус представляет собой важный источник примеров для иллюстрации переводной части двуязычных словарей, а также для более точного и адекватного определения переводящих соответствий. В качестве примера приведем перевод *дело – кауза*. Это соответствие не зафиксировано в русско-болгарских словарях, но встречается в корпусе, ср.:

*Я же хотел только узнать теперь, кто вы такой, потому что, видите ли, к общему-то делу в последнее время прицепилось столько разных промышленников, и до того исказили они все, к чему ни прикоснулись, в свой интерес, что решительно все **дело** испакостили.* – Но бих искал само да науча сега кой сте вие, защото,

знаете ли, към общото дело напоследък се лепнаха толкова най-различни търгаши и така изопачиха всичко, до което се докоснаха, в името на собствените си интереси, че просто омърсиха цялата **кауза**. [16]

Учитывая значение болгарского слова *кауза* (*книж.* ‘дело, обща работа’ – РБЕ), можно утверждать, что в данном случае идет не о переводческой трансформации, а о словарном соответствии. Тем более что такой перевод наблюдаем и в болгарско-русской части корпуса:

– «Свободният човек», проповядван от вас, не може да бъде верен на никаква **кауза**, включително и на вашата собствена – възразявам, като потискам отегчението си. – – Свободный человек, каким его видите вы, не может быть верным никакому делу, в том числе вашему делу, – возражаю я, подавляя досаду. [4]

4. Корпус – ценный помощник преподавателей русского и болгарского языка в процессе обучения русскому и болгарскому языку, в частности в преподавании теории и практики перевода. На базе корпуса можно разрабатывать упражнения по таким темам, как «Эквивалентность» и «Переводческие трансформации» и т.п. Его можно использовать и для самостоятельной работы.

IV. Структура корпуса состоит из базы данных русских и болгарских параллельных текстов, базы данных болгарских и русских параллельных текстов и списков русских и болгарских словоформ.

База данных русских и болгарских параллельных текстов включает произведения художественной прозы и публицистической литературы³.

	Источник	Процент текста	Количество заглавий
1.	Художественная литература	(96,60)	(32)
1.1.	романы	76,34	14
1.2.	повести	13,34	6

³ Поэтические тексты не включаются по причине специфики этого жанра, характеризующегося большой долей субъективности как в использовании языка оригинала, так и в переводах.

1.3.	рассказы	3,82	11
1.4.	пьесы	1,10	1
2.	Публицистика	(5,40)	(10)
2.1	мемуары, документалистика	4,57	1
2.2.	фельетоны	0,83	9

В базу данных болгарских и русских параллельных текстов на данном этапе включены только произведения художественной прозы.

	Источник	Процент текста	Количество заглавий
1.	Художественная литература	(96,60)	(20)
1.1.	романы	84,09	13
1.2.	повести	10,88	3
1.3.	новеллы	1,33	2
1.4.	рассказы	3,70	2

Предполагается включение произведений различных периодов, начиная с произведений XIX века и кончая произведениями нашего времени. На данном этапе хронология русских текстов выглядит следующим образом:

	Период	Процент словоупотреблений	Количество заглавий
1.	Произведения XIX века	16,68	12
2.	Произведения XX и XXI века	83,32	30

Болгарские тексты также относятся к указанным выше периодам:

	Период	Процент словоупотреблений	Количество заглавий
1.	Произведения XIX века	8,88	1
2.	Произведения XX и XXI века	91,12	19

Каждое произведение и его перевод в корпусе оформляются в виде параллельных текстов, выровненных по предложениям. Автоматическое выравнивание скорректировано с формальной точки зрения, т.е. если переводчик по каким-либо причинам расчленил

русское предложение в переводе, то два или более болгарских предложения выравниваются с одним русским.

Выровненные таким образом предложения в большинстве случаев являются достаточным контекстом для выяснения точности перевода определенного слова, но немалочисленны и случаи, когда это невозможно сделать. Поэтому предвидится возможность просмотра дополнительного контекста из не менее десяти предложений.

Корпус параллельных текстов составлялся на базе сканированных произведений и их переводов, в которые вносились отдельные редакторские правки, связанные с опечатками.

Списки словоформ по своей сути представляют собой частотные словари всех русских и болгарских словоформ, встречающихся в базах данных.

VI. Описанные выше основные характеристики Корпуса несомненно свидетельствуют о целесообразности его составления и раскрывают большие возможности пользоваться накопленным десятками переводчиков опытом как в процессе непосредственной переводческой деятельности, так и в научных переводческих изысканиях.

ЛИТЕРАТУРА

Берков 1977 – *Берков В.П.* Слово в двуязычном словаре. Таллин: Валгус. – 140 с.

Гочев 2009 – *Гочев Г.Н.* Корпус параллельных русских и болгарских текстов // Горизонти прикладної лінгвістики та лінгвістичних технологій. Міжнародна наукова конференція Україна, Київ – 21-26.09.2009. Київ: Довіра. С.36-37.

Гочев 2010 – *Гочев Г.Н.* Русско-болгарский параллельный корпус текстов как источник двуязычной лексикографии // II CONGRESO INTERNACIONAL «La lengua y literatura rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas». En conmemoración de los 55 años de enseñanza de la lengua rusa en España, Granada, 8-10 de septiembre de 2010, tomo II, Madrid: Rubiños-1860, S. A. PP. 2016-2021.

Гочев 2011 – *Гочев Г.Н.* Проект «Корпус параллельных русских и болгарских текстов» // Президиум МАПРЯЛ 2007–2010: сборник научных трудов. Санкт-Петербург: МИРС. С.38–48.

Гочев, Сивков 2010 – *Гочев Г.Н., Сивков С.Л.* Пилотный проект «Корпус параллельных русских и болгарских текстов» // Десятый международный симпозиум МАПРЯЛ 2010: Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в традиционной и корпусной лингвистике. Велико-Тырново: ИВИС. С.679-682.

Корпус – Корпус параллельных русских и болгарских текстов – <http://rbcorpus.com>

Сивков 2009 – *Сивков С.Л.* Корпус параллельных русских и болгарских текстов как источник переводческих исследований // Горизонти прикладної лінгвістики та лінгвістичних технологій. Міжнародна наукова конференція Україна, Київ – 21- 26.09.2009. Київ: Довіра. С.47-48.

ИСТОЧНИКИ

[4] *Б. Райнов.* Голямата скука. София: Български писател, 1971. – *Б. Райнов.* Что может быть лучше плохой погоды. Большая скука. Москва: Прогресс, 1974. Переводчик А. Собкович.

[6] *М. Булгаков.* Мастер и Маргарита [в:] Романы. Москва: Художественная литература, 1973. – *М. Булгаков.* Майстора и Маргарита. София: Интерпринт, 1989. Преводач Лиляна Минкова.

[9] [18] *П. Вежинов.* Нощем с белите коне. София: Български писател, 1975. – *П. Вежинов.* Ночью на белых конях. Москва: Московский рабочий, 1981. Переводчик Л. Лихачёва.

[10] *Н.В. Гоголь.* Страшная месть [в:] Собрание сочинений в семи томах. Том 1. Москва: Художественная литература, 1967. – *Н.В. Гоголь.* Страшно отмъщение [в:] Вечери в селцето край Диканка. Миргород. Повести. София: Народна младеж, 1982. Преводач Константин Константинов.

[11] *Ф.М. Достоевский.* Преступление и наказание [в:] Собрание сочинений в десяти томах. Москва: Художественная литература, 1956. – *Ф. Достоевски.* Престъпление и наказание. София: Народна култура, 1960. Преводач Георги Константинов.

[16] *М.Е. Кольцов.* Иван Вадимович – человек на уровне [в:] Фельетоны и очерки. Москва: Правда, 1956. – *Михаил Колцов.* Иван Вадимович – човек на ниво [в:] Фейлетони. София: Народна култура, 1978. Преводач Венцел Райчев.

[17] *Й. Радичков.* Горещо пладне. София: Народна младеж, 1965. – *Й. Радичков.* Жаркий полдень [в:] Зарубежная повесть. Москва: Прогресс, 1975. Переводчик Н. Глен.

[23] *Азон Мелконян.* Via Dolorosa [в:] Фантастична проза. София: Народна младеж, 1987. – *Азон Мелконян.* Via Dolorosa [в:] Детские

ладошки. Антология. Сост. Петко Тодоров. София: София Пресс, 1988. Переводчик И. Крыжановский.

[28] *А.И. Приставкин*. Ночевала тучка золотая [в:] ж. «Знамя», 1987. № 3 и 4. – *А. Приставкин*. Пренощува облачето златно. София: Профиздат, 1989. Преводач Здравка Петрова.

[32] *Л.В. Соловьев*. Очарованный принц. Вторая повесть о Ходже Насреддине. Ленинград: Лениздат, 1956. – *Л. Соловьев*. Омагьосаният принц. Книга втора. Повест за Настрадаин Ходжа. Пловдив: Христо Г. Данов, 1983. Преводачи Иван Костов, Райчо Русев.

Виктория Гочева Кънева

«УСПОРЕДЕН КОРПУС НА РУСКИ И БЪЛГАРСКИ ТЕКСТОВЕ» И НЕГОВАТА РОЛЯ ЗА ТЕОРИЯТА И ПРАКТИКАТА НА ПРЕВОДА

Резюме

В статията се описват основните характеристики на «Успоредния корпус на руски и български текстове», който е един вид справочник за преводачите и учебно помагало в обучението по руски и български език, в частност в преподаването на теорията и практиката на превода. Корпусът също е източник: а) на материал за научни изследвания, б) на примери за илюстриране на преводната част на двуезичните речници и в) за адекватно определяне на преводните съответствия.

Ключови думи: корпус, успореден, превод, справочник, руски, български, текст.

РЕЗЕНЗИИ

Маргарита Каназирска. ПОСЛЕ РОССИИ: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В БОЛГАРИИ (1920–1940). Велико Тырново: Великотырновский университет имени св. Кирилла и св. Мефодия, 2013. – 600 с.

Двенадцать глав и семь разделов Приложения полностью оправдывают подзаголовок этого объемного, содержательного и богато иллюстрированного тома. Фактически, в опубликованном исследовании Маргариты Каназирской, профессора истории русской литературы XX века и Русского зарубежья первой волны, уложились три книги: «Русская София» (главы 1–4), «Моя вторая родина» (главы 1–8) и «Документы. Письма. Статьи. Воспоминания. Художественные произведения» (приложения I–VII).

Первая часть тома содержит главы: Русская эмиграция и болгарская культура; *Славянское общество в Болгарии* и русская эмиграция; «Русская София» – аспекты научной жизни; Искусство русской эмиграции в культурной жизни Болгарии 20–30-х годов. Вторая часть посвящена выдающимся русским деятелям культуры, осевшим или временно проживавшим в Болгарии.

Справедливо замечание автора, что за истекшие десятилетия опубликовано немало изданий, посвященных Русскому зарубежью, но о выдающихся деятелях русской интеллигенции, оказавшихся в Болгарии, как и о тех, для кого болгарский период жизни стал лишь эпизодом (А.Н. Грабар, К.В. Мочульский, Г.В. Флоровский и др.), почти ничего не известно. В своем исследовании М. Каназирской удалось четко и подробно определить место русской культуры в духовном процессе Болгарии межвоенного времени, и показать, как русские выполняли благородную миссию: представляли миру болгарскую культуру, благодаря собственным исследованиям и публикациям за пределами Болгарии.

Важно отметить, что труд автора не о русских беженцах-эмигрантах, а о русской интеллигенции в Болгарии. Так, она и пишет: «В первой части выявляются некоторые объективные трудности в стране к началу 20-х годов, времени приезда первых больших групп

беженцев, в том числе и интеллигенции, проистекавшие как из-за катаклизмов в самой исторической судьбе Болгарии, так и из-за непоследовательного отношения (правительства А. Стамболийского) к принятому большому военному контингенту Белой армии генерала Врангеля (более 20 000 человек), в той или иной степени отразившегося и на интеллигенции». В центре внимания – адаптация носителей русской культуры в иной национальной среде, вживание в чужую культуру, [...] вклад, который внесла русская интеллигенция в науку и культуру страны в 20–30-е годы XX века и, не на последнем месте – формы сохранения русского национального сознания. [...] Во второй части книги вводятся «болгарские» страницы творческих биографий людей с мировым именем. [...] В подготовке книги большое значение имел источниковедческий массив документов, раньше недоступный для научных разысканий». И действительно, автором была широко использована, как болгарская софийская, русская и зарубежная эмигрантская печать, семейные собрания, так и документы государственных и городских архивов Болгарии и России.

В книге, поэтому, мало места уделяется вопросам приема беженцев, их благоустройству и жизни в Царстве Болгарии (страна приняла около 35 000 русских). Этот аспект подробно освещается в трудах историков (см. справочник: *Руска емиграция в България 1878–2006: Библиографски указател*. София, 2006). Нам хочется отметить, что, в отличие от другой балканской страны, Королевства сербов, хорватов и словенцев (в ней осело около 45 000 беженцев) – молодого государства, также с монархическим строем, в котором также преобладало русофильское славянское и православное население, которое также сильно пострадало в недавних войнах (однако оказалось в стане стран-победительниц), – Болгария не была в состоянии обеспечить русским то, что в широком объеме предприняла ее соседняя страна (и молодая Чехословацкая Республика), она не получала международную помощь и была обременена выплатой контрибуций. Однако эти страны роднило то, что обе нуждались в интеллектуальных силах, научном и культурном потенциале, и широко использовали интеллигенцию, прибывшую с юга России.

Гуманитарную помощь русским, прибывшим в Царство, оказывали государственный *Комитет по делам русских беженцев* (действовал до 1944 г.) и неправительственные организации, в первую очередь *Славянское общество в Болгарии* (при председательстве профессора С. С. Бобчева, выпускника Московского университета, дипломата и видного общественного деятеля). Это общество создало *Фонд русских беженцев* и оказало содействие в учреждении *Русско-болгарского культурно-благотворительного комитета* (под председательством епископа Маркианопольского Стефана, впоследствии митрополита Софийского, главы Болгарской Православной Церкви). Помимо облегчения участи беженцев, Славянское общество являлось связующим звеном между болгарской и русской культурами.

В третьей главе («Русская София» – аспекты научной жизни) М. Каназирска обстоятельно и наглядно свидетельствует о большой группе русских ученых в Болгарии. Софийский университет (с 1888 г. – Высшее училище, с 1904 г. – Университет) еще в годы своего становления приглашал русских преподавателей (П. И. Бехметьева, М. П. Драгоманова, П. Н. Милокова, Г. А. Белковского, О. М. Говорухина), а в начале 1920-х годов поторопился воспользоваться благоприятными историческими обстоятельствами, пригласить и заполучить 37 русских ученых. Для представления значимости и объема этого вклада в высшее образование Болгарии, позволим себе перечислить русский университетский преподавательский персонал, о котором в книге М. Каназирской содержатся подробные данные:

В 1920 году декан историко-филологического факультета проф. В. Златарский (выпускник Петербургского университета) принял профессоров А. Ф. Маньковского, В. Н. Ренненкампа (социология), академика Н. П. Кондакова (византийское, древнерусское и средневековое славянское искусство), профессора М. Г. Попруженко (история славянской литературы), доцента К. В. Мочульского (романская филология), профессора Э. Д. Гримма (всемирная история), доцента Н. С. Трубецкого (славянская филология и сравнительное языкознание). Позже преподавателями стали профессора П. М. Бицилли (всемирная история) и В. А. Мякотин (история Восточной Европы). Сотрудником Народной

библиотеки был принят на работу профессор В. А. Погорелов, составивший опись древнеболгарских печатных книг, а А. Н. Грабар и С. И. Покровский стали научными сотрудниками Археологического музея в Софии. Лекторами русского языка на историко-филологическом факультете позднее избирались Н. М. Дылевский (со временем стал профессором исторической грамматики русского языка) и А. П. Евдокимов, а после Второй мировой войны на кафедру русского языка было привлечено более 15 преподавателей, русских эмигрантов или их потомков. Вне стен Университета остались молодые приват-доценты Новороссийского университета К. В. Флоровская, Г. В. Флоровский, А. В. Флоровский, А. Н. Грабар, С. И. Покровский, Ю. Л. Слонимская и др. Софийскому периоду их жизни, который был не только пунктом выживания и выжидания, а местом и временем вдумчивого начала творческого пути, М. Каназирская также уделяет внимание и сообщает ранее неизвестные данные (биографические и творческие).

Юридический, медицинский и богословский факультеты в Софии испытывали острую нужду в кадрах. Ординарными профессорами на юридическом факультете стали: В. Н. Ренненкампф (социология, общая теория права), К. Н. Соколов (общее государственное право, конституционное право), П. М. Богаевский (межгосударственное и международное право), И. А. Базанов (гражданское право, общая теория права, философия права), С. С. Домосфенов (политическая экономия, социальная политика, общая теория кредитов и банков, цен и денег), доцентом – И. Г. Кинкель (экономист и социолог, позднее: профессор хозяйственной истории). Все они остались в Софии до конца своей жизни.

Благодаря видным русским юристам, оказавшимся в Болгарии, по идее проф. П. М. Богаевского в октябре 1920 года в Софии был создан *Балканский ближневосточный институт*, частное учебное заведение с тремя отделениями: дипломатическо-консульским, административно-финансовым и торгово-промышленным (с 1924 г. переименован в *Свободный университет политических и хозяйственных наук*). Открытие этого института многими воспринималось как реализация идеи славянского единения и взаимодействия (лекции могли читать ученые всех славянских стран,

на всех славянских языках, в нем широко изучалась социальная и политическая история славянских народов, хозяйственная география Балканского полуострова, право и этнография ближневосточных и славянских государств).

На медицинском факультете в Софии, как пишет М. Каназирска: «внушительнее было присутствие русских ученых» – А. Ф. Маньковский (гистология и эмбриология), В. П. Воробьев и И. Ф. Шапшал (анатомия человека, общая анатомия), А. К. Медведев, В. В. Завьялов и А. М. Черевков (физиология и физиологическая химия, биохимия), Г. Е. Рейн (гинекология и акушерство), С. С. Абрамов (общая патология), Д. Д. Крылов (патологическая анатомия), А. Э. Янишевский (неврология), Н. П. Попов (психиатрия). Вместе с ассистентами – докторами медицины, общее число русских на этом факультете достигло 16 человек. Семь русских профессоров были утверждены заведующими кафедрами. Помимо русских профессоров-медиков, огромную роль русские врачи оказали в практической медицине (хирургический госпиталь Российского общества Красного Креста доктора Р. Ю. Берзина, 1923–1948 годы; амбулатория РОККа доктора С. К. Жукова; более сотни русских врачей лечили в городах и деревнях страны).

Первыми преподавателями богословского факультета в Софии (основан в 1923 г.) стали профессора А. П. Рождественский (Ветхий Завет) и Н. Н. Глубоковский (Новый Завет), приват-доцент пресвитер Г. И. Шавельский (Св. Писание Ветхого Завета, пастырское богословие), профессора М. Э. Поснов (история Церквей) и Н. М. Дылевский (русский язык), некоторое время – профессор А. П. Доброклонский и доцент С. В. Троицкий.

В Софийском университете недолго проработал биофизик профессор Н. А. Пушкин. В Варне в Высшем коммерческом училище работали профессор О. Н. Андерсон (статистика, хозяйственная география), социолог доцент Н. В. Долинский (на кафедре политической экономии).

М. Каназирска подытоживает: Русские педагоги обеспечили дело высшего образования в Болгарии, включающее написание учебников и пособий. Во многих случаях их труды представляли и

оригинальную научную литературу. В этой главе автор нас знакомит и с рядом объединений и мероприятий русской интеллигенции:

Религиозно-философский кружок возник уже в 1920 году в Софии. В нем 3 июня 1921 года Н. С. Трубецкой и Г. В. Флоровский выступили с евразийской идеей, сконцентрировавшей в себе характерные настроения молодой русской интеллигенции в условиях эмиграции. Движение нашло единомышленников в лице других жителей Софии – музыковеда Н. М. Сувчинского, экономиста-географа П. Н. Савицкого. В Болгарии они публиковали статьи, книги, был выпущен их знаменитый сборник «Исход к Востоку» (1921). Справедливое замечание М. Каназирской: «Стремление преодолеть увлечение европоцентризмом получило своеобразную трансформацию в болгарском духовном процессе (по сравнению с евразийством), концентрируясь на призыве *назад к родному*. Всё это вылилось в обращение интеллигенции к пластам народного сознания, в новое открытие ценностей народного гения, [...] вплоть до оживленных полемик о *родном и чужом* (европейском), [...] в культурном еженедельнике «Изток» 1925–1926 годов, не под влиянием ли заглавия евразийского сборника «Исход к Востоку»?».

В 1921 году в Софии были созданы *Русская академическая группа* и *Союз русских студентов* (пользующийся значительной поддержкой болгарского правительства и *Американского комитета на Балканах* мецената Т. Уиттимора). По политическим мотивам из Русской академической группы в 1925 году вышла часть членов и создала *Русский академический союз*.

В Болгарии торжественно было отмечено 175-летие Московского университета (в Татьянин день, 25 января 1930 г.). Число ученых-выпускников этого университета в стране тех лет оказалось внушительным (71 болгарин, 31 русский). В сентябре 1930 года в Софии состоялся *Пятый съезд русских академических организаций за рубежом* (при участии 93 ученых), а в сентябре 1934 года – *Четвертый конгресс византистов*, на который прибыли видные русские: А. А. Смирнов, Г. А. Острогорский, А. В. Соловьев, Н. Л. Окунев, Е. А. Ляцкий, В. А. Погорелов, А. Н. Грабар и др.

Четвертая глава первой части книги посвящена искусству русской эмиграции в культурной жизни Болгарии 20–30-х годов и

занимает внушительных 136 страниц. В ней представлены драма, опера, симфоническая музыка, балет, живопись, хоровое искусство, эстрада, русские театральные труппы и творческие объединения. Автор рассматривает деятельность русских в двух аспектах: как вторжение-вхождение русского искусства в болгарскую культуру и как творческую деятельность внутри самой русской диаспоры в Болгарии. Непременное достоинство этой главы, как и всей второй части книги – насыщенность ссылками из болгарской и русскоязычной прессы, частной корреспонденции, отрывками воспоминаний, цитатами из рецензий, различных публикаций о русской эмиграции. Одновременно, книга представляет и своеобразный библиографический свод опубликованного по теме русской эмиграции в Болгарии.

М. Каназирска пишет: «В начале 1920-х годов русское искусство буквально волной залило Софию, Варну, Бургас, Перник, Хасково, Стара-Загору и др. [...] После Константинополя русским артистам Болгария была первым пристанищем на пути к Европе. Русское искусство в стране находило благоприятную почву – для болгар оно было отдушиной в послевоенном кризисе, а для русских – глотком родного».

Уже в 1920 году главным режиссером драмы Народного театра в Софии был назначен Исаак Ездрович Дуван-Торцов (после него – Юрий Дмитриевич Яковлев), главным дирижером оперы – Моисей Маркович Златин, а оперным постановщиком – Иван Владимирович Иванцов (оба сыграли исключительно важную роль в становлении национальной болгарской оперы), специалистом по танцам и оперным спектаклям – Елизавета Юльевна Андерсон. При софийском театре «Ренессанс» была создана Русская труппа с плеядой русских актеров.

Гастроли в Софии и провинциальных городах «Качаловской» труппы МХТ (35 спектаклей), театральных трупп Елены Полевицкой и Елизаветы Жихаревой, труппы «Гнездо перелетных птиц» Аркадия Аверченко, театра «Кривой Джимми» Николая Агнивцева, балетной труппы Марии Арцибушевой и труппы Маргариты Фроман, балетного дуэта Елизаветы Андерсон – Александра Кочетовского, солистов балета Викторины Кригер, Бориса Князева, Тамары

Карсавиной – превращались в праздники искусства в культурной жизни страны.

Заметный след в Болгарии начала 20-х годов оставили режиссеры, которые прочно обосновались в Софии: Борис Николаевич Эспе (последователь Рейнхардта) и Петр Михайлович Ярцев (театральный критик, режиссер и драматург, поклонник реформ Станиславского), оба были приверженниками обновления театра и противниками рутины. П. М. Ярцев заложил основы театра нового типа в Пловдиве (в 1924 г.), а через два года его дело там продолжил Б.Н. Эспе, прибывший в Пловдив из Городского театра в г. Русе.

В Софии возникли русские: «интимный» *Камерный театр «Под зеленой лампой»* (душой поэтических и артистических вечеров там стал актер Н. С. Барабанов) и *Театр миниатюр* (под руководством А. А. Волошина). С приездом из Константинополя оперных певцов Неркеса Гукасова и Ады Ард при театре «Ренессанс» была создана оперная труппа русских певцов, гастролирующая в Пловдиве. Создание Городской оперы в этом городе (в декабре 1922 г.) неразрывно связано с именем драматического тенора Н. Гукасова (директора, режиссера, солиста) и ряда русских оперных певцов. В Софии, уже в 1920 году, свои спектакли показывали две русские оперетные труппы: «Ша нуар» и труппа Елизаветы Кушнер.

В зале Высшего художественного училища в Софии художники, временно оказавшиеся в стране, выставляли свои работы: П. А. Нилус, Е. Б. Дункель, О. М. Вивденко, Н. Д. Миллиоти. Писатель Александр Митрофанович Федоров демонстрировал свои горные пейзажи в зале городского казино.

М. Каназирска подмечает важный факт, что после первых лет изгнанничества: «второй этап жизни русского искусства и культуры в Болгарии (1923–1940) стал более ровным и плавным, из-за иного отношения правящих политических кругов к русской диаспоре. [...] Привлечение представителей русской художественной интеллигенции в болгарские структуры искусства сопровождалось строгим подбором. [...] В середине 20-х годов обозначился тот момент, когда ставился вопрос не о *вторжении*, а о *вхождении* русского искусства в болгарскую культуру, [...] о возможности найти

благоприятное творческое поприще в инациональной духовной среде, которое позволило бы русским деятелям культуры создавать художественные ценности. Часто на перекрестке этих встреч болгарского и русского искусства рождались художественные явления, которые становились вехами в национальной культуре, обогащая ее духовное пространство: режиссерские успехи Н. О. Массалитинова в Народном театре, постановки классического репертуара Н. Д. Вековым и М. М. Златиным в Народной опере, иллюстрации В. В. Лазаркевича в детских книгах болгарских писателей, реставрация иконописи в болгарских храмах Н. Е. Ростовцевым, сценография Е. П. Ващенко в Свободном театре и Народной опере, эскизы и декорации Н. Б. Глинского для монументальных постановок русских пьес и опер».

Эта *первая тенденция* общения двух культур, несомненно, вела к поднятию общего художественного уровня болгарского искусства и давала возможность приглашать на гастроли талантливых людей из заграницы. Русские артисты приезжали уже не из России, а из Парижа, Милана, Берлина: Пражская труппа МХТ, Д. А. Смирнов, Н. В. Плевицкая, Ф. И. Шаляпин и др. *Вторую тенденцию* в движении русской культуры, утвердившуюся в ней после 1924 года, характеризовало сознание русской интеллигенции, что путь к родине навсегда отрезан, и встает вопрос о необходимости найти свое место в чужом духовном пространстве, возможность саморазвития и самосохранения. Об этой самостоятельности русской мысли, ее автономии и свободе выражения свидетельствуют издания множества русских газет, журналов (87) и книг, деятельность *Русско-болгарского издательства*, русские публичные библиотеки, Театр русской драмы, кружок «Баян» (в Варне и Софии). *Третью тенденцию*, как подмечает М. Каназирска, представляло осознание необходимости объединения русской художественной интеллигенции в творческие организации – писателей и журналистов, художников, Общества познания России, создание артистических секций, русских клубов, в целях сохранения национального самосознания. Русское искусство и культура в Болгарии непрерывно развивались, даже в условиях существующей цензуры и строгого контроля над творческими объединениями. В начале 30-х годов

некоторый урон этому нанес вспыхнувший экономический кризис, а с 1934 года – открытие дипломатического представительства СССР в Софии.

Много внимания автор книги уделяет русским театральным деятелям. Софийская критика и публика в те годы не были подготовлены к новизне и авангардным тенденциям в Европе. Поэтому предпочтение оказывалось театральному реализму и психологизму (как «новорусский стиль» в мировом театре), прочно утвердившимся в рамках Качаловской и Пражской трупп МХТ, гастролирующих в Болгарии (в 1920–1922, 1924–1926, 1930–1931 гг.).

В ноябре 1923 года должность главного режиссера Народного театра занял Иосиф Адамович Осипов-Сайфер, в 1925–1926 годы он стал режиссером новосозданного Болгарского художественного театра, а в 1927–1931 годы – Бургасского общинного театра. В 1925 году произошло важное событие: Николай Осипович Массалитинов, актер и режиссер Пражской труппы МХТ, принял предложение Народного театра в Софии и до конца своей жизни связал с ним свою деятельность. За время своей работы главным режиссером Народного театра (1925–1948) он поставил более ста пьес, а до конца пребывания в нем (1956) – более 140. «Чудо», «волшебство», «торжество», «праздник» – такими определениями выражали свой восторг и оценивали работу русского режиссера критика и зрители. Как отмечает М. Каназирска: «Значение деятельности этого последователя К. Станиславского в Болгарии можно квалифицировать и по-другому: театр Массалитинова вызвал взрыв в истории болгарской культуры, он положил начало новому этапу в развитии театрального дела, он стал ориентиром, мерой художественной величины театральных достижений». Первым делом Массалитинов приступил к подготовке театральных кадров и учебе в Драматической школе, созданной им при театре, к выбору сбалансированного репертуара классики и современной драматургии, к сотрудничеству с болгарскими авторами. На этом его пути не только возникали трудности, но и сопротивления, вплоть до попыток увольнения из театра.

В Софийском Народном театре в 1933–1938 годы пьесы ставил и Юрий Дмитриевич Яковлев, вернувшийся из Риги в

Болгарию. Он стал художественным руководителем Музыкального театра, ставил оперетты и пьесы – в Кооперативном и Художественном театрах столицы, в Пловдивском и Бургасском театрах.

Помимо упомянутых М. М. Златина и И. В. Иванцова, с 1922 года режиссером и постановщиком новосозданной Государственной народной оперы стал Николай Дмитриевич Веков (бывший солист оперного театра С. И. Зимина в Москве). Его совместная работа с М. М. Златиным существенно повлияла на выбор верного пути развития оперного искусства в Болгарии. Их дело в 1925–1927 годы продолжил Юрий Николаевич Померанцев (ученик С. И. Танеева, А. Н. Скрябина и Артура Никиша), в должности главного дирижера и художественного руководителя оперного театра. При его руководстве в Софии гастролировали солисты с мировым именем, в театральном сезоне 1927/28 состоялись гастроли И. А. Добровейна, дирижера Дрезденской оперы, который в 1935 году дирижировал и несколькими столичными симфоническими концертами. Особое значение в Софийской опере имели русские солисты, при постоянном ангажементе тенора Константина Ивановича Каренина (бывшего солиста Донского казачьего хора С. А. Жарова) и баса Евгения Федоровича Ждановского (бывшего солиста московской частной оперы С. И. Зимина).

Параллельно со становлением Народной оперы в Софии не без русского участия шло и развитие симфонического дела в Болгарии. М. Златин и Ю. Померанцев были одними из первых дирижеров Болгарской народной филармонии (первый концерт, состоявшийся 4 апреля 1924 г. под управлением Златина, включал произведения Чайковского, Римского-Корсакова, Лядова и Скрябина!). Существенным штрихом музыкальной жизни Софии являлась музыкальная критика Леонида Владимировича Гончарова, компетентного сотрудника русской газеты «Голос». Позднее, его сын, Дмитрий Леонидович Гончаров, также внес весомый вклад в музыкальную культуру страны – после войны руководил хором Народной оперы, преподавал дирижирование в Болгарской консерватории, писал руководства по методике музыкального исполнительства.

Первая попытка реформировать балетное искусство в Болгарии, вернее поставить его на правильную основу, принадлежала Вере Мухиной-Померанцевой. По причине недолголюбивания иностранных артистов частью болгарской культурной элиты, ей помешали в намерениях и даже сорвали их. Рождение классического балета в Болгарии историки связывают с именем болгарского балетмейстера Анастаса Петрова. Однако он был под сильным влиянием русского искусства, очарован балетными выступлениями М. Юрьевой (в 1922 г. в Варне), учился в Берлине у балетного педагога Е. П. Эдуардовой, бывшей солистки Мариинского театра. Помощницей в его балетной школе (1927) стала балерина Анна Митрофановна Воробьева, получившая известность в балетных труппах Парижа (ученица и ассистентка Брониславы Нижинской в Москве). В 1934 году А. Воробьева открыла свою балетную студию в Софии, из которой выросло будущее поколение болгарского балета. После войны она стала хореографом и балетмейстером оперных театров в Стара-Загоре и Пловдиве, а также и на других сценах страны. Как самая выдающаяся русская балерина в Болгарии выделилась Елена Александровна Воронова (с 1945 г. солистка парижских «Опера комик» и «Гранд опера», Балетной труппы Монте-Карло, позднее в Монреале имела собственную балетную студию).

Концертную жизнь в Болгарии обогащали и выступления многочисленных русских хоров. Образцом такого искусства было пение Донского казачьего хора С. А. Жарова. До своего отъезда из страны (в марте 1922 г.), хор пел в русской посольской церкви в Софии. Своими художественными достоинствами в столице выделялись Русский церковный хор А. Р. Савельева-Ростиславича и Русский народный хор С. Д. Игнатьева. *Театр русской драмы* Екатерины Николаевны Базилевич в Софии и *Кружок любителей сценического искусства «Баян»* в Варне, под руководством К. Ф. Мельникова (который позднее обосновался в Софии) стали очагами культурной жизни в этих русских колониях.

Общество писателей и журналистов в Болгарии возникло уже в 1921 году. Его членами были Е. Н. Чириков, А. Т. Аверченко, Л. Н. Столица, В. В. Шульгин, И. С. Лукаш и др. Первым председателем

был избран А. М. Федоров. Вскоре многие члены уехали из Болгарии, и в мае 1926 года было создано новое общество, возобновившее свою деятельность в 1930 году при председателе А. М. Федорове (старейшем писателе). Его членами состояли: поэтесса Любовь Столица, режиссер Н. О. Массалитинов, историк П. М. Бицилли, театральный критик Вера Пушкарева и ряд журналистов русских газет.

М. Каназирска сетует, что литературное наследие и архивы П. М. Бицилли, А. М. Федорова, Л. Н. Столицы, П. М. Ярцева и ряда других деятелей культуры в Болгарии попали в советские, позднее – российские архивы (Рукописный отдел Пушкинского дома, Фонд русской культуры, РГАЛИ, ГАРФ), а некоторые всё еще хранятся в частных собраниях (архив В. В. Пушкаревой), что они до сих пор недостаточно востребованы, а большинство из собраний всё еще не описано, что не дает возможность полнее осветить жизнь и деятельность видных представителей русской эмиграции. И вот, именно к этому стремится автор во второй части своей книги – в семи главах обстоятельно представлены портреты и болгарский период их жизни: А. М. Федорова, молодого А. Н. Грабара, раннего Г. В. Флоровского, П. М. Бицилли, П. М. Ярцева, Н. О. Массалитинова, В. В. Пушкаревой и Н. А. Котляревского, К. Д. Бальмонта.

А в последнем разделе книги («Приложения») автор публикует тексты из старой периодики и документы, отложившиеся в архивах и собраниях: письма академика Н. П. Кондакова; доклад об Иване Бунине профессора Б. Пенева (из 1920 г.) и письма И. А. Бунина к Б. Пеневу; статью А. Федорова о злочлечениях Бунина в Болгарии (из 1935 г.); письма К. В. Мочульского профессору В. Златарскому; материалы о П. Б. Струве, связанные с Болгарией; письма А. Н. Грабара профессору В. Златарскому; отрывок магистерской диссертации Г. В. Флоровского о философии Герцена и его рукопись «Достоевский и Европа» (из 1922 г.); статью «Болгарские монастыри» А. М. Федорова, его воспоминания о С. Чилингиrove и главы из неопубликованного автобиографического романа-трилогии; материалы, связанные с театральным деятелем Н. О. Массалитиновым, включая его неопубликованные воспоминания о

К. Станиславском (из 1939 г.); «Личные впечатления и воспоминания о Станиславском» В. В. Пушкаревой; письма А. Н. Ремизова Н. Балабанову (из 1929 г.).

Представляя большой труд М. Каназирской, насыщенный фактами и сведениями о деятельности и жизни самых видных представителей русской интеллигенции в Болгарии (одновременно и данными о болгарской интеллигенции), у нас нет возможности подробнее остановиться на обзоре второй части книги, дополняющей сведения о русских, упоминаемых автором в предыдущей части.

Ограничимся несколькими общими замечаниями:

Вопреки указанию автором строгих временных рамок (1920–1940), в книге мелькают и события послевоенных лет, в эпизодах судеб «белоэмигрантов», продолживших свое проживание в стране с измененным государственным строем, или когда речь заходит об их наследии. Без какой-либо идеологической предвзятости, М. Каназирска не затушевывает горькие факты. Приводим несколько цитат:

«Спустя 80 лет нам хочется спросить: будет ли напечатано наследие П. М. Ярцева, к которому особый интерес проявил первый советский посол в Болгарии Ф. Ф. Раскольников и вывоз его из Болгарии в 1933 г., изъяв его со скандалом (остро реагировали русские эмигранты) из фонда Народной библиотеки в Софии?».

Об А. М. Федорове: «В 1937 г. [в СССР] была репрессирована его жена, в 1945 г. в Бухаресте его сын был арестован и отправлен в сибирский лагерь, откуда ему так и не суждено было вернуться. [...] Похороны писателя [в апреле 1949 г. в Софии] были более чем скромны. В новой политической ситуации русская колония боялась появиться в кладбищенской церкви».

«С конца 40-х годов до самой смерти (1953) Бицилли пришлось познать до конца горечь незаслуженного пренебрежения со стороны установившейся в сентябре 1944 г. власти «народной демократии» в Болгарии: как «буржуазный ученый» он был подвергнут настоящей травле, после чего огромное и невероятно разнообразное его наследие на несколько десятилетий оказалось вне поля зрения болгарской науки, а на его книги и труды легла печать запрета – их боялись даже упоминать. [...] Наконец, архив его, с 1977

г. находившийся в Пушкинском Доме, описан. Однако литературное наследие А. М. Федорова (переданное в 1989 г. в Фонд русской культуры), Л. Н. Столицы (архив отправлен в 2004 г. в РГАЛИ), В. В. Пушкаревой (частная коллекция) и по сей день продолжают оставаться в забвении».

«Долгие годы в истории Народного театра обходился молчанием факт эмигрантской биографии Массалитинова».

И всё же, в книге, посвященной видным деятелям русской интеллигенции, связавших свою судьбу со столицей Болгарии, нам хотелось больше узнать об их деятельности и жизни в военной и послевоенной Болгарии, а также и о культурной деятельности других русских, с 1920 года осевших в провинции этой страны. Например, об объеме деятельности «провинциалов» на педагогическо-воспитательном плане в учебных заведениях, управлении церковными и любительскими хорами, работе в болгарских самодеятельных кружках, издательской деятельности, искусстве, музыке, архитектуре. Местная периодика и русская пресса в Болгарии, не сомневаемся, отмечала эти явления, и на их основании можно сделать интересные выводы, вписывающиеся в проблему российской интеллигенции в Болгарии. А исследование не ограничивать 1940 годом!

Изучая деятельность и вклад русской эмиграции в культуру и хозяйство Югославии, нам было интересно наблюдать многие идентичные явления в этих соседних странах – вклад русских в развитие балетного искусства, хореографии, педагогики (София, Пловдив – Белград, Загреб, Любляна, Нови-Сад, Марибор), создание первых городских оперных трупп (Пловдив – Сплит, Нови-Сад), реформирование национальных театров в столицах (София – Белград) и в провинции (Пловдив, Русе, Бургас – Нови-Сад, Сараево, Скопье), размах русской профессуры в университетах (София, Варна – Белград, Загреб, Любляна), объем вклада русских художников, дирижеров, певцов, актеров... . Лично нам интересно было бы (из болгарских источников) узнать об адаптации, деятельности и дальнейшей судьбе представителей части «югославской» русской интеллигенции, принявшей после 1945 года советское гражданство в ФНР Югославии, а в годы после «Резолюции Информбюро» (1948)

арестованных и изгнанных в НР Болгарию. Было их немало. Надеемся, этой теме еще будут посвящены работы.

Нам не пришлось познакомиться с трудами на болгарском языке Цветаны Кьюсевой. *България и руската емиграция 20-те-50-те години на XX в.* (София: INIR, 2002) и со сборником *След пожара в Русия. Руската емигрантска литература и изкуство в европейски контекст: Научно и културно наследство на руската диаспора в България* (Велико Търново: Ивис, 2012), как и с книгой-альбомом *Русское зарубежье и Болгария: история и современность* (София: Русский академический союз в Болгарии, 2009), но в сравнении с двумя книгами московских исследователей – Н. М. Вагаповой. *Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах: Очерки* (Санкт-Петербург: Алетейя, 2007) и В. И. Косика. *Русские краски на балканской палитре: Художественное творчество на Балканах, конец XIX – начало XXI века* (Москва: Институт славяноведения РАН, 2010) – русская книга Маргариты Каназирской значительно богаче их: по содержанию, объему и затронутых в ней темах. Достаточно упомянуть, что в Указателе имен более 1650 персоналий.

Опубликованный на русском языке в Болгарии, труд М. Каназирской прекрасно освещает значительный сегмент культуры Русского зарубежья в балканской стране, после вековой отсталости и войн, стремившейся скорее приобщиться к европейской культуре, но и взлелеять национальную.

Алексей Борисович Арсеньев
Нови-Сад, Сербия

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ СЕРБСКИХ РУСИСТОВ

Предраг Пипер. ЛИНГВИСТИЧКА СЛАВИСТИКА. СТУДИЈЕ И ЧЛАНЦИ. О СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ. ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ. Београд: Славистичко друштво Србије, 2014. – 472 с.

Данная книга, изданная Обществом славистов Сербии, представляет собой подборку статей известного сербского русиста и сербиста, академика Сербской академии наук и искусств, профессора Предрага Пипера, посвященных славянским языкам и славяноведению. По своей концепции она похожа на предыдущую книгу автора *Лингвистичка русистика* (Белград: Филологический факультет, 2012). Часть работ, представленных в этой книге, публикуется впервые, другая часть – была уже опубликована, при этом некоторые из них – в трудно доступных заграничных изданиях.

Книга состоит из семи частей: *Начало, Теоретические вопросы изучения славянских языков, Сербский язык, Сопоставление, Обзоры, Писатели и язык, Рецензии*. В первой части автор повторно публикует свои статьи, возвращающие нас к началу славянской письменности (о труде святых Кирилла и Мефодия), истокам сербской государственности (о происхождении имени Неманя) и началу сербской университетской русистики (о профессоре Платоне Кулаковском).

Вторая часть книги, *Теоретические вопросы изучения славянских языков*, содержит три исследования (первое фокусируется на речевом событии в теолингвистическом освещении, второе – на грамматике выражения границы в славянских языках, а третье – посвящено поэтической филологии, т.е. поэтическому восприятию языка).

Третья часть посвящена вопросам сербского языка (его перспективам развития, стратегии языковой политики, выражению оптативности и грамматикализации сербских феминативов). В четвертой части автор фокусируется на вопросах выражения определенных значений в разных славянских языках (градуальные значения, реципрокные и рефлексивные значения, внутренняя

определенная референциальность, выражение исключения) и на вводных диалогах.

В пятой части дается обзор тем по славянской филологии в Матице сербской, анализируется содержание неизвестных тетрадок с университетскими лекциями В. Ягича, рассматриваются когнитивно-лингвистические исследования в сербской среде и процесс глобализации с языковой точки зрения в славянских странах.

Следующая часть книги посвящена анализу языка и стиля четырех сербских писателей и поэтов, а последняя часть предлагает вниманию читателей рецензии автора на книги, монографии, журналы, грамматики, словари, энциклопедии по славянским языкам, а также выступления автора по поводу юбилеев разных культурных и образовательных славистических учреждений и организаций. В качестве приложения к книге добавлена статья *Говорник као смртник и самртник*, в которой с точки зрения теории речевых актов рассматривается речевая ситуация человека, находящегося непосредственно перед смертным часом.

Сборник избранных работ академика П. Пипера свидетельствует о большой эрудиции автора, исключительно редком познании славянских языков и науки о славянских языках, строго и четко проведенном научном анализе языковых фактов и огромной любви к предмету своей деятельности.

Ксенија Кончаревић. РУСКИ ЈЕЗИК У КОМУНИКАЦИЈИ И МИСИЈИ ЦРКВЕ. ФУНКЦИОНАЛНИ СТИЛОВИ. РЕСУРСИ. ЖАНРОВИ. Београд: Православни богословски факултет, 2014. – 375 с.

Из-под пера известного сербского русиста Ксении Кончаревич, профессора филологического и богословского факультетов Белградского университета, автора многочисленных статей по методике и теолингвистике, автора *Русско-сербского и сербско-русского богословского словарей* (совместно с М. Радовановичем) в конце 2014 года выходит учебник, адресованный студентам-богословам.

Первая часть учебника посвящена основным категориям функциональной стилистики, т.е. понятию функционального стиля и решению проблемы существования и обоснования сакрального функционально-стилистического комплекса.

Во второй части предлагается обзор функциональных стилей в церковной сфере (административно-деловой, журнально-публицистической и художественной), причем для каждого из стилей сначала дается общая характеристика, особенности данного стиля с точки зрения определенных языковых уровней, а потом приводится описание разных специфических подстилей и жанров в деятельности Церкви и многочисленные примеры и задания для студентов.

Третья часть книги предлагает обзор ядерных сакральных жанров (молитвы, послания и проповеди), их описание в лингвостилистическом аспекте и изобилие примеров данных жанров с заданиями для студентов.

Учебник *Руски језик у комуникацији и мисији Цркве. Функционални стилови. Ресурси. Жанрови* свидетельствует о большом лингвистическом, научном и методическом опыте автора. Хотя книга адресована студентам-богословам, она, мы в этом уверены, поможет любому заинтересованному русисту овладеть и данным аспектом существования русского языка.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕРБСКИХ ЛАВИСТОВ. Белград: Филологический факультет, 2015. – 605 с.

В 2015 году Филологический факультет Белградского университета при поддержке Министерства культуры и информации Республики Сербии и Министерства иностранных дел Республики Сербии в библиотеке *Язык и литература* опубликовал сборник *Русский язык в исследованиях сербских славистов*. Составители сборника академик Предраг Пипер и профессор Ксения Кончаревич в предисловии сообщают о том, что их целью было «познакомить российскую и международную научную общественность с историей и актуальными направлениями в сербской лингвистической русистике». Все работы сгруппированы в два раздела. Первый, теоретический, предлагает следующие статьи: Ксения Кончаревич,

Дара Дамлянович, *Русский язык в Сербии: традиции и современность*; Предраг Пипер, *О сопоставительных исследованиях русского и сербского языков*; Радмило Мароевич, *О типологии русского и сербского языков*.

Во втором разделе рассматриваются более частные вопросы русско-сербских сопоставительных исследований. В нем представлено 30 работ современных сербских русистов и сербистов, представителей университетов Сербии, Республики Сербской и Черногории, а также работающих в зарубежных вузах.

Составители надеются на то, что публикация «будет способствовать интенсификации научных изысканий в области русистики, сербистики и сопоставительной лингвистики, развитию методологии сопоставительного и типологического анализа славянских языков, и что обмен информацией в международном научном пространстве послужит дальнейшему углублению сотрудничества российских и сербских лингвистов».

**РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСЛАВЯНСКИЙ. Вып. VII. Београд:
Славистичко друштво Србије, 2015 – 274 с. ISSN 1821-3146**

Седьмой выпуск журнала Общества славистов Сербии *Русский язык как инославянский* (2015 год) под редакцией профессора Ксении Кончаревич на 274 страницах предлагает вниманию читателей (славистов, русистов) разнообразный материал в нескольких рубриках. Рубрику *Лингвистика* открывают три статьи, освещающие проблемы сакрального стиля русского языка (Прохватилова О. А. О видах коммуникации в религиозной сфере общения; Бугаева И. В. О лексеме «икона» с семантического и словообразовательного аспекта; Перова Е. Ю. О церковнославянском языке в контексте семантического поля культуры). Другие 3 статьи по языкознанию посвящены лингвогеографии, специальной лексике в русском языке в историческом и сопоставительном аспектах, выражению причинных отношений в русской и чешской прессе.

Рубрика *Лингводидактика* содержит 12 статей русских, сербских, болгарских, польских и македонских методистов, посвященных разным аспектам изучения русского языка как

инославянского (в славянской среде, на фоне иного славянского как родного). Е. М. Маркова на материале лексики русского, чешского и словацкого языков демонстрирует особенности группировки лексики, учитывая трудности, возникающие у славян при изучении русского языка (асимметрию словообразовательных и фразеосемантических гнезд, межъязыковую омонимию и полисемию, различия в синтагматике общих лексем, лингвокультурную специфику вторичных наименований). А. К. Гадомский и К. Кончаревич занимаются проблемами обучения русскому языку в богословских учебных заведениях в своих средах. Н. В. Кулибина в своей статье предлагает вниманию русистов новый проект Института русского языка им. А. С. Пушкина по дистанционному повышению квалификации преподавателей.

В рубрике *Лингвокультурология и диалог славянских культур* представлены три статьи: В. А. Масловой (Лингвокультурология в аспекте преподавания языков), Н. Брайкович (Культурологический аспект в преподавании и в учебниках русского языка как иностранного) и А. Йович (Русские белоэмигранты в Лесковацком крае после 1917 года).

Кроме двух традиционных рубрик (*Новая литература по русистике* и *Мероприятия и события*) в последнем номере журнала *Русский язык как инославянский* можно найти и библиографии кандидатских и докторских диссертаций по методике преподавания русского языка, защищенных на филологическом факультете Белградского университета (составил С. Петрович).

Биляна Марич
Белградский университет,
Белград, Сербия

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ:

Сб. науч. тр. по материалам Первой совместной международной филологической конференции Тамканского университета (Тайвань-КНР) и Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) 4 – 7 декабря 2014 г. Тайвань: Изд. Фак.русского языка и литературы ТКУ, 2015 г. – 358 с. ISBN 978-986-5982-99-7, эл. версия: <http://www.tflux.tku.edu.tw/>

В сборнике представлены результаты научных исследований ученых и аспирантов по материалам Первой совместной международной филологической конференции Тамканского университета (ТКУ) и Дальневосточного федерального университета (ДФУ) **«РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ – 2014»**, проведенной в г. Тайбэй, Тайвань, 4 – 7 декабря 2014 года. Особенностью проведения мероприятия было совмещение двух форм участия – виртуальной и очной, благодаря чему конференция превратилась в представительный международный форум, на котором состоялся обмен мнениями по самым актуальным вопросам современной лингвистики, лингводидактики и литературоведения. На форуме были представлены различные организации из разных стран: **Болгарии, Китайской Народной республики (Тайваня), России, Украины, Японии**. Россия была представлена учеными из Белгорода, Владивостока, Владикавказа (Северная Осетия-Алания), Санкт-Петербурга, Уссурийска.

Сборник предназначен для научных работников и преподавателей высших учебных заведений. Содержит богатый материал, который может использоваться при преподавании русского языка как иностранного (РКИ). Сборник состоит из предисловия и двух частей, статьи которых расположены в алфавитном порядке имен авторов. Предисловие составлено Деканом факультета русского языка и литературы ТКУ, к.ф.н. доцентом Су Шву-Янь (Мариной Су).

Часть I «Литературоведение» состоит из 11 статей. Статья *Е.О. Кирилловой* (ДВФУ, Россия) «Восточные темы, мотивы, образы в творчестве поэта и прозаика русской дальневосточной эмиграции Михаила Щербакова» посвящена творчеству писателю-эмигранту, представителю русской дальневосточной эмиграции и дальневосточному литературному зарубежью. Статья *М.С. Киселевой* (ДВФУ, Россия) «К проблеме взаимодействия европейской и азиатской картин мира (образ Владивостока в современном фольклоре)» содержит богатый материал об образе современного Владивостока, воспринимаемого его жителями как центра взаимодействия России и стран АТР.

Интерпретации образа Иуды Искарриота в одноименной повести Леонида Андреева посвящена статья *О.С. Кравчук* (Северо-Осетинский гос. у-тет, Россия) «Образ Иуды Искарриота в повести Леонида Андреева: архетипическое и новаторское». Разрушая архетипические черты Иуды как предателя, русский писатель создает собственную мифологию, библейский миф становится неомифом.

Сопоставляя китайские и русские народные волшебные сказки, *Т.В. Краюшкина* (ДВФУ, Россия) в своей статье «Межличностные отношения как составляющая национальной картины мира в китайских народных волшебных сказках (в сравнении с русскими народными волшебными сказками)» выявляет сходства и различия мировосприятия китайцев и россиян.

В статье *К.Е. Миягава* (Токийский у-тет, Япония) «Проблемы импрессионизма в русской литературе» исследуются импрессионистические черты пейзажа в произведениях И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, К.Г. Паустовского. *О.В. Московский* (У-тет китайской культуры, Тайвань) освещает в своей статье «Философский дискурс поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»» комплекс проблем онтологического, гносеологического и этического характера, содержащихся в философской притче. Сопоставительному анализу концепта «счастье» в русском и китайском художественном сознании посвящена статья *Т.Ф. Панченко* (ДВФУ, Россия) «Представление о счастье в русском и китайском художественном сознании».

(сопоставительный анализ произведений А.П. Чехова «Счастье» и Лу Синя «Моление о счастье»).

Проблемы переводной литературы проанализированы в статье *Е.А. Первушиной* (ДВФУ, Россия) «Русская переводная сонетиана Шекспира как явление межкультурной коммуникации». В статье *И.В. Соколовой* (ДВФУ, Россия) «Коммуникативные аспекты читательской рецепции произведений современной литературы» рассматриваются проблемы читательской рецепции на материале произведений современных русских, китайских, корейских и японских писателей. Пьесе А.Н. Островской «Бесприданница» посвящена статья *Н.Д. Стрельниковой* (Санкт-Петербургский Электротехнический у-тет, Россия) «Пьеса А.Н. Островского «Бесприданница» и ее интерпретация».

Очерковая проза, в частности, широкий тематический диапазон «Уссурийских рассказов» *Н.М. Матвеева-Амурского*, известного дальневосточного писателя, издателя и общественного деятеля, освящены в статье *Л.Е. Фетисовой* (ДВФУ, Россия) «Этнографическая проза *Н.П. Матвеева-Амурского*».

Часть II «Лингвистика и методика преподавания РКИ» состоит из 13 статей.

Методике преподавания РКИ посвящены четыре статьи. В статье *О.Н. Лагутой* (Гос. у-тет Чжэнчжи, Тайвань) рассматриваются проблемы преподавания русского конфессионального подъязыка магистрантам-инофонам. Проанализированы особенности деноминационной лексики и способы преодоления трудностей в понимании магистрантами этой лексики на занятиях в рамках курса «Лингвокультурология».

Формированию текстовой компетенции в области официально-делового текста в рамках международного научного русско-болгарского проекта посвящена статья *Д.С. Лесневской* (Университет национального и мирового хозяйства, Болгария) и *О.П. Сологуб* (Национальный у-тет, Тайвань) «Формирование текстовой компетенции в сфере официально-деловой письменной коммуникации на занятиях РКИ». Рассмотрена структура русского и болгарского коммерческих писем, обеспечение связности и жанрово-стилистическое оформление текстов в сопоставительном плане.

Учебные виртуальные экскурсии исследуются в статье *Т.В. Пахалковой-Соич* (Харьковский национальный университет радиоэлектроники, Украина) и *Н.Г. Ивановой* (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина) «Облегчение процесса социокультурной адаптации путем знакомства со страной обучения, ее культурой и историей: учебные виртуальные экскурсии». Использование видеоматериалов на уроках РКИ рассматривается в статье *Е.А.Тарлышевой* (Центр обучения и тестирования по РКИ филиала ДВФУ, Россия) «Обучение грамматике с использованием видеоматериалов (мультфильмы)».

Стилистическим и текстологическим вопросам посвящены статья *Т.Е. Найденой* (Тамканский у-тет, Тайвань) «Стереотип или творчество? К вопросу о стилистической и прагматической функциях номинативных цепочек в современном художественном тексте», статья *А.В. Савченко* (Национальный у-тет Чженчжи, Тайвань) «Сфера спорта как источник «новой фразеологии» современного русского языка» и статья *И.Н. Токарчук* (ДВФУ, Россия) «К вопросу о стилистических функциях частиц (на материале рекламных текстов)».

Актуальные вопросы лингвистики освещены в статьях *Ван Син-Синь* (Белгородский нац. у-тет, Россия) «Специфическая классификация междометий в русистике», *Е Сян-Линь, Цзей-Хуэй-Фень* (Нац. у-тет Чжэнчжи, Тайвань) «Употребление перцептивной метафоры в описании ситуаций смеха и улыбки в русском языке», *Е Сян-Линь, Цай Цзи-Юнь* (Нац. у-тет Чжэнчжи, Тайвань) «Метафорическое описание эмоций в русском языке (на примере семантического поля «радость»» , *С.А. Зарецкой* (Тамканский университет, Тайвань) «Структурные типы атрибутивных образований в русском и английском языках», *Т.В. Конченко* (ДВФУ, Россия) «Некоторые аспекты функционирования лексикализованной предложно-падежной словоформы «во многом»», *Г.Н. Сергеевой* (ДВФУ, Россия) «Лексикализованная предложно-падежная словоформа «в сухом остатке» как единица актуальной лексики».

Обсуждаемый сборник представляет собой прекрасно оформленную книгу. Благодаря финансированию Тамканского университета, МИД Тайваня и Министерства науки Тайваня сборник

опубликован в качестве НАУЧНОГО ЖУРНАЛА: все статьи получили две рецензии. В состав рецензентов входят известные профессора: *В.А. Виноградов, М.А. Литовская, Л.П. Кудреватых, В.В. Малявин, Д.Г. Демидов, А.А. Писарев* и др. Ответственный Редактор сборника: к.ф.н., доц., декан факультета русского языка Тамканского университета *Марина Су*, ответственные секретари редакционной коллегии: к.ф.н. *С.А. Зарецкая* и к.ф.н., доц. *Джан Цин-го*.

В заключение следует отметить, что благодаря проведенной международной конференции и вышедшему в свет Сборнику Тамканский университет превратился в один из центров современной научной, лингвистической и литературоведческой мысли. Желаем дальнейших творческих успехов!

Димитрина Спасова Лесневска
УНСС
София, Болгария

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: «ЛИНГВИСТИКА И
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ».**

Вып. №4 (18), 2015. Воронеж: Изд. Воронежского ГАСУ,
2015. – 298 с. ISSN 2305-5146, эл. версия:
<http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/lingvistika/DocLib1/Forms/AllItems.aspx; 18-4-2015>

Научный вестник №4(18), 2015, серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» подготовлен к изданию коллективом кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГАСУ.

Данный выпуск содержит материалы **Международной научной конференции «ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ»**, состоявшейся 8 – 10 октября 2015 г. и посвященной 85-летию

Воронежского государственного архитектурно-строительного университета и 25-летию Кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГАСУ.

В конференции приняли участие преподаватели русского языка из России (Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Липецк, Москва, Набережные Челны, Оренбург, Смоленск, Тамбов, Тюмень, Элиста, Якутск), а также из Болгарии, Вьетнама, Индии, Китайской Народной Республики, Монголии, Украины. Заседания проводились в рамках четырех секций: 1. Актуальные проблемы современной лингвистики; 2. Язык как отражение духовных и этнокультурных ценностей; 3. Аспекты изучения художественного текста; 4. Традиции и инновации в преподавании русского языка в высших и средних учебных заведениях. В дни конференции были проведены мастер-класс по литературному анализу, а также круглый стол «Современные проблемы в исследовании и преподавании русского языка и литературы».

Обсуждаемый Научный вестник (вышедший в бумажном и электронном виде) состоит из вступительного слова главного редактора и четырех разделов: лингвистики (16 статей), методики преподавания языков (14 статей), аспектов изучения художественного текста (14 статей), лингвокультурологии (18 статей). В своем вступительном слове главный редактор, доктор фил. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации ВГАСУ, почетный работник высшего профессионального образования РФ *Л.В. Ковалева* подчеркивает актуальный характер и научную новизну представленных научных работ.

В первом разделе «Лингвистика» развернутому анализу подвергается целый спектр вопросов лингвистики (фонетика, морфология, синтаксис) стилистики (статус репортажа и экспрессивные синтаксические конструкции в современной публицистике), контрастивной лексикологии (межъязыковые русские и английские соответствия), текстологии (связность текста), терминологии (особенности украинской строительной терминологии), социолингвистики (арго и военный сленг в русском и английском языках), диалектологии (особенности говора в

Воронежской области) , топонимии (роль аффиксов в русской топонимии) и др. Так, грамматике наречий посвящена статья Ф.И. Панкова (Москва, Россия), обособлению деепричастного оборота – статья Т.Ю. Кудрявцевой (Воронеж, Россия), сопоставительному анализу болгарских и русских бессоюзных сложных предложений – статья А.А. Градинаровой (София, Болгария), связности текста – статья А.В. Барановой (Москва, Россия).

Во втором разделе «Методика преподавания языков» рассматривается широкий круг вопросов, касающихся сертификационного тестирования, межкультурной коммуникации (диалог иноязычной и родной культуры) на занятиях РКИ, использования компьютерных технологий при обучении РКИ, формирования информационной и письменной компетенций, методики работы с художественным текстом, профессионального развития будущих педагогов, культуры речи, психолингвистики и др.

В статье Л.П. Клобуковой (Москва, Россия) анализируются требования к содержанию комплексного экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства РФ. Статья И.И. Яценко (Москва, Россия) посвящена культуроведческой проблеме взаимосвязи литературы, истории и других сведений о России в процессе преподавания РКИ. Объектом исследования статьи Л.В. Сычевой (Воронеж, Россия) является письменная речь и деловой этикет в методике преподавания РКИ.

В статье Е.Ю. Сычевой и Ю.Б. Жидковой (Воронеж, Россия) типичные речевые ошибки в профессиональном общении подвергаются тщательному анализу. Авторами подчеркивается важность речевой интенции, условий конкретной ситуации общения.

В третьем разделе «Аспекты изучения художественного текста» освещаются самые разнообразные исторические и теоретические вопросы литературоведения: проблема соотношения сюжета и мотива как нарративных структурных элементов в современном литературоведении (М.С. Краснякова – Воронеж, Россия); цитация в художественном тексте как средство формирования особого лингвокультурологического пространства (Т.Л. Ревякина – Воронеж, Россия); универсальные категории в русской лирике XVIII – XIX веков (на примере категории

«страшное») (О.В. Сулемина – Воронеж, Россия); эстетическая ономастика и ее функции в художественном тексте и интертексте (на материале произведений французской литературы) (Н.В. Меркулова – Воронеж, Россия); особенности взаимодействия языка художественных произведений с книжными стилями русского языка (А.В. Маслова – Воронеж, Россия).

Топонимам в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» посвящена статья Юдиной Т.А. Автор выделяет различные виды топонимов и объясняет их значение, ссылаясь на топонимические словари и современные исследования лингвистического краеведения.

Творчество имажинистов серебряного века (стихотворения А. Мариенгофа и С. Есенина в журнале «Сирена») исследуется в статье М.Н. Новикой (Воронеж, Россия). Именно на страницах журнала «Сирена» в 1919 г. в г. Воронеже появилась декларация имажинистов, в которой было объявлено о рождении новой школы «имажинизма».

В четвертом разделе «Лингвокультурология» излагаются различные лингвокультуроведческие вопросы теоретического и прикладного характера: проблемы национальной культуры в зеркале языка (С.И. Кузьминская – Москва, Россия), фразеологические концепты и их реализация в языках мира (Л.В. Ковалева – Воронеж, Россия), гендерная коммуникология: от теории к практике (Н.Н. Коростолева – Москва, Россия), особенности современной профессиональной журналистики (И.К. Матей – Воронеж, Россия), этнокультурная семантика терминальных отрезков времени (С.М. Белякова – Тюмень, Россия), аборигенный фольклор старожилов в Якутии (О.И. Чарина – Якутск, Россия), лингвокультурная специфика универсального концепта «ресторан» (И.К. Мухина – Екатеринбург, Россия).

В статье Г. Томтогтох (Улан-Батор, Монголия) рассматривается роль и место русского языка в социокультурном пространстве Монголии, статья А.Р. Раджешвар (Рева, Индия) посвящена русскому языку как средству мировой коммуникации.

Русские памятники как значимое культурное и архитектурно-историческое наследие Софии рассматриваются в статье Р.В.

Лесневской (Воронеж, Россия – Болгария) и Д.С. Лесневской (София, Болгария). Соотношение «медиа – архитектурное наследство – искусство» сейчас активно исследуется, поскольку, как подчеркивается авторами, архитектурный дискурс является одной из самых мощных форм массовой коммуникации в современном межкультурном обществе.

Актуальностью и научной новизной отличаются представленные сопоставительные исследования: красный цвет в культуре китайцев и русских (С.В. Сумьянова – Элиста, Россия), приветствия и прощания в русском и китайском языках (Л.Б. Олядыкова – Элиста, Россия; Ли Чуанцзинь – Хух-Хото, Китай).

В заключение подчеркиваем исключительное богатство содержания и актуальность проблем в Научном вестнике ВГАСУ №4(18), 2015, серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Обсуждаемый сборник материалов прошедшей международной научной конференции в Воронеже является вкладом в развитие лингвистики, литературоведения, лингводидактики и лингвокультурологии.

Димитрина Спасова Лесневска
УНСС
София, Болгария

Х Р О Н И К А

Атанаска Симеонова Методиева
Школа внеклассного обучения
София, Болгария

О СОСТОЯНИИ РУСИСТИКИ В НЕСКОЛЬКИХ СТРАНАХ

21-23 мая 2015 года в Институте литературы БАН в Софии состоялась Международная конференция на тему: «Литературоведческая русистика: саморефлексия, геокультурная вариабельность, границы профессии». Конференция поставила себе

целью объединить различные точки зрения относительно состояния русистики в нескольких государствах славянского и западного мира.

Первый раздел докладов, опубликованных в *Academic Electronic Journal in Slavic Studies* (University of Toronto), объединены функцией введения: 1. Вместо введения. Две русистики. Уже заглавие раздела подсказывает, что предстоит разъяснение двух сторон основной темы конференции. Но возможно ли существование *двух русистик* в границах чего-то такого, что по природе своей едино?

Первый доклад Людмила Димитрова, озаглавленный «Болгарская литературоведческая русистика: Горе от самосознания» демонстрирует точку зрения, разделяющую русистику на старую и новую. Представители второго массива русистики ведут дебаты о толковании русского духа сквозь болгарское восприятие. Создается впечатление, что русские писатели пропускаются через болгарский фильтр и в переводном – болгарском – языковом оформлении. В новоявленном сознании, о котором нам объявляется на конференции, возникает точка зрения «самопровозглашения» как самостоятельная академическая единица и вещается о самостоятельности, необходимой для нового поколения, но очерчивается и некая неясность.

Прежде всего всякое разделение в филологии имеет свой «орган духа», который представляет его перед остальными и мыслится как путеводный свет в дискуссиях и практиках. По логике вышеизложенного органом болгарской русистики является многолетний журнал «Болгарская русистика» – неизменная публичная опора болгарских около пятидесяти лет – с 1967 года. И если поискать русский эквивалент журнала, в моем сознании встает журнал «Вопросы литературы». В годы обучения в аспирантуре я имела возможность наблюдать за развитием его болгарского побратима и могу сказать, что разнообразие тем и авторов привлекало читателя к печатной трибуне, делая его сопричастным.

Журнал «Болгарская русистика» годы подряд влиял на развитие литературоведческой мысли нескольких поколений русистов. Тогда русистика не выглядела разделенной. Доклад Людмила Димитрова пренебрегает этим центром объединения. Как будто

литераторы, начиная с девяностых годов, пересматривают все написанное ранее и оценивают его как некий анахронизм: «Очень долгое время у нас говорилось просто о «болгарской русистике» — формула, «институционализированная» одноименным журналом, просуществовавшим более тридцати лет и недавно бесславно «закатившимся», «угасшим» после того, как был присвоен недобросовестными эгоцентриками («нечистыми силами»). В нем смешивались языковедческая, литературоведческая, методическая и творческая сфера усвоения русской культуры здесь, — что пренебрежительно и одновременно с этим бесцеремонно соединяет во едино и таким образом обрекает на анонимность отдельные звенья процесса, направленного на освоение пространства русского духа. Такое положение вещей наиболее удобно для осуществления административного контроля, с помощью которого, подводя под общий знаменатель индивидуальности разного экзистенциального профиля, легко можно злоупотреблять в целях идеологических и политических. Мы решили разграничить свои собственные интересы, не столько, что бы определить раз и навсегда те области, в которых мы признаны, сколько, чтобы спровоцировать дебаты о сложном и неоднозначном толковании русского через болгарское» [Димитров 2015: 9-10].

В действительности журнал «Болгарская русистика» – вопреки недовольству Людмила Димитрова – не «закатился», а – наоборот – с начала этого года возрожден и выходит в печатном и электронном варианте, перейдя полностью на русский язык – язык оригинала – со своей сохранившейся эмблемой и с любовью к языку и литературе. На страницах журнала выступают русисты и болгаристы различных возрастов с единственной целью - говорить и писать о русских авторах на языке оригинала. В этом отношении новые и прежние авторы доказывают, что русистика не терпит деления, поскольку предмет исследования их объединяет.

Альдона Борковска начинает свой доклад «Облик современной польской литературоведческой русистики» с выражения оптимистического взгляда на русистику 1950-х годов XX века в Польше. Альдона Докладчик выводит на первый план взаимодействие между двумя культурами и популяризацию русской культуры в

период между двумя войнами. Упоминается первый польский академический учебник по русской литературе: «Только в начале 70-ых годов минувшего века появился первый академический учебник по истории русской литературы, изданный Польской Академией наук под редакцией Марьяна Якубеца. Этот двухтомный, обширный сборник до сих пор не устарел и пользуется популярностью среди преподавателей и студентов» [Борковска 2015: 21]. Докладчиком подчеркивается факт, что единственным препятствием на пути целостного и разнообразного осмысления русского литературного процесса оказалась идеологическая цензура, которая запрещала многие темы и имена. Несмотря на трудности польские литераторы своевременно обратились к творчеству русских модернистов: «достаточно назвать публикации о творчестве Исаака Бабеля Янины Салайчик (Twórczość I.E. Babla: zarys monograficzny, Opole 1973) или Михаила Булгакова Анджея Дравича (Mistrz i diabeł: rzecz o Bułhakowie, Warszawa 2002). Появлялись работы о русском символизме и декадансе (Телесфор Позняк — Dostojewski w kręgu symbolistów, Wrocław New York: Roy Publishers, 1954; и др. 21 1969, Юзеф Смага — Dekadentyzm w Rosji, Wrocław— Warszawa — Kraków—Gdańsk—Łódź 1981), о обэриутах Али- ции Володько (Poeci z «Oberiu», Warszawa 1967), об акмеизме Эулалии Папли (Akmeizm. Geneza i program, Wrocław — Warszawa — Kraków 1980) и много других» [Борковска 2015: 22]. При чтении у болгарских исследователей русской литературы появляются приятные ассоциации и воспоминания об изданных книгах. В статьях и альманахах в трудное время рассматривались запрещенные в то время авторы с адекватностью и полнотой восприятия их творчества.

Выступление польской исследовательницы предстало контрапунктом первого доклада о так называемых «двух русистиках» и внесло ассоциации последовательности и преемственности между поколениями в польской русистике. Ясно, что и в Польше в 1990-х годах появилось новое поколение литераторов. Это поколение выступило догматики и превозношения социалистического сверхканона. В Болгарии процесс движения против догматики обозначился гораздо раньше, еще в начале 1980-х годов. Припомню, например, статью Ирины Захариевой *Нравственные проблемы современности в*

поэзии Андрея Вознесенского. // «Болгарская русистика», 1983, кн.6, с.3-13. и Интернационалното значение на руската класическа литература според разбиранята на Пенчо Славейков // «Език и литература» (София), 1979, кн.2, с.52-61.

Из статьи автора становится ясно, что в 1990-х годах польские литераторы обратились к литературе Серебряного века. Особо отмечена работа польской русистки Марии Цимборской – Лебода. Как и в других славянских странах, в Польше проявлен повышенный интерес к постмодернистской литературе и к гендерным аспектам: «Особый вид исследований проводит Юстина Тыменецка-Суханек, инициатор и основатель Лаборатории Animal Studies на Филологическом факультете Силезского университета, которая в центр своего внимания ставит анималистическую тему в литературе. Междисциплинарные исследования под знаком экологического гуманизма и натурфилософии становятся все более популярными среди польских русистов, поскольку являются не только новаторскими, но и модными» [Борковска 2015: 32].

Второй раздел докладов сосредоточен на сущности русистики, а не на ее самосознании, но не отстраняется от тематики конференции, что явствует из поставленного вопроса: возможен ли кризис в русистике? Не зависит ли состояние русистики от проявлений духа и ценностей?

Доклад Андрея Каравашкина «Алексей Лосев и Дмитрий Лихачев в контексте исторического города: московский и петербургский локусы. Свобода и судьба» ставит важнейший вопрос для русской литературы и культуры: Что именно представляет собой интеллигенция? Автор находит возможную интерпретацию и ответ в трудах русского исследователя Лихачева, который связывает интеллигенцию с учением о свободе. В этом смысле анализ множество – если личность – создатель или интерпретатор литературы – не чувствует возможностей своего духа в свободных очертаниях проявлений и жестов, не предоставляет свободы своей активности, это приводит к схоластике и консерватизму, тогда и появляется понятие *кризис*. Интеллигентность, по мнению Лихачева, связана с европейской образованностью и с личностной интеллектуальной независимостью. Интеллигент не отдаст свою

волю на откуп идеологии, государству, власти [Каравашкин 2015: 48]. Привлечена и формула Лосева об интеллигентности: интеллигенту присущ внутренний – независимый от саморефлексий – героизм. Интеллигент не совершает показных подвигов, но живет именно так, как считает нужным [Каравашкин 2015: 44].

Когда мне пришлось в работе над диссертацией исследовать корни поэтессы Анны Барковой, я установила связь ее творчества с традицией города Иваново, а это означает, что региональные авторы создали первые теоретические опыты ранее неведомого творчества, и на сегодняшний день поэтесса присутствует как интертекст в их поэзии.

В этом смысле большое значение для национальной литературы имеет региональная литература и современные аспекты трудов, которые ее анализируют. Авторы Захарова и Дзюба в докладе «Нижегородский текст» как объект литературоведческой рефлексии» заостряют внимание на проблематике, которая к нашей радости относится к константам духовной жизни России. Прежде всего производит впечатление дискуссионная, но неоспоримая оппозиция между т.наз. «сверхтекстами» /Московский, Петербургский/ и региональными текстами, которые возникают в случае, когда в географическом ареале существует значительный массив культурно-исторических и литературных фактов, требующих оценки и систематизации, например, Орел, Нижний Новгород, Астрахань / Захарова, Дзюба 2015: 55/. Отсюда возникает и очень важный вопрос, останется ли региональный текст закрытым в себе или же будет распознаваться в масштабе национального мышления. Отмеченная перспектива толкования с течением времени станет важной и для болгарской русистики.

Доклады, прозвучавшие на конференции, производят впечатление озабоченностью делами русистики и убежденностью, что невозможно делить ее по национальным признакам. Так, например, доклад И.Модебадзе и Т.Мегрелишвили пытается осмыслить специфику текущих культурных процессов и рассмотреть вопрос: когда и как грузинская русистика оформляла свои взгляды извне /Модебадзе, Мегрелишвили 2015: 113/.

Производит впечатление разумное замечание авторов относительно того, что разделение русистики по национальным признакам отдаляет ее от сущности русской культуры: «Прежде всего, осмысления требует само понятие «грузинская русистика». Разделение науки о русской литературе на «итальянскую», «болгарскую» и др. подразумевает их дистанцированность от центра производства русской культуры, т.е. России» [там же: 114]. Главным знаком культурной идентичности, напоминают авторы, является язык, а в Грузии в XIX-XX веках доминировал билингвизм: труды создавались как на русском, так и на грузинском языках. Другой знак – этническое происхождение. Русисты Грузии не только грузины или русские, но и представители многих других национальностей благодаря смешанным бракам. Имея в виду эти факторы культуры, авторы утверждают, что ведущие знаки культурной идентичности основываются на принадлежности одновременно к двум национальным культурам. В этом смысле доклад пользуется понятием «советская грузинская русистика», а также и понятием «новая грузинская русистика» с явными интересами к модернизму.

Третий раздел докладов представляет собой «приглашение к саморефлексии». Доклад Нины Барковской «Уроки Ефима Эткинда 40 лет спустя» конкретизирует направление во взгляде на русистику. Потому что русистика не только невообразимый канон с абстрактным сознанием – она создается людьми с устоявшимися взглядами и непоколебимыми идеями. Автор сознает, что кризис русистики в России в последние годы объясняется жесткой администрацией, сокращением рабочих мест и отсутствием финансирования. Конкретная по изложению статья приводит пример гражданского и подлинно научного поведения при катастрофе в академической ситуации. Из современности наблюдения обращаются к прошлому, как будто в советской эпохе действительно можно найти пример всему. Так на первый план выдвигается судьба и деятельность Ефима Эткинда. Автор припоминает, как Эткинд анализирует перипетии своей судьбы, размышляет о русской интеллигенции, и эти размышления остаются актуальными до сих пор. В своей документальной книге «Записки незаговорщика. Барселонская проза» ученый выявляет конфликты времени и

обрисовывает картину гуманитаристики позднего советского периода. Акцентируется социальное «я» автора. Качество русистики зависит от ее опыта. Литературовед уверяет, что достойной и академически независимой личности необходим прежде всего высокий профессионализм. Такой профессионализм может обнаружиться и в другом государстве. «Сегодня можно назвать многих, кто занимается русской литературой вне России, и это всё крупные ученые, яркие, сильные профессионалы. Но, во первых, далеко не все «рядовые филологи», как их называет Эткинд, такие высокие профессионалы» [Барковская 2015: 141]. Эткинд подчеркивает важность фактора преемственности в русистике. Он часто посвящает свои книги различным близким ему людям, поскольку в жизни, как и в литературе, близость идей единомышленников действует как удлинение жизни, а уверенность, что близкий по идеям человек работает в том же направлении духа, что и вы, порождает внутреннюю удовлетворенность: «Эткинд — педагог и ученый — понимал значение научной школы, преемственности. Если «Разговор о стихах» он посвятил «Светлой памяти Ф. А. Вигдоровой» (которая вела запись суда над Бродским и сумела потом эту запись обнародовать), то «Материю стиха» Эткинд предварил трогательной и мужественной фразой: «Светлой памяти своих учителей Григория Александровича Гуковского и Виктора Максимовича Жир мунского смиренно посвящает эту книгу автор» [там же: 145]. Академическая самостоятельность, как утверждается в рассматриваемой статье, опирающаяся на идеи Эткинда, достигается посредством преемственности. Полезным для науки является положение испытывать благодарность к учителю, а не нападать на него.

В тематику конференции входит и функция межкультурного посредника. Элина Васильева в статье «Литературовед-русист в Латвии: межкультурный посредник или чужой?» припоминает, что осознание чужой культуры ведет к более глубокому осознанию собственной культуры. Автор статьи рассматривает родную культуру как щит, который отстаивает национальное своеобразие народа и является специфической преградой, отъединяющей его от других

народов. Акцент ставится и на разделении людей по языковым признакам.

Представление о межкультурном посреднике возникает в контексте осуществляемого им перевода. В этом смысле внимание направлено к функциям межкультурного посредника. В Латвии важен статус русиста-филолога с точки зрения геополитического и культурного развития страны после отвоєвания ею независимости от России в 1991 году: «Восприятие геополитического контекста (отношение к существующим политическим установкам в области культуры, науки и образования, определение в связи с этим статуса русского языка и оценка русской культурной модели как в общем, так и в конкретном латвийском контексте) порождает определенное действие (выстраивание научной стратегии и понимание места русской филологии в общей филологической системе латвийской науки)» [Васильева 2015: 274]. Латвийската русистика приобщена к тартуской школе и к английским представителям литературоведения.

Иоанна Пиотровска в докладе «Научная, поведенческая и повествовательная стратегии польского русиста» представляет статус русиста в Польше. Автор обобщает. Вопреки различните маниери на русистике в Полша, авторката обобщава, что ученые прежде всего стремятся постигнуть универсальные ценности русской культуры независимо от веяний моды и преходных политических настроений.

Объединены отношением к современному состоянию русистики и следующие доклады, которые не рассматривались подробно в данном обзоре: «О должной местосвязанности болгарской русистики, или Чем обязана болгарская русистика своему месторазвитию» Йордана Люцканова, «Федор Достоевский: досоветский, антисоветский и советский (о политически мотивированных образах писателя)» Георгия Прохорова, «Максим Горький: реабилитация или новая мифология?» Марины Уртминцевой, «Жизнетворческая модель в самосознании русского филолога: Сергей Аверинцев» Александра Медведева, «Юрий Лотман о саморефлексии и мессионизме» Людмилы Луцевич, «Будем мыслить в молчании и оставим литературное поприще Полевым и Булгариным», или Неизбежная «повторимость» бытия Ольги

Голубевой, «Ценностный режим оправдания и дискурс позитивности в теории, художественной критике и искусстве социалистического реализма» Татьяны Кругловой, «Арт-критика в ситуации выбора между творчеством и жизнью» Лилии Немченко, «История — судьба — профессия (из истории литовской русистики)» Дагне Бержайте, «Русский ученый-эмигрант и «ординарный профессор-иностранец по контракту» в Софийском университете (Бицилли vs Попруженко)» Галины Петковой, «Русское «литературное поле» во Франции сквозь призму модели де Вогюэ, или Жив ли ещё «миф о русской душе» Наталии Сакрэ, «Олимпиада в Сочи, Лотман в Тарту и Путин в Пензе: институциональная значимость и «коэффициент полезного действия» треугольника «литература — литературоведение — власть» Марины Загидулиной, «Придворный локус и авторефлексия русской литературы конца XVIII — первой половины XIX в.: Михаил Муравьев, Василий Жуковский, Петр Плетнев» Дмитрия Долгушина, «Кризис института литературы: очаги сопротивления» Марии Литовской, «Проект как способ существования современного литературоведения» Ольги Багдасарян и Нины Барковской, «Репертуар литературоведческой русистики в современной Европе» Романа Мниха.

Авторы настоящей конференции и последовавшего электронного издания с публикациями докладов объединены вопросом о состоянии современной русистики и о путях противоборства кризисным явлениям. Приоритетом здесь является личная позиция. Общие усилия и обмен опытом между славистами нескольких славянских и европейских стран способствуют усовершенствованию русистики, потому что перемена начинается с глубинного осознания ценностей языка и литературы.¹

ЛИТЕРАТУРА:

Toronto Slavic Quarterly, №53, Summer 2015, EDITOR: Zahar Davydov, Department of Slavic Languages and Literatures, University of Toronto, 2015. <<http://sites.utoronto.ca/tsq/53/index.shtml>>, (04.10.2015 г.)

---

¹ Эл. адрес: <http://sites.utoronto.ca/tsq/53/index.shtml>

Валентина Аврамова
ШУ «Епископ Константин Преславский»
Шумен, Болгария

XIII КОНГРЕСС МАПРЯЛ

С 13 по 20 сентября 2015 г. в испанском городе Гранаде прошел XIII конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры», участниками которого стало свыше 1200 преподавателей из 60 стран мира. Среди его участников – преподаватели русского языка всех уровней обучения, литературоведы, лингвисты, студенты и аспиранты, представители издательских домов, общественные деятели, журналисты и все, кто занимается изучением и популяризацией русского языка.

Конгресс проводился на высоком представительском уровне: почётный оргкомитет конгресса возглавляли Король Испании Филипп VI Бурбон и королева Летисия Ортиз Рокасолано, а в церемонии открытия конгресса приняли участие представители правительств России и Испании.

Члены Общества русистов Болгарии приняли участие в подготовке конгресса. Членом национального комитета в Гранаде по подготовке Конгресса была д-р Антония Пенчева, а членом Международного комитета – председатель ОРБ проф.д-р В.Аврамова. Наша организация направила в Гранаду и Дору Сивкову в качестве волонтера-помощника организаторам Конгресса.

15 сентября во Дворце конгрессов Гранады состоялось торжественное открытие съезда МАПРЯЛ. Президент МАПРЯЛ Людмила Вербицкая, посол РФ в Испании Юрий Корчагин, мэр Гранады Хосе Уртадо в своих выступлениях отметили рост интереса к русскому языку и увеличение количества изучающих его по всему миру. В тот же день в сквере Гранадского университета, одного из старейших высших учебных заведений Европы, при участии министра образования и науки РФ Дмитрия Ливанова состоялось открытие памятника А.С. Пушкину. Почётные гости церемонии отметили развитие российско-испанского культурного взаимодействия.

16-18 сентября в рамках деловой программы мероприятия прошли заседания 14 секций и 8 круглых столов. В числе научных направлений конгресса – русская культура в эпоху глобализации, методика преподавания русского языка, перевод как средство межкультурного взаимопонимания, русский язык в интернет-пространстве. На восьми круглых столах обсуждались наиболее актуальные вопросы функционирования русского языка в современном мире, такие как роль русского языка в Болонском процессе, дистанционное обучение, русский язык в системе билингвального образования, теория и практика создания языковых учебников.

Выступая на пленарном заседании, президент МАПРЯЛ Людмила Вербицкая отметила, что конгрессы нужны, «чтобы русисты всего мира могли общаться друг с другом, рассказывать и о достижениях в области обучения русскому языку, и о проблемах, которые порой возникают».

На заседаниях секций выступали 10 представителей болгарской русистики. Еще столько же участвовали заочно в конгрессе. Доклады болгарских русистов вызвали интерес у участников заседаний. В помощь акад. В. Костомарову проф. В. Аврамова была ведущим первого заседания секции «Язык. Сознание. Культура».

18 сентября XIII конгресс МАПРЯЛ завершил свою работу. Президент МАПРЯЛ Людмила Вербицкая отметила, что в мире насчитывается больше 273 тысяч преподавателей русского языка, однако их средний возраст составляет около 50 лет. Она призвала задуматься о создании в МАПРЯЛ молодёжной секции, задачей которой стало бы привлечение в профессию молодых педагогов. Ещё одна проблема, о которой говорили на многих секциях и заседаниях, – это отсутствие достаточного количества современных учебников по русскому языку как иностранному. Особенно это касается зарубежья. Время универсальных учебников прошло, учебники нового поколения должны создаваться совместными коллективами и быть национально ориентированными. Они должны учитывать специфику именно тех стран, где преподаётся русский язык.

Одна из идей Людмилы Вербицкой, которую поддержали и другие участники конгресса, – это создание всемирной организации русофонов, объединяющей всех тех, кто симпатизирует России и интересуется русской культурой.

Важной для многих преподавателей русского языка стала церемония награждения известного, отчасти уже легендарного, русиста, автора многочисленных публикаций и учебников по русскому языку как иностранному, профессора Российского университета дружбы народов Серафимы Хаврониной. Серафиму Алексеевну поздравили с недавним юбилеем и вручили цветы. Она, в свою очередь, пожелала всем успехов в работе и удовольствия от работы.

Приехавший на конгресс депутат Государственной думы, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов поздравил всех участников от имени российского парламента, комитета ГД РФ по образованию, который он возглавляет, и фонда.

На заседании Генеральной Ассамблеи МАПРЯЛ, состоявшемся 18-ого сентября, был избран президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. На этот пост была переизбрана президент Российской академии образования, председатель попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербицкая. Было принято решение о проведении следующего международного конгресса русистов в Казахстане.

Хозяева предложили участникам Конгресса разнообразную культурную программу – организованную и по желанию. Было организовано посещение одного из всемирно известных дворцов – Альгамбры, концерты русской и испанской музыки, экскурсии в Севилью, Толедо и др.

ДОМ
РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ

имени
Александра
Солженицына

Татьяна Вячеславовна Марченко
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына
Москва, Россия

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОРУМ «ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ»

5–6 октября 2015 года в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына, в рамках Года литературы, состоялся международный литературный форум «Литература русского зарубежья: прошлое и настоящее».

Идея форума была неожиданной даже для его участников, но оказалась необычайно конструктивной: на заседаниях, которым было решено придать не совсем привычный формат мастерских (workshops), своим опытом по переводу и изданию литературного наследия русской эмиграции обменивались переводчики из разных стран — Франции, Австрии, Швейцарии, Италии, Сербии, Турции, Польши. Их сообщения с рассказом о трудностях и обретениях при воссоздании русского оригинала средствами родного языка перемежались докладами литературоведов, специалистов по литературе русского рассеяния. Замечательно, что переводчик и исследователь часто совпадали в одном лице: так, профессор Севинч Учгюль из Эрджиевского университета (Кайсери, Турция) представила вышедшую за две недели до московского форума в ее переводе на турецкий язык книгу И. Лукаша «Голое поле» — трагическую сагу о Белой армии в Галлиполи.

Первое заседание началось с рассказа С. Учгюль об изучении русской эмиграции, литературы зарубежья и ее переводах в Турции.

Это был неожиданный, новый ракурс для исследователей — не «русский Константинополь», а «русский Стамбул», и аудитория буквально засыпала оратора вопросами. Меньше всего думаешь в связи с трагедией русского послереволюционного исхода о фасонах дамских платьев или маникюре, а между тем были процитированы слова Кемаля Ататюрка о том, что русские научили турков... пляжной культуре. К сожалению, до сих пор невыявленной в полном объеме, не доступной исследователям остается периодика этого раннего, константинопольского периода эмиграции, о чем посетовал модератор заседания Д.Д. Николаев (ИМЛИ РАН), рассказывая о своих изысканиях в этой области.

Казалось бы следующая мастерская, посвященная переводу комического (и юмору в литературе эмиграции), должна была поднять настроение аудитории. Однако проблемы передачи русской смеховой культуры средствами других языков оказались столь сложными и с таким трудом поддающимися решению, что, после аналитического обращения Д.Д. Николаева к первым опытам перевода рассказов Н.А. Тэффи на английский язык, у Ивоны Анны Ндяй (профессора Варминско-Мазурского университета (Польша), соредатора чрезвычайно интересной серии «Великие имена русской эмиграции», где издаются книги, включающие в себя одновременно исследования разных сторон творчества писателей русского зарубежья и переводы их произведений на польский язык) появились довольно мрачные предчувствия относительно готовящегося тома Тэффи. Веселости собранию не добавили и рассуждения Нины Герра (Португалия) о «смехе обреченных»: речь шла о «Солнце мертвых» И.С. Шмелева, только что появившемся на португальском языке в переводе Нины и Филипе Герра (задача которых кажется совершенно грандиозной и, хотя и не без труда и потерь, реализуемой — познакомить португальского читателя с русской литературой. Желательно со всей). Однако идеи и решения, предлагаемые собравшимися профессионалами как в частных случаях, так и по некоторым принципиальным проблемам сохранения смехового импульса переводимого произведения, вселяли оптимизм в отношении издания той же Тэффи на других языках — но не

серьезно-меланхолической, какой она известна на Западе, а бурлескно-веселой, невероятно смешной рассказчицы.

Первый день завершился обсуждением двух сообщений о переводах прозы Ивана Бунина; выступления Доротеи Троттенберг (Базельский университет, Швейцария) и Златы Коцич — поэта, переводчика, редактора художественной литературы из Белграда — ведущая мастерской Т.В. Марченко (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына) охарактеризовала как «лед и пламень», имея в виду почти сухой отчет «о проделанной работе» и выплеснувшийся на слушателей «душевный жар». Отвечая на вопросы, Д. Троттенберг счастливо проговорила: десять лет она «живет с Буниным». Проект кажется почти невероятным — из задуманных 12 томов сочинений Бунина (изд-во Дёрлеманн, Цюрих) вышло уже 7 томов, и только первый не в переводе Доротеи. Сейчас она готовит свой седьмой том, а предстоит ей вместе с Буниным написать — по-немецки! — «Митину любовь» и «Солнечный удар», «Жизнь Арсеньева» и «Темные аллеи»... Александр Ницберг (Вена), профессия и мастерство которого состоит в переводах русской поэзии на немецкий язык, поинтересовался, не планируется ли перевод стихов Бунина. Ответ немного озадачил аудиторию — прежде всего российского слушателя: оказывается, «рассказы плохо продаются, нужен роман» (!). Со стихами еще сложнее (и тут участники мастерской не отказали себе в удовольствии подискутировать о связи поэтического и прозаического творчества Бунина). Между тем, как рассказала Доротея, у сочинений Бунина отличная критическая пресса, особенным же успехом пользуются «Окаянные дни». А Злата Коцич озвучила очень субъективное, поэтическое эссе о своем восприятии прозы Бунина и переводческой работы в целом. «Хождением по раскаленным углям» назвала она искусство перевода. Кажется, собравшиеся прекрасно поняли и разделили мысль Златы о работе переводчика: боль и восторг, громадный труд и эйфория от получившегося проникновения в суть текста, перевоплощение в своего автора.

Три мастерские работали и на следующий день. С утра Е.М. Солонович, поэт, крупнейший переводчик-итальянист и профессор Литературного института им. А.М. Горького, вел мастерскую по

поэтическому переводу, то есть, пользуясь метафорой из его стихотворения, по тому, как переводчик пробивается к автору «сквозь туман герметических строчек», через поиск конгениальных подлиннику стихотворных ритмов и интонаций, образов внешних и скрытых в ассоциативно-аллюзивной природе насыщенного поэтического слова. Анна Беднарчик (Лодзь), единственный профессор-русист в Польше, чья область исследований — теория перевода, рассказала об истории перевода поэзии Марины Цветаевой в Польше, поделилась своими муками и озарениями, одно из которых, кстати, случилось в Москве, в гостинице, после простой беседы с коллегой и позволило завершить работу двух месяцев (над несколькими четверостишиями!). Марилена Реа (Италия), в багаже которой переводы лирики, эпики, драматургии Цветаевой, озвучила собственные решения в передаче строфики, ритмики, рифм, аллитерации и т.д., назвав свои находки — и приведя этим замечанием в восторг Е.М. Солоновича — эвристическими. Наконец, к необычайно сложной теме — поэтической цитатности — обратился в своем докладе А. Ницберг. Его примеры поиска замещающих образов и поэтических выражений — при переводе, например, Владислава Ходасевича или Георгия Иванова — в немецкой поэзии показались блистательными. Хотя, разумеется, несущими на себе отпечаток личности переводчика, быть может, в не меньшей степени, чем переводимого автора. И вновь прозвучало эссе Златы Коцич — «от земных ступеней к воздушным» назвала она и поэтическую эволюцию Цветаевой, и опыт ее поэтического перевода.

Обсуждая «миф об утраченной России» в литературе эмиграции, переводчики и исследователи — не только докладчики (И.А. Есаулов, профессор Литературного института им. А.М. Горького, и Н. Герра), но и участники дискуссии (А.В. Бакунцев, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына) — спорили о природе произведений прежде всего Бунина и Шмелева. И.А. Есаулов привлек внимание к тому, под каким углом зрения «переписывал» свою Россию в эмиграции Бунин, как менялся взгляд писателя на одни и те же явления. Собственно, той же утратой отечества объяснялась и поэтизация, даже идеализация России в «Лете Господнем» Шмелева. Эпиграфом же к этому обсуждению можно

было взять слова из книги И. Лукаша о «Гелиболу», которую анализировала С. Учгюль: «...Как солнце, Россия горит в наших душах». И какой-то особой радостью и свежестью овеяло аудиторию выступление Марии Соколовой из Казани. Назвав себя «подмастерьем», она рассказала о судьбе внучки Е.А. Боратынского — Ольге Боратынской-Ильиной, в юности сочинявшей стихи, оказавшейся в 1923 году в эмиграции в Америке и ставшей англоязычной писательницей. Ее «Белый путь» недавно издан в переводе на русский язык (М., 2013), а сейчас молодая переводчица (свободно владеющая английским, испанским, польским) работает над переводом еще одной мемуарной книги своей землячки (чей архив передан в музей ее прославленного деда).

Едва ли не впервые в Доме русского зарубежья собрались набоковеды. Трудно найти не только в русском зарубежье, но и в мировой литературе *casus*, сопологаемый с перипетиями «безумного дела перевода» набоковских текстов. Перевода кем? Самим писателем — самого себя? Но на какой язык? Блистательным эссе ввела слушателей в проблему О.Ю. Сконечная (Москва). В обстоятельном докладе А.А. Бабикова (Москва), обратившего внимание на стилистические новшества писателя в 1972–1977 годах, было продемонстрировано, с чем приходится сталкиваться при переводе поздней английской прозы писателя на русский язык. Сопоставив набоковский автоперевод «Лолиты» (1965) с его русскими романами 1930-х годов, исследователь пришел к выводу, что стиль позднего Набокова значительно отличается от стиля Сирина, и дает богатый сопоставительный материал переводчику его поздних романов (в этой роли выступает и сам докладчик). Сама нарочитая стилистическая эклектичность русской «Лолиты» заставляет переводчика искать собственные решения для поиска той «путеводной ноты», без которой удачный перевод невозможен. Тему продолжила В.Б. Полищук (Санкт-Петербург), рассказав не только о том, как Набоков перевел роман эмигрантского времени «Король, дама, валет» на английский язык, но как он переписал его, продлевая до логического завершения некоторые сюжетные ходы и меняя образность, в чем сказался опыт, обретенный им самим и всем миром в предвоенное и военное время. Элен Анри-Сафье (Сорбонна,

Париж) раскрыла специфику создания — иначе не назовешь — сборника «Poems and Problems» даже не просто по-французски, но на французском как на третьем языке, присоединившемся к стихам на русском и английском из этой книги (где есть, кстати, еще и шахматные задачи). Какая виртуозность при неизменном священном трепете перед великим мастером, и, право, замена русской черемухи на цветущий весной в местах более южных шиповник — самое легкое решение из озвученных Э. Анри-Сафье. Кстати, многие вопросы, возникающие в «случае Набокова», могут в какой-то мере способствовать и при переводе других русских авторов — например, в поиске соответствующей имплицитной цитаты из другой словесной культуры и т.п.

Общение переводчиков и исследователей, поэтов и все-таки прежде всего переводчиков завершилось совместным круглым столом, воистину интеллектуальным пиршеством. Предводительствовала Елена Костюкович (Италия). Началось с ерунды, с забавного казуса — непереводимой русской бани, а поднятыми оказались проблемы важные, животрепещущие — и при переводе с русского языка, и при переводе на русский язык — с итальянского или английского, и при автопереводе (так, Вера Полищук рассказала о предпринятом ею переводе книг сказок — собственных сказок, о Настоящей Принцессе, живущей в настоящем Петербурге, — на английский язык, чтобы весь мир узнал волшебный мир — или волшебный миф? — северной столицы). Конечно, невозможно было обойти и издательские проблемы — сформулированные Н. Герра как «с незнакомцами не знакомлюсь». Но главным все-таки были проблемы, потери, радости и обретения литературного перевода. Едва ли не последней поднялась И.А. Ндяя и рассказала о затруднении, в котором они оказались с коллегой, работая над переводом стихотворения матери Марии (Скобцовой). Переводчиков смутила «грехами перегруженная бадья» и навела на мысль об опечатке — быть может, ладья (погребальная)? Поиск решения оказался коллективным: строка Мандельштама, озвученная Е. Костюкович, лексически точное замечание Н. Герра, чеховская ремарка, вспомнившаяся Т. Марченко, — и перевод пропитанного

образностью русской классики и Серебряного века стихотворения Е. Кузьминой-Караваевой на польский язык состоялся.

За два вечера участники и гости форума, московские читатели, интеллектуалы могли встретиться с четырьмя писателями, пишущими по-русски вне России. Людмила Коль представила свои литературные проекты, реализуемые в Финляндии на русском языке (журнал «LiteraruS»). Ирина Муравьева (США) рассказывала о своей жизни в мире, существующем внутри нее, несовпадающем с границами ее нынешнего или прежнего, московского бытия, и читала кружевную, романтически-ироническую прозу о своем начальном опыте эмиграции. Алексей Макушинский, прозаик, эссеист, поэт (и преподаватель кафедры славистики Университета Майнца, Германия) читал и стихи и прозу, отвечал на многочисленные вопросы, в том числе о романе, который пристально читали научные сотрудники Дома русского зарубежья — «Пароход в Аргентину», речь в котором идет о судьбах поколения, попавшего в переплет революции и Гражданской войны, Второй мировой войны и трагедии «ди-пи», и о профессиональном успехе, о состоявшихся творческих личностях. Наконец, как залпами салюта завершается праздник, так и Елена Костюкович (Италия) — автор бестселлера «Еда», раскрывающего тайны и прелести итальянской жизни и культуры, переводчица на русский язык Умберто Эко и автор романа «Цвингер», который уже сама и на итальянский язык полуперевела, полупереписала (привет Набокову!), — в упоении рассказывала в упоении внимавшему ей залу о жизни, судьбе и литературе. С поистине академической невозмутимостью и знанием предмета вечер вела М.А. Ариас-Вихиль (ИМЛИ РАН), и эта встреча за одним столом, уставленным толстенными томами и цветами, бывших-почти-однокурсниц придавала вечеру особую дружески-заинтересованную тональность: «Ты помнишь? кофточка-лапша? И я передавала записки Давиду Самойлову в ЦДЛ...»

Было бы несправедливым обойти молчанием искусство. Это музыка, которой украсила форум Е.В. Кривцова (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына), сделав замечательные видеомузыкальные презентации по теме форума, а также пианист А. Покидченко, игравший Скрябина и Рахманинова. И — поэтическое

слово. Александр Ницберг, профессионально выступающий с чтением стихов, подготовил замечательную программу из стихов Игоря Северянина (в том числе, и со знаменитыми «ананасами в шампанском», прозвучавшими и в переводе чтеца на немецкий язык), которой открылся форум и которая так и озаряла его радостью, «искристостью и остротой», тем более языки и страны смешивались почти так же, как в знаменитом стихотворении. И, конечно, добавляла в это светлое настроение ноту ностальгической грусти — ведь собравшиеся имеют дело с литературой русского рассеяния...

Форум подготовили и провели при финансовой поддержке Российского книжного союза Т.В. Марченко и С.В. Романова. Благодарим за помощь в подготовке и проведении Г.А. Чиканову, Е.В. Кривову, Е.В. Кривцову, Н.В. Романову, М.В. Максимова.

Любовь Ивановна Гезенко-Берова
Русский центр дополнительного образования
София, Болгария

ВТОРОЙ ВЕНСКИЙ ФОРУМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУСИСТОВ

8-10 октября 2015 г. в столице Австрии, в Российском центре науки и культуры состоялся Второй Венский форум преподавателей русистов для российских соотечественников и иностранных граждан европейских стран. Форум, организованный Россотрудничеством совместно с Институтом русского языка и культуры МГУ им. М.В.Ломоносова в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык».

В Форуме приняли участие около 200 преподавателей-русистов из Австрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, Испании, Ирландии, Казахстана, Латвии, Литвы, Норвегии, Польши, Словакии, Словении, Сербии, Хорватии, Швейцарии, Финляндии, Эстонии и России.

Российская делегация была представлена видными учеными, известными методистами – представителями ведущих российских филологических школ, а также профильными издательствами,

равзвернувшими вЪставку новинок литературы по актуальным вопросам преподавания русского языка в инокультурной среде. Была организована интернет-трансляция, которая позволила привлечь к работе Форума широкий круг специалистов не только европейских стран, но также США и Австралии.

На Форуме обсуждались вопросы специфики обучения русскому языку как иностранному и как второму родному на круглых столах, обмен опытом и знакомства с новинками учебно-методической литературы. В рамках Форума состоялись семинары по различным вопросам методики преподавания русского языка и консультации с родителями детей- билингвов.

Пленарное заседание открылось докладом доктора педагогических наук, профессора ИРЯиК

МГУ имени М.В.Ломоносова Степаненко Веры Александровны, посвященным отражению в методике преподавания русского языка как иностранного активных процессов в современном русском языке. В последующих выступлениях были затронуты вопросы обучения русскому языку детей-билингвов /Е.Л.Кудрявцева/, выявлены основные тенденции в преподавании русского языка в условиях современного пространства /Н.В.Белова/, представлены интернет-ресурсы, используемые в преподавании русского языка как иностранного /Е.В.Рублева/.

На последовавших круглых столах обсуждались актуальные проблемы организации учебного процесса в школах выходного дня /модераторы⁷ Е.Л.Кудрявцева/, Ю.Месарич/, а также вопросы преподавания русского языка как иностранного в вузар /модераторы /А.Л.Бердичевский, В.А.Степаненко, Н.Н.Фефелова/.

На методическом семинаре, с мастер-классом, посвященным методическим приемам при обучении чтению детей-билингвов, выступила Е.А.Хамраева. А.Л.Бердичевский провел мастер-класс, демонстрирующий альтернативные технологии преподаваний РКИ в вузе. Доклад О.Н.Каленковой представлял электронный развивающий ресурс «Русский для наших детей».Е.Л.Кудрявцева рассказала об игровом курсе для педагогов, работающих с детьми-билингвами. М.М.Нахабина представила новый учебник русского языка для начинающих.

На заседаниях рабочей группы обсуждались следующие вопросы:

- Разработка концепции создания национально-ориентированных учебников по русскому языку как иностранном для школьников;

- Разработка концепции создания методических центров по повышению квалификации преподавателей русского языка как иностранного и как второго родного в странах ЕС;

- Разработка концепции создания учебников по русскому языку как второму родному для детей билингвов.

Прошел семинар по вопросам тестирования по русскому языку как иностранному в европейских странах, вызвавший оживленную дискуссию.

В течение трех дней на всех площадках Форума продолжалась выставка новейшей методической литературы, предоставленной издательствами «Златоуст», «Русский язык», Куры, Реторика, а также магазином русской книги «Азбука.АТ».

Участники Форума выразили искреннюю благодарность организаторам, за предоставленную возможность коллегам, находящимся по разные стороны границ, но работающим на одном направлении, решающим общие проблемы, встретиться, обменяться опытом, услышать друг друга и совместно потрудиться.

Все участники согласились с тем, что необходимо продолжить проведение Форума в Вене на регулярной основе. Австрия, где сегодня наблюдается значительный рост интереса среди молодежи к изучению русского языка, является продуктивной площадкой для проведения таких встреч с учетом того, что эта идея поддерживается министерством образования и другими государственными органами страны.

На Форуме со стороны Болгарии присутствовала Гезенко-Берова Любовь Ивановна, преподаватель и директор единственного в Болгарии Русского центра дополнительного образования, работающего с детьми-билингвами, участвовавшая и в Первом Форуме.

Цветана Христова Ралева
Университета им. Св. Климента Охридского
София, Болгария

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДЕЛОВОМУ ПЕРЕВОДУ

В последний день октября 2015 г. в Университете национальной и мировой экономики (УНСС) в Софии состоялась конференция на тему «Русские и болгарские деловые тексты – особенности языка и проблемы перевода». Конференция была организована Фондом «Русское деловое слово» и кабинетом Русского мира УНСС.

Целью конференции было привлечь внимание болгарских русистов к проблемам делового перевода. По всеобщему мнению, в нынешних условиях эта тематика заслуживает большего внимания. Сильно сократилось число болгарских студентов в Российской Федерации. Русский язык в период перехода «ушел» из большинства болгарских вузов, готовящих специалистов для разных областей хозяйства. В результате уменьшилось и продолжает уменьшаться число болгар, владеющих отдельными терминосистемами русского языка, способных осуществлять специализированные переводы. Гуманитарное образование не очень помогает в этой ситуации. Уровень знания языка, с которым абитуриенты поступают на отделения русской филологии в стране падает, что не позволяет из-за нехватки времени обучать их специализированному деловому переводу. Имеющиеся в Софийском университете им. Св. Кл. Охридского и в ВТУ им. Свв. Кирилла и Мефодия магистерские программы, включающие перевод, а также подготовка русистов-бакалавров в СУ в рамках переводческого профиля Русской филологии, не в состоянии заполнить этот пробел. С другой стороны, по данным бюро переводов, объем документов, поступающих в них для перевода, увеличивается, т.е. в деловой сфере растет спрос на хорошо подготовленных специалистов соответствующей квалификации, а таких специалистов надо готовить. Надо вместе с тем решать ряд проблем, возникающих в связи с переводом новых реалий, появившихся в деловой сфере в результате быстро меняющейся экономической и общественной жизни в Болгарии и России. Вот такие причины и побудили организаторов взяться за

проведение конференции на данную тему. К сожалению, на приглашение принять участие в конференции, разосланное организаторами во все вузы и колледжи Болгарии, отозвались немногие коллеги. В оргкомитет поступило 14 заявок, а впоследствии – 8 докладов. Каждый докладчик получил еще до конференции полный набор текстов выступлений, имел возможность познакомиться с ними предварительно и подготовиться к дискуссии. На самой конференции каждому автору была дана возможность представить свой доклад в выбранной им самим форме, но основное время было отведено комментариям к соответствующей теме. В большинстве докладов рассматривались вопросы практического характера. Нередко авторы ставили конкретные вопросы в надежде получить компетентное мнение своих коллег по затронутым проблемам. Каждый доклад ставился на обсуждение сразу после его презентации. Были представлены разнообразные темы.

В своем докладе *«Особенности перевода с русского на болгарский язык текстов в сфере кибертехнологии и киберпреступности»* **Илка Бирова** (СУ им. Св. Кл. Охридского) поделилась опытом и проблемами, возникшими в процессе перевода на болгарский язык книги В. Овчинникова и Е. Лариной «Кибервойны XXI века» (2015г.; перевод И. Бировой и В. Корнилева). И. Бировой были представлены основные типы переводческих решений, использованных в данном конкретном случае, трудности, с которыми переводчики столкнулись в процессе работы (разнообразие и новизна терминологии, отсутствие лексикографических источников и т.д.). Был поставлен и вопрос о стилевой характеристике языка оригинала (научный/деловой стиль?) и в связи с тем - вопрос о наличии в современном русском языке гибридных стилей.

В докладе **Димитрины Лесневской** (УНСС) *«Текстовые особенности русских и болгарских торговых писем в сопоставительном плане»* было подчеркнуто, что в современную эпоху глобализации торговая корреспонденция утверждается в качестве универсального средства международной бизнес-коммуникации и ее следует изучать. Она отражает динамику общественно-политических процессов в Болгарии и РФ, в результате

чего болгарские и русские торговые письма в период перехода изменились как по своей форме, так и по своему содержанию, сохраняя основные характеристики официально-делового стиля обоих языков. В докладе эти характеристики рассмотрены с лингвистической и лингводидактической точки зрения.

Международные договоры и их перевод были центральной проблемой в докладе **Антонии Пенчевой** (УНСС) *«За преводната стратегия и преводните трансформации в текстовете на международните договори на руски и български език»*. На материале 6 договоров и соглашений между Болгарией и РФ к. XX – нач. XXI в. (на русском и болгарском языках) автор подробно представил проявления стратегии, используемой при переводе документов этого жанра: эквивалентный перевод с помощью переводных соответствий и трансформации нескольких типов (лексические, грамматические, стилистические, комбинированные). Текст был насыщен примерами, которые хорошо иллюстрировали также особенности официально-делового стиля обоих языков.

В докладе **Цветаны Ралевой** (СУ) *«Передача болгарских географических названий на русский язык»* на материале современных электронных и печатных текстов из сферы туризма было аргументировано мнение, что в постсоциалистический период в передаче болгарских топонимов на русский язык существует хаос. Не соблюдаются имеющиеся в этом отношении правила, не обсуждаются проблемные случаи. Данный вопрос находится вне поля зрения болгарских и российских ученых. Автор доклада рассмотрел ряд конкретных явлений (передачу определенных букв болгарского алфавита в составе топонимов, написание составных топонимов, русификацию некоторых имен и т.д.), акцентируя на ошибках и на не охваченных орфографическими правилами случаях.

В докладе **Кристияны Симеоновой** (Институт болгарского языка БАН) *«За някои българо-руски езикови успоредици в областта на обществено-политическата лексика»* был показан общий характер таких процессов в болгарском и русском политическом дискурсе, как деактуализация ряда терминов социалистической поры, «раскрепощение» языка политиков – использование в нем низких стилистических регистров, а также усиление эмоциональности

общения в этой сфере. Подчеркивая большую близость политической терминологии болгарского и русского языков, автор высказал категорическое несогласие с неоправданным вытеснением терминов русского происхождения из болгарской общественно-политической и военной терминологии.

Доклад **Татьяны Танчевой** (фонд «Русское деловое слово», СУ) *«За границите на компромиса при превода на документи (наблюдения върху практиката)»* представил примеры из практики перевода деловых документов, которые затрудняют либо омонимичностью русских и болгарских терминов, либо тем, что термины называют различные, порой частично совпадающие реальности в жизни русских и болгар. В связи с этим был поставлен вопрос о границах компромисса при решении подобных (многочисленных) случаев и была подчеркнута важность таких личностных качеств профессионального переводчика, как начитанность, информированность, ответственность.

Некоторые особенности перевода коммерческих текстов с русского на болгарский язык были представлены в выступлении **Светослава Арсеньева** (УНСС) на тему *«Някои терминологични особености при превода на текстове с търговска тематика от български на руски език»*. Докладчиком было приведено множество примеров из практики, в том числе вызывающих трудность и требующих от переводчика большой осведомленности. Было подчеркнуто, как и в некоторых других докладах, что деловая сфера очень динамична – законы и нормативные акты, касающиеся всех сфер жизни, и в России, и в Болгарии меняются, и переводчик должен следить за этим процессом.

Заочно в конференции приняла участие **Юлия Кудрявцева** (преподаватель болгарского языка на Высших курсах иностранных языков МИД РФ). Ее доклад *«Анафорическая отсылка в текстах официально-делового стиля современного болгарского языка»* был озвучен в зале. Исходя из основных стилистических требований при составлении официально-деловых текстов и важной роли среди них требования связности и логичности текста, коллега останавливается на одном из средств достижения когезии текстов – анафоре. Ею рассмотрены основные анафорические элементы в современном

болгарском языке – местоимения и определенный артикль, а также анафорическая роль некоторых других болгарских лексем.

В оживленной дискуссии кроме докладчиков приняли участие также Стефка Георгиева, Илиана Владова, Мариана Конова, Ольга Лазова и др. коллеги. Участники встречи оценили положительно идею организации конференции по вопросам делового перевода. Ими была подчеркнута большая необходимость в создании специализированных русско-болгарских и болгарско-русских словарей, а также в подготовке молодых болгарских переводчиков с русским языком для бизнес-сферы. Участники объединились вокруг нескольких идей:

- продолжить начатый разговор с привлечением большего числа болгарских специалистов (русистов и болгаристов) – представителей вузов, научных институтов, ведомств, отраслевых организаций; начать дискуссию по вопросам, решение которых не терпит отлагательства (напр. передача болгарских собственных имен на русский язык и наоборот);

- создать массив общепринятых решений, который бы имел рекомендательный характер для переводчиков;

- создать традицию проведения ежегодных семинаров по проблемам делового перевода.

- усилить работу по повышению интереса болгарских русистов к деловому переводу.

Было высказано пожелание, чтобы за продвижение этих и других инициатив в сфере делового перевода взялись фонд «Русское деловое слово» и Софийская организация Общества русистов Болгарии. Было решено внести в Правление Общества русистов Болгарии информацию о проведенной конференции и сделанных ее участниками предложениях.

Марлена Зимна (Marlena Zimna)
Muzeum Włodzimierza Wysockiego
Instytut Włodzimierza Wysockiego
Koszalin (Кошалин), Польша

МУЗЕЙ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО И ИНСТИТУТ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО В КОШАЛИНЕ /ПОЛЬША/

В мае 1994 года на северо-западе Польши, на Балтийском побережье, в городе Кошалине (Koszalin), был открыт Музей Владимира Высоцкого. Двадцать лет спустя, 29-го мая 2014 года состоялось торжественное открытие действующего при музее Института Владимира Высоцкого в Кошалине.

Все началось осенью 1984 года, когда на своем письменном столе я обнаружила купленный мамой свежий октябрьский номер журнала «Литература в мире», содержащий довольно большое количество стихов и песен Владимира Высоцкого в переводе на польский язык. Тогда я еще ничего о поэте не знала. Мне было неполных пятнадцать лет, и мою голову в то время еще не занимали темы, так решительно поднимаемые Владимиром Высоцким в его творчестве. С обложки десятого номера журнала на меня смотрел молодой человек с гитарой. С непослушной челкой на лбу, в расстегнутой рубашке и в джинсах. В его взгляде читался невысказанный вопрос и насквозь русская тоска о чем-то неопределенном и туманном.

С этого номера и начался будущий музей. Дата открытия кошалинского музея была выбрана не случайно. 29 мая 1980 года завершились гастроли Московского театра драмы и комедии на Таганке в польской столице. Они проходили в рамках международного театрального фестиваля 2-е Варшавские международные театральные встречи. Самым ожидаемым спектаклем был «Гамлет» в постановке Юрия Любимова, самым ожидаемым польской публикой артистом - Владимир Высоцкий, дважды выступивший в роли Гамлета перед варшавскими зрителями. Один раз польская публика увидела его в спектакле «Добрый человек из Сезуана». Это было первое и последнее официальное выступление Владимира Высоцкого перед польскими зрителями.

«Вслед за этим визитом мы ждем очередных» - написал один из польских театроведов, веривший, что Владимир Высоцкий еще неоднократно посетит нашу страну. Многие почитатели таланта Владимира Высоцкого уповали на то, что он выступит перед польской публикой не только как актер, но и как поэт, исполнитель собственных произведений. Увы, никто в нашей стране не осмеливался выступить в роли организатора концертов В. Высоцкого. Польские культурные учреждения не приглашали опального поэта и его единственными концертами в нашей стране так и остались домашние выступления в квартире режиссера Ежи Гофмана (Jerzy Hoffman /род. 1932/ - знаменитый польский кинорежиссер и сценарист), совершенно недоступные для широкой публики, так и не записанные на пленку никем из участников этих несомненно уникальных встреч знаменитого артиста с польской богемой.

Но не все поклонники Владимира Высоцкого знают, что один польский город все же имел смелость официально пригласить Владимира Высоцкого, причем пригласить именно как поэта, гарантировав ему организацию трех, самых что ни на есть официальных, концертов. Этот город называется Кошалин. Да, тот самый Кошалин на Балтийском побережье, в котором действует Музей Владимира Высоцкого.

В нашем музее хранится официальное приглашение в Кошалин, адресованное Владимиру Высоцкому. Кстати, нет никаких сомнений в том, что оно было получено адресатом, так как один из его экземпляров хранится в Москве и даже экспонировался на одной из выставок в Государственном культурном центре-музее В.С. Высоцкого Дом Высоцкого на Таганке.

Приглашение было официально вручено поэту в польской столице во время фестиваля 2-е Варшавские международные театральные встречи. На нем стоит дата: Кошалин, 27.05.1980 г. Кстати, приглашающая сторона допустила уже в заголовке приглашения две ошибки, адресовав его «Народному артисту СССР Товарищу Владимиру Высоцкому». Первая ошибка вытекала несомненно из глубокой убежденности кошалинской стороны, что столь любимый народом артист несомненно должен иметь звание

«Народного», вторая же скорее всего являлась следствием наивного предположения, что всех граждан Советского Союза следует называть «товарищами». Вероятно, такое обращение казалось кошалинским организаторам концертов Владимира Высоцкого более официальным, а читая приглашение, нетрудно убедиться, что оно носит именно очень официальный характер. Видно, что кошалинская сторона стремилась к тому, чтобы все выглядело очень убедительно и серьезно. Приглашающим органом, ответственным не только за организацию концертов, но и за все, связанные с пребыванием Владимира Высоцкого в Кошалине, расходы, было Кошалинское музыкальное общество (Koszalińskie Towarzystwo Muzyczne).

«Согласно проведенным переговорам - гласил текст приглашения - Кошалинское музыкальное общество в Кошалине имеет честь пригласить Товарища с тремя концертами - с балладной программой - с 15.09.1980 г. по 30.09.1980 г.

Все расходы, связанные с пребыванием Товарища на кошалинской земле, оплатит Кошалинское музыкальное общество в Кошалине».

Под приглашением стоит печать Кошалинского музыкального общества. Его подписали: заместитель правления КТМ (Koszalińskie Towarzystwo Muzyczne - Кошалинское музыкальное общество) Фред Войтан (Fred Wojtan) и главный бухгалтер КТМ - Крытсына Кучковска (Krystyna Kuczkowska). На бланке указаны реквизиты Кошалинского музыкального общества: ул. Красной Армии, 22 (ul. Armii Czerwonej, ныне ул. маршала Пилсудского /ul. Marszałka Józefa Piłsudskiego/), 75-511 Кошалин, тел. 225-82.

Примечательно, что лист бумаги, на котором написан текст приглашения, является одновременно фирменным бланком Международного органного фестиваля в Кошалине (Międzynarodowy Festiwal Organowy w Koszalinie), который проходит в Кошалине с 1966 года.

Намеревались ли организаторы концертов Владимира Высоцкого в Кошалине как-то приурочить его выступления к фестивалю, судить трудно. Фестиваль, проходящий в Кошалине летом, как правило в июле-августе, в былые годы завершался именно в сентябре. О завершении XIV Международного органного

фестиваля в Кошалине (в то время: Фестиваль органной музыки в Кошалине /Festiwal Muzyki Organowej w Koszalinie/) подробно информировала газета «Głos Pomorza» в номере 198 от 13-14.09.1980 г. Мог ли фестиваль оказаться более продолжительным в случае прибытия знаменитого московского гостя? Рецензенты жаловались на многочисленные изменения в программе мероприятия (разумеется, в ней не анонсировалось выступление В. Высоцкого, так как все в Польше прекрасно знали о безвременной кончине поэта), подчеркнув высокий уровень органичных концертов и не удовлетворивший зрителей уровень вокальных выступлений (в рамках фестиваля выступают не только виртуозы органа, но и певцы - солисты и хоровые коллективы). Фестиваль был международным, в нем приняли участие знаменитые зарубежные органисты (в частности, Erik Lundkvist /род. в 1940 г./ из Швеции, Edgar Krapp /род. в 1947 г./ из Германии).

Могли ли выступления Владимира Высоцкого стать частью фестивальной программы? В принципе такую возможность нельзя исключить, для столь важного гостя организаторы могли бы, разумеется, сделать исключение. Но скорее всего логотип органного фестиваля на бланке приглашения был просто рекламой мероприятия, организатором которого было именно Кошалинское музыкальное общество.

Это предположение подтверждает Фрэд Войтан (Fred Wojtan, настоящее имя: Winfred Wojtan - польский дирижер, педагог и хормейстер, лауреат международных конкурсов дирижеров в Будапеште и в Катовице, с 1972 по 1979 гг. - дирижер кошалинской филармонии /Filharmonia Koszalińska im. Stanisława Moniuszki/, с 1977 по 1979 гг. и с 1986 по 1992 гг. - директор Государственной музыкальной школы в Кошалине /Państwowa Szkoła Muzyczna w Koszalinie, ныне: Zespół Państwowych Szkół Muzycznych im. G. Bacewicz w Koszalinie/, с 1980 по 1991 гг. - заместитель председателя правления Кошалинского музыкального общества /Koszalińskie Towarzystwo Muzyczne/, дирижер и художественный руководитель нескольких кошалинских хоров).

Мы пригласили Пана Фрэда на организуемый нашим музеем Международный фестиваль документальных фильмов о Владимире

Высоцком «Страсти по святому Владимиру» и он охотно поделился с участниками этого мероприятия воспоминаниями о приготовлениях к концертам Владимира Высоцкого в Кошалине. Инициатором приглашения поэта в Кошалин был именно Фрэд Войтан, тогда свежеизбранный заместитель председателя правления Кошалинского музыкального общества:

- Владимир Высоцкий согласился выступить в нашем городе. Именно поэтому в начале приглашения мы писали о проведенных с артистом переговорах. Приглашение гарантировало организацию трех концертов, а также оплату всех расходов нашим обществом. Оно было вручено Владимиру Высоцкому в Варшаве, в конце мая 1980 года, когда он прилетел в нашу столицу, чтобы сыграть Гамлета и Янг Суна в спектаклях Театра на Таганке. Мы его очень ждали в Кошалине и были уверены, что концерты состоятся. В мае ничто не предвещало трагического конца...

Разумеется, нельзя с полной уверенностью заявить, что если бы не безвременная кончина, Владимир Высоцкий прибыл бы в Кошалин. Учитывая состояние его здоровья, его выступления могли бы быть отменены. Но, зная отношение поэта к зрителям, его желание во что бы то ни стало оправдать надежды и ожидания публики, и, конечно же, принимая во внимание факт, что выступления в Кошалине были бы первыми официальными концертами Владимира Высоцкого в Польше, можно предположить, что поэт сделал бы все возможное, чтобы прилететь в Кошалин.

Остается сожалеть, что не хватило так немного - меньше двух месяцев, и радоваться, что в какой-то мере удалось компенсировать как польским почитателям таланта В. Высоцкого, так и в определенной степени самому поэту, его отсутствие в Кошалине. Ведь именно здесь действует Музей Владимира Высоцкого. И - пусть только символически - можно сказать, что мы ощущаем постоянное присутствие поэта в нашем городе.

29 мая 1994 года начал работу Музей Владимира Высоцкого в Кошалине. Один из 96 литературных музеев Польши. Кстати, лишь четыре из них посвящены зарубежным писателям. В числе этих четырех музеев - всего один, посвященный зарубежному писателю,

не родившемуся в Польше. Это Музей Владимира Высоцкого в Кошалине.

Первые посетители могли познакомиться с пятьюстами экспонатами (главным образом с родины поэта), собранными на площади в тридцать квадратных метров. В настоящее время в кошалинском музее Владимира Высоцкого на семидесяти пяти квадратных метрах собрано почти 20.000 экспонатов из самых отдаленных уголков мира. Здесь личные вещи поэта, гитара на которой он играл во время одного из своих зарубежных концертов (на гитаре - уникальнейший автограф Владимира Высоцкого, являющийся одновременно его ранее неизвестным поэтическим экспромтом - травестацией первой строфы знаменитой песни «Жираф»), автографы, рисунки, черновики, письма, фотографии, уникальные киноматериалы, виниловые пластинки, компакт-диски, DVD-диски, огромная библиотека, видеотека, художественные произведения, посвященные В. Высоцкому, плакаты, афиши, театральные программки, документы, экслибрисы, почтовые марки, монеты, и даже вещи, изготовленные в соответствии с известным принципом «3-х К» (или просто ККК) - коммерция, конъюнктура, китч. Владимир Высоцкий был, пожалуй, единственным в мире артистом, кому удалось штурмом взять поэтический Олимп, будучи одновременно иконой поп-культуры.

Одним из важнейших профилей деятельности кошалинского музея является поиск уникальных, ранее неизвестных, документальных материалов - кино- и видеосъемок, фонограмм, фотографий. Такие раритетные материалы найдены музеем в архивах целого ряда стран, в частности, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Канады, Сербии, США, Франции, Хорватии, Японии.

Ежегодно в конце января Кошалин - «Высоцкая столица Польши», принимает гостей из ряда стран - ученых, писателей, певцов, музыкантов, режиссеров, участников Международного фестиваля документальных фильмов о Владимире Высоцком «Страсти по Святому Владимиру». Это название стало уже своего рода брендом (именно под этим названием во многих городах Польши проходили показы уникальных киноматериалов из архива

музея). В январе 2015 года в Кошалине был проведен тринадцатый по счету фестиваль «Страсти по Святому Владимиру».

Но музейная деятельность это не только постоянная экспозиция, выездные выставки, фестивали и кинопоказы, не только популяризация творчества великого поэта, но и научно-исследовательская деятельность. Как отмечалось в одной из российских публикаций, посвященных деятельности кошалинского музея, в небольшом польском городке вырос крупный научно-исследовательский центр по изучению жизни и творчества Владимира Высоцкого.

29 мая 2014 года, в 20-ю годовщину музея, в Кошалине состоялось официальное открытие Института Владимира Высоцкого в Польше, действующего отныне при музее. Так удалось разделить интересы рядовых посетителей музея (туристов из Польши и ряда других стран) и ученых - исследователей жизни и творчества Владимира Высоцкого.

Первым проектом института стала работа на тему тифлоизданий Владимира Высоцкого. Монография «Владимир Высоцкий в тифлоизданиях» представляет собой первое в мире описание и каталог тифлоизданий (книг, напечатанных рельефно-точечным шрифтом Брайля, и аудиокниг в различных форматах для незрячих читателей).

Тифлоиздания произведений Владимира Высоцкого и книги о нем удалось разыскать в 17 странах: Беларуси, Бельгии, Болгарии, Израиле, Латвии, Литве, Нидерландах, Польше, России, Словакии, США, Финляндии, Франции, Чехии, Швейцарии, Швеции, Эстонии.

Один из важнейших проектов института носит название «Владимир Высоцкий на языках мира. Новые переводы». Его главная цель - появление стихов поэта на языках, на которые его поэзия до сих пор не переводилась. До момента основания института существовали переводы поэзии В. Высоцкого на 65 языков мира. В настоящее время поэзия Владимира Высоцкого переведена на 213 языков. Когда институт завершил первый этап проекта, поэзия В. Высоцкого была переведена на 102 языка мира, по завершении второго этапа - на 157 языков.

В третьем этапе проекта принял участие 71 поэт из 32 стран (Австралии, Австрии, Ганы, Гвинеи, Греции, Грузии, Индии, Индонезии, Испании, Кабо-Верде, Камбоджи, Канады, Кюрасао, Малави, Мальты, Мьянмы /Бирмы/, Нигерии, Нидерландов, Новой Зеландии, Островов Кука, Папуа-Новой Гвинеи, Перу, Польши, России, США, Сьерра-Леоне, Таиланда, Тибета, Филиппин, Чили, Экваториальной Гаити, ЮАР). Они выполнили 130 переводов на 62 языка, на 56 из которых поэзия Владимира Высоцкого была переведена впервые.

В проекте представлены: Akan (Twi), Archi, Assamese, Bodo, Bube, Burmese, Cape Verdean Creole, Cebuano, Chewa, Chulym, Dagaare, Dogri, Even, Fante, Georgian, Greek, Gujarati, Haitian Creole, Hausa, Hiligaynon, Hindi, Igbo, Ilokano, Indonesian, Kannada, Kashmiri, Katsky dialect, Ket, Khmer, Konkani, Krio, Krymchak, Maithili, Malayalam, Maltese, Manipuri, Maori, Mapuche, Marathi, Nepali, Nigerian Pidgin, Odia, Oroch, Papiamentu, Podhale dialect, Punjabi, Quechuan (Runa simi), Rajasthani, Sanskrit, Santali, Sindhi, Sundanese, Tagalog, Tamil, Telugu, Thai, Tibetan, Tok Pisin, Udi, Xhosa, Yoruba, Zulu.

Что особенно отрадно (ибо речь идет не о погоне «за количеством» языков, а о том, чтобы поэзия столь выдающегося автора, как Владимир Высоцкий, вводилась в языковой и культурный оборот стран, в которых не знают не только эту поэзию, но нередко и русскую литературу, как таковую, и даже европейскую литературу, и чтобы вводилась в культурный оборот талантливыми и знаменитыми поэтами, переводчиками), произведения В. Высоцкого перевели в рамках третьего этапа проекта столь знаменитые писатели, как Namloyak Dhungser, Ajmer Rode, Peter Solis Nery, Godi Suwarna, Manuel Monteiro da Veiga (он же - министр культуры Республики Кабо-Верде), Maria Ines Huenuñir Antihuala и ряд других знаменитостей.

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОГО ИНТЕРНЕТА ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ПРЕДМЕТОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ЦИКЛА

- www.catalog.iot.ru - Каталог образовательных ресурсов сети Интернет
- www.lexed.ru - Федеральный центр образовательного законодательства
- collection.edu.ru - Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов
- www.window.edu.ru - Единое окно доступа к образовательным ресурсам
- www.rusedu.ru - Архив учебных программ и презентаций
- www.rus.1september.ru - Этот раздел для учителей, созданный на основе материалов опубликованных в газете «Литература»
- www.riash.ru - Русский язык в школе
- litervsh.ru - Журнал «Литература в школе»
- www.openclass.ru - Открытый класс
- www.mlis.ru - Методико-литературный сервер
- www.zavuch.info - Это площадка для обмена опытом, общения и коммуникации работников системы образования.
- www.proshkolu.ru - Все школы России
- www.ict.edu.ru - ИКТ в образовании
- www.it-n.ru - Сеть творческих учителей
- www.pedsovet.org - виртуальное сообщество взаимопомощи. Идея сайта: «Учитель, помоги учителю!»
- www.vsekonkursy.ru - Все конкурсы, гранты, стипендии и конференции
- www.rm.kirov.ru - Международная игра-конкурс «Русский медвежонок - языкознание для всех»
- www.svetozar.ru - Открытая международная олимпиада школьников по русскому языку «Светозар»

- www.gramota.ru - Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ - русский язык для всех
- www.gramma.ru - Культура письменной речи
- www.alleng.ru - Образовательные ресурсы Интернета - школьникам и студентам.
- www.yamal.org - ИА Север-Пресс - Новости Ямала
- www.mirslovari.com - Словари и энциклопедии
- www.vslovar.ru - Визуальный словарь
- ru.wikipedia.org - Википедия
- www.muzeum.ru - Перечень российских литературных музеев
- www.crazymama.ru - Сайт для мам
- rusmir.philartr.spbu.ru - Звуковая энциклопедия русской культуры
- www.auguo.com - Русская классическая литература. Звуковые записи для свободного некоммерческого использования
- ateatr.pro - Аудио театр
- www.briefly.ru - Коллекция произведений русской и зарубежной литературы в кратком изложении
- www.ucheba.ru - Коллекция рефератов
- www.library.ru - Виртуальная справка
- magazines.russ.ru - Электронная библиотека современных литературных журналов
- www.netslova.ru - Сетевой литературный журнал, электронная библиотека и лаборатория сетевых литературных исследований.
- www.fipi.ru - Научные разработки
- www.ege.edu.ru - Официальный информационный портал (видеоконсультации по ЕГЭ)
- <http://www.statgrad.org> - Каталог статей системы размещения публикаций и справочной информации «Город статей» - Статград.
- www.hi-edu.ru - Московский государственный университет печати, аудиолекции по литературе
- interneturok.ru - Видеоуроки по основным предметам школьной программы (1-11 классы)

- infourok.ru - Конспекты уроков, презентации, тесты, видеоуроки и другие материалы по предметам школьной программы. Возможность добавить и скачать работы.
- didaktor.ru - Дидактика, мультимедийные уроки и педагогическая техника
- saharina.ru - Образовательный сайт учителя русского языка и литературы Захарьиной Елены Алексеевны. Интерактивные технологии в образовании
- www.drofa.ru - Издательство «ДРОФА»
- русское-слово.рф - Издательство «Русское слово»
- www.vgf.ru - «Вентана-граф» - издательский центр
- www.prosv.ru - Издательство «Просвещение»

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ

ИЗ ИСТОРИИ 35-ОЙ ГИМНАЗИИ В СОФИИ

35-ая гимназия с преподаванием на русском языке в Софии начала свою работу в 1950-1951 учебном году. Указ об ее открытии был опубликован в самом начале 1951 года.

Первыми преподавателями были группа учителей, командированных из Москвы, а также группа болгарских учителей. Первым директором школы был **Алексей Васильевич Рыков**. После него директором стал его заместитель **Борис Николаевич Орлов**.

Командированные учителя из Советского Союза оставались в Болгарии до 1956 года, когда Министерство образования в Москве решило отозвать своих преподавателей с объяснением, что в Болгарии есть уже достаточно учительниц, которые были замужем за болгарам.

После **Б.Н. Орлова** директором 35-ой гимназии стала **Параскева Карагюлева**, которая осталась на посту до 1959 года, когда директорский пост занял **Петр Станчев**.

Вместе с командированными коллегами, начало гимназии поставили **Мария Михайлова, Гинка Пчеларова, Сираков, Райна**

Тихолова, Саша Малинова, Ана Ковачева, Людмила Генова, Параскева Вербанова, Т. Дамянова, Александр Брижицки, Всеволод Белин, Симона Львовна Ерш и др.

Учительницами начальных классов были **Вера Карасветова, Нина Бендерева, Нина Николова, Юлия Михова.**

При гимназии существовало три пансиона. Самый крупный пансион, который принимал учеников из всей Болгарии почти до середины 60-ых годов, находился на улице имени Христо Михайлова. Директором пансиона был **Богомил Иванов**, при пансионе работали 10 воспитателей.

В конце 50-ых годов в здании школы на улице «Стара планина» разместилась и английская гимназия.

В 1963-1964 гг. 35-ая гимназия была разделена на гимназию и основную школу. Обе школы существовали под единым номером 35.

35-ая гимназия начала свою работу в районе «Лозенец» в Софии, на ул. им. Добри Войникова.

Основная школа начала работу на ул. «Преспа». Сначала директором был **Хаим Израель**, после него директором стала **Радка Македонова**. Позднее школа переместилась на улицу им. Шишмана, №1. В 1972 г. под руководством **Радки Македоновой** была основана 133 школа с преподаванием на русском языке.

Прием в 35-ую гимназию проводился на основе конкурса как в английскую, французскую и немецкую гимназии, что впоследствии продолжилось.

После 1982 года языковые гимназии принимали учеников только из города Софии. Постепенно после 60-ых годов открылись школы с преподаванием на русском языке в таких городах, как Стара Загора, Пловдив, Плевен, Варна и др., где для них были построены красивые здания.

35-ая гимназия всегда принимала постоянное количество классов – семь классов. Выпускники 35-ой гимназии всегда получали очень хорошую подготовку. Они трудятся во всех сферах культурной, научной и образовательной жизни: среди них много врачей, инженеров, научных работников и общественников, экономистов, бизнесменов, журналистов, артистов. МЫ,

ПРЕПОДАВАТЕЛИ, ИМИ ГОРДИМСЯ, И ОНИ ТАКЖЕ ГОРДЯТСЯ СВОЕЙ ШКОЛОЙ!

Учителя 60-ых, 70-ых, 80-ых годах, оставившие яркий след в жизни своих воспитанников – **Мая Лазаревна Шестакова, Зоя Тимофеевна Лилова, Тамара Николаевна Стайчева, Анна Малинова, Нина Денисовна Стойкова, Нели Сергеевна Геозелян, Аврора Устинова, Алла Васильевна Иванова, Александр Мичри, Елза Александровна Дейнекина, Тамара Александровна Терпешева, Тамара Федоровна Атанасова, Евгения Ивановна Шаварска, Нели Григорьевна Иванова, Красимира Мирчева.**

Всем нам, бывшим учителям и ученикам, дорого имя нашей гимназии. Мы живем эмоциями прошлого и надеждами на будущие успехи нашей гимназии.

(продолжение следует)

Рис.1. Слева – директор 35-ой гимназии Петр Станков – 20-ая годовщина школы, справа – Илияна Бозарова, учительница русского языка и литературы

Илияна Бозарова

Ю Б И Л Е И

ДОКТОРУ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ СТЕФАНЕ ПЕТРОВОЙ ДИМИТРОВОЙ 80 ЛЕТ

В августе 2015 года выдающемуся ученому-лингвисту, профессору Стефане Петровой Димитровой исполнилось 80 лет. Спектр ее научных интересов очень широк. Филологам разных специальностей она известна многочисленными работами в области общего и сопоставительного языкознания, лингвистики текста, лингвистической типологии, морфологии, акцентологии, семантики, детской лингвистики, психолингвистики, лингвистической прагматики, болгарского и славянского языкознания.

Профессор С. П. Димитрова – опытный и авторитетный ученый-лингвист с разносторонними научными интересами и оригинальными идеями. Человек исключительной эрудиции и огромных знаний. Владеет русским, польским, английским, немецким, французским; пользуется всеми славянскими языками, хинди, санскритом, латинским, древнегреческим.

С. П. Димитрова родилась 13.08.1935 г. в городе Сливен в семье писателя Петра Димитрова-Рудара и переводчицы Божаны Михайловой Димитровой. В 1953 г. окончила школу с преподаванием на русском языке в Софии с золотой медалью. Высшее образование получила в Москве на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова по специальностям «Русский язык и литература» и «Общее и прикладное языкознание». Окончив университет с отличием, С.П. Димитрова поступила в аспирантуру и в 1967 году под руководством проф. В.А. Звегинцева, защитила кандидатскую диссертацию на тему «Аспекты в гипотезе Сепира – Уорфа». С 1971 г. – доцент, в 1980 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Пресуппозиции дискурса», с 1983 г. – профессор.

Профессор С.П. Димитрова является основателем кафедры русского языка и литературы Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского и ее руководителем в течение многих лет.

Ее лекции пользуются неизменным успехом не только в Болгарии, но и во многих ведущих университетах мира. С.П. Димитрова работала в качестве гостевого профессора в Польше – г. Лодзь (1983-1984 гг.) и в Германии – г. Геттинген (1997-2000 гг.). Читала лекции почти во всех европейских странах и в США. В настоящее время проводит в Софийском университете лекционные занятия по курсу «Введение в общее языкознание», в Пловдивском университете – по курсам «Русская морфология», «Славянская акцентология», «Сравнительная грамматика». В Великотырновском университете, кроме «Лингвистики текста», читает магистрам два исключительно интересных лекционных курса: «Языковая демагогия» и «Лингвистика лжи». Участвует в проведении магистерских программ в Шуменском университете. Является научным руководителем дипломных и диссертационных работ.

С 1986 г. С. П. Димитрова работает в Институте болгарского языка при Болгарской академии наук, где в течение 10 лет руководит Секцией общего и прикладного языкознания. Она является инициатором и организатором постоянно действующего при Институте международного семинара по теоретическому языкознанию, в котором, кроме болгарских лекторов, принимали участие Р. Харвег (Германия), А. Бондарко (Россия), Л. Талми (США) и др.

Профессор С. П. Димитрова – один из основателей журнала «Болгарская русистика» и на протяжении 13 лет была заместителем главного редактора, отвечающим за рубрики «Лингвистика» и «Методика обучения иностранному языку». Она член редколлегии выпусков «Българско езикознание» (БАН) и «Чуждестранна лингвистика» («Наука и изкуство»), болгарских журналов «Съпоставително езикознание» и «Чуждоезиково обучение», а также международного журнала «Stylistyka» (Польша).

С.П. Димитрова получила заслуженное признание за свою деятельность в области образования. Она награждена орденом «Кирилла и Мефодия» I ст., юбилейной медалью «1300 лет Болгарии», юбилейной медалью «50 лет лесотехнической науке» и почетным нагрудным знаком с синей лентой Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского.

За свои научные исследования профессор С.П. Димитрова многократно удостоивалась как в стране, так и за рубежом различных наград от Международной лингвистической дирекции в Гааге, Болгарской академии наук, МАПРЯЛ, Министерства образования и науки Болгарии. Награждена также почётной грамотой Опольского университета (Польша).

Количество публикаций, связанных с именем профессора С.П. Димитровой, насчитывает около 500, среди которых отметим восемь самостоятельных монографий; пять коллективных монографий, где С. П. Димитрова является составителем, научным редактором, автором концепции и соавтором; два словаря: Русско-болгарский фразеологический словарь (в соавторстве) и Шестязычный лесотехнический словарь, в котором она является автором концепции и терминов на болгарском, русском, английском и латинском языках; три учебника (из которых один переиздавался два раза, другие два – по четыре раза в переработанном виде); одно учебное пособие по морфологии русского языка (в соавторстве) и две хрестоматии: по лексикологии и по морфологии русского языка; множество научных статей, докладов и рецензий; перевод с русского на болгарский язык трех книг, нескольких рассказов и фельетонов.

Профессор С.П. Димитрова внесла огромный вклад в лингвистическую науку: ввела в болгарское языкознание термин пресуппозиция и разрабатывает вопрос о пресуппозитивной основе высказываний в тексте. Она является автором первой у нас книги о лингвистике текста («Текст и подтекст. Наблюдения над пресуппозицией в руския дискурс») и научным редактором первого сборника, посвященного этому вопросу («Лингвистика на текста»). С.П. Димитрова автор первых публикаций о лингвистическом структурализме: статья «Структура, структурализм, структурный и структуральный анализ», монография «Квантитативните и структурални методи в изкуствовознанието» и др. Она руководит первыми прагматическими исследованиями на текстовом уровне («Прагматика на текста»). Вводит в болгарскую лингвистику также тему о языковой демагогии и о лингвистической относительности – в книге «Языковая демагогия». На съезде славистов в Кракове (1998 г.) предлагает для обсуждения термин «второй семантический план»,

который с тех пор неоднократно цитируется как введенный ею. В качестве основной лингвистической заслуги в рецензиях, опубликованных у нас и за рубежом, признается ее теория об асистемности в языке и о антисистеме как движущей силе языковой эволюции – в книге «Исключения в русском языке».

Судьба профессора С.П. Димитровой уникальна. Она – первый болгарский Доктор хонорис кауза болгарского университета; первый болгарский русист-языковед доктор филологических наук и первая у нас женщина-языковед с этой научной степенью. Профессор С.П. Димитрова – единственный болгарский ученый, читающий спецкурс по славянской акцентологии; опубликовавший статью в выпуске «Новое в зарубежной лингвистике» (т. XV); проводивший экзамены магистров в Геттингене в качестве председателя госкомиссии; ставший членом Американского лингвистического общества. Она также вместе с тремя болгарскими учеными является членом Европейского лингвистического общества. Профессор С.П. Димитрова уже более 30 лет автор и рецензент в международном журнале «Russian Linguistics», выходившем в Вене – Клагенфурте под редакцией А. Исаченко и позже В. Лефельдта.

Долгие годы она была членом специализированного научного совета по языкознанию при Высшей аттестационной комиссии. Теперь, когда научный совет упразднен, объективность, доброжелательность и в первую очередь компетентность профессора С. П. Димитровой делают ее желанным рецензентом и консультантом для болгарских лингвистов.

Для своих коллег С.П. Димитрова является примером настоящего и серьезного ученого: организованного, работоспособного, пытливого, умеющего понятно изложить оригинальную идею.

Поблагодарим профессора С.П. Димитрову за все то, что она делает для болгарской русистики, поздравим ее с юбилеем и пожелаем ей дальнейших творческих успехов, доброго здоровья, душевных и физических сил, радости жизни, а также счастья от общения с родными ей людьми.

Г.Н. Гочев, С.П. Гочева

IN MEMORIAM

КОНСТАНТИН ПОПОВ (1923 – 2015)

2 сентября 2015 г. попрощался с этим миром доц. д-р Константин Георгиев Попов, преподаватель русского языка Софийского университета им. Св. Кл. Охридского, один из дуаиенов болгарской русистики.

Константин Попов прожил долгую жизнь, полную превратностей, человеческих радостей и профессиональных успехов. Он родился в 1923 г. в с. Сестримо, Пазарджикского округа. Окончил Духовную Семинарию в Софии, участвовал во Второй мировой войне, проработал год учителем в гимназии в г. Белово, а в 1946 г. его жизнь свернула в новом направлении – он поступил на новооткрытое в Софийском университете отделение Русской филологии. В составе первого выпуска новой специальности К. Попов окончил университет с отличием (1950 г.) и встал на поприще преподавателя и исследователя русского языка и культуры. Преподавал русский язык в Военно-инженерном училище (София – Свиштов), а потом – в Высшем финансово-экономическом институте в Свиштове. Осенью 1959 г. К. Попов поступает на работу в Софийском университете, где и остается до пенсии. Основные вехи его профессионального развития: соискательство при Факультете славянских филологий (1968 г.), получение звания доцента (1975г.), курсы по повышению квалификации в Институте русского языка им. А.С. Пушкина в Москве (1961г., 1981г.), специализации в Праге (1966 г.) и в Институте мировой литературы им. А.М. Горького в Москве (1973 г.), работа в качестве приглашенного профессора в университете в г. Лодзь, Польша (1989 г., 1996 г.), участие в многочисленных конгрессах, конференциях, семинарах и т.д. в Болгарии и за рубежом. Специально следует отметить причастность К. Попова к становлению Высшего педагогического института в г. Шумене. В течение 10 лет (1975 – 1985г.г.) он преподает в новосозданном вузе стилистику русского языка, с 1975 г. по 1977 г. занимает должность заместителя декана Филологического

факультета. В 1988 г. К. Попов становится членом Специализированного научного совета по языкознанию при ВАК.

Доц. К. Попов состоял в ряде профессиональных организаций – был активным членом Общества русистов Болгарии (1967г.), Союза научных работников Болгарии (1981г.), Союза болгарских журналистов (1980 г.), Ассоциации болгаристов в США (1988 г.), Общества социолингвистов Болгарии (1999 г.).

Творчество доц. К. Попова объемно и многообразно. Оно включает 19 монографий, учебников, учебных пособий, хрестоматий, брошюр, около 200 статей, лингвистические заметки, портреты, воспоминания, интервью (ок. 70), публицистические статьи (более 50), эссе, рассказы, путевые записки (более 200), 10 переведенных книг¹. Немало его работ опубликовано за рубежом: в России, Беларуси, Польше, Чехии, Словакии, Хорватии, Германии, США. За свои монографии «Типичные для болгар трудности в русском языке» и «Етюди по българска стилистика» К. Попов удостоен награды Союза ученых Болгарии соответственно в 1983 г. и в 2000 г. Союз болгарских журналистов вручил ему свою Почетную награду «Золотое перо» в 2008 г. за книгу «Неугасим пламък». И все-таки в многообразии его интересов выделяется несколько основных сфер: методика преподавания русского языка как иностранного, стилистика и языкознание.

Основная часть преподавательской жизни К. Попова прошла в аудиториях Юридического факультета СУ. Здесь он черпал материал для своих методических разысканий, здесь со своим талантом обвораживал студентов – нынешних юристов и государственных деятелей, открывая им красоту русского языка и русской культуры, здесь он оставил свою душу! Среди методических работ К. Попова (учебников, хрестоматий, статей и т.д.) основное место безусловно занимает монография «Типичные для болгар трудности в русском языке», выдержавшая 4 издания (1967, 1974, 1982, 2002гг.), одно из которых (3-е) вышло в Москве в престижном издательстве «Русский язык». В ней сделана попытка описать основные расхождения между русским и болгарским языками на уровне фонетики (произношение,

¹ Полную библиографию работ К. Попова до 2002 г. см. в «Доц. д-р Константин Попов на 80 години». София: Издателство на Съюза на учените, 2003, 65-114.

ударение), морфологии (по частям речи), синтаксиса (порядок слов, словосочетание, предложение, пунктуация) и лексики (омонимы, паронимы, различия в сочетаемости). И хотя книга имеет методическую установку, направлена на выявление трудностей при изучении русского языка болгарскими и на их преодоление, она во многом похожа на сопоставительную грамматику русского и болгарского языков. Сжатое и вместе с тем детальное изложение материала превращает монографию в полезный справочник для преподавателя русского языка любого уровня.

Большая научная страсть доц. К. Попова – это стилистика. Стилистика русского и болгарского языков. И это неудивительно. Вряд ли можно найти область филологического знания, которая бы лучше гармонировала с его душевным миром, с его чувствительностью. Интерес к стилистике К. Попов проявляет еще в 50-ые гг. XX в., выбирая тему для своей кандидатской диссертации – «Язык и стиль Константина Паустовского». С этим выдающимся автором и стилистом К. Попов не «расстанется» всю жизнь. Кроме диссертации, он посвящает ему множество статей. За большой вклад в изучение творчества писателя К. Попов был объявлен Почетным членом музея К. Паустовского в Москве (2003 г.). Доц. Попов оставил углубленные лингво-стилистические наблюдения и над произведениями других русских писателей: М. Горького, И.С. Тургенева, Л.Н.Толстого, М.Ю. Лермонтова, Л. Озерова, М. Цветаевой, В. Шукшина и др. Не обошел вниманием и болгарских мастеров художественной речи – изучал творчество Хр. Ботева, И. Вазова, Л. Каравелова, Д. Дебелянова, Е. Пелина, Н. Вапцарова, П. Дубаровой и многих других. Его наблюдения над языком болгарских авторов обобщены в монографии «Етюди по българска стилистика» (1999 г.), а также в книге «Етюди върху стила на български автори» (2002 г.), предназначенной для школьников.

В своих работах К. Попов выступает не только как исследователь, ученый, но и как писатель – его язык поэтичен, красочен. Он охотно пишет эссе, статьи на морально-этические темы. Особенно в последних десятилетиях своей жизни. В этом отношении привлекает внимание его книга «Камбаната на времето» (1997 г.),

содержащая воспоминания автора, эссе, короткие рассказы, публицистические статьи и т.д.

В воспоминаниях своих коллег и учеников доц. К. Попов останется не только как прекрасный преподаватель и активный исследователь, но и как очень деятельный человек, который до последнего своего часа упорно работал, не порывая связь с научным сообществом и с Софийским университетом. Он часто приходил в университет. Его посещения были словно дуновение ветра – постучит, поздоровается, оставит копию очередной своей статьи с просьбой прочитать, расскажет какой-нибудь актуальный анекдот и торопливо уйдет. Он ценил время – свое и чужое. Так разговаривал и по телефону – минуту-две, чтобы не отнимать у собеседника много времени. Доц. К. Попов запомнится нам как неисправимый оптимист, энтузиаст и мечтатель, как человек, который умел видеть красоту во всех проявлениях природы – в цветке, в закате солнца, в женском лице.... Он любил жизнь, она была для него «самой большой фантазией». Высоко ценил добро и жил по его законам. «Благороднейший человек» – в его устах это была самая высокая похвала. Думаю, он сам ее в высшей мере достоин!

Светлая ему память!

Цветана Ралева

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА ПОПОВА!

Я искренне скорблю и передаю соболезнования родным, близким и коллегам дорогого мне друга Константина Попова, которого не стало. Счастливая судьба связала нас на долгие годы с тех пор, когда Костя дважды по приглашению руководства Института русистики приезжал в Лодзинский университет в качестве преподавателя на контрактной основе. Мы часто подолгу с ним беседовали и обсуждали различные филологические темы, встречались у нас дома в Згеже и гуляли по лесным тропинкам. Хочу отметить, что рассуждения Константина, как специалиста по

стилистике и другим дисциплинам, были для меня важными и ценными указаниями и рекомендациями в научных разысканиях.

С тех пор прошло много лет, но все это время мы регулярно поддерживали связь, постоянно переписывались и разговаривали по телефону. На прошлой неделе в среду я позвонил, узнав от Вески, что Костя в больнице. Был огорчен этим известием и просил передать ему от нас добрые пожелания. Надеялся на благополучный исход, но увы..!

В мае 2013 года я приезжал в Софийский университет с лекциями по программе мобильности Эразмус. Всю неделю я провел в сопровождении Константина, который познакомил меня с родным городом, факультетом, коллегами-преподавателями и студентами. Я гостил у него дома, Веска угощала болгарскими блюдами и я за гостеприимным столом провел с ними несколько счастливых часов. Мы с Константином посещали музеи и выставки, поехали в очаровательный парк и я чувствовал его постоянную заботу в дни моего пребывания в Софии. Я надеялся, что мы еще встретимся, но этому не бывать, поскольку жизнь Константина резко оборвалась.

На полках моей домашней библиотеки имеются его многочисленные статьи, а также книги – литература для учащихся школ, различные учебники по лексикологии и пособия для преподавателей и студентов вузов. Я неоднократно рекомендовал его статьи по семантике и стилистике художественного текста своим студентам в Лодзи, которые затем анализировались на магистерском семинаре или других занятиях. Я храню и берегу также нашу многолетнюю переписку обогащенную каждый раз эссе Константина.

В моем представлении яркая жизнь Константина Попова – это настоящий трудовой подвиг, образец неутомимого служения науке и просвещению, творческого отношения к делу, пример высокой нравственности и гражданственности. Именно на таких ученых, как Константин Попов, в чем я уверен, и держится академическая наука.

В более официальных тонах мне хочется подчеркнуть, что авторитет Константина Попова в научном мире очень высок. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки на его монографии, учебники, а также учебные пособия. Его статьи по различным

проблемам лингвистики опубликованы не только в издательствах родной Болгарии, но также в престижных журналах России, Польши, Германии, США и других стран. Горжусь тем, что несколько статей вышло в нашей совместной разработке.

Необычайно широким был круг научных интересов доцента Константина Попова, но преобладали вопросы стилистики, функциональных стилей, языка художественной литературы, культуры речи, ораторского искусства, лексикологии, ономастики, этимологии, социолингвистики.

Хочу также отметить, что Константин Попов был талантливым ученым-педагогом. Он прекрасно читал лекции, интересно проводил занятия, тщательно и ответственно готовился к каждой встрече со студентами, магистрантами, аспирантами. Я лично в этом убедился, слушая доклады на нашей кафедре и посещая его занятия болгарского языка, которые были организованы для наших студентов и преподавателей.

Хочется выразить уверенность, что многочисленные ученики Константина, ставшие признанными учеными, опытными преподавателями вузов и средней школы, известными работниками культуры, будут долго хранить светлую память о Константине Попове – Ученом, замечательном Человеке, настоящем Мастере своего дела, безупречном Друге и Коллеге. В Лодзи мы всегда осознавали и ценим его самоотверженное служение науке, глубину его знаний, широту культурного кругозора, увлеченность и беззаветную преданность любимому делу – филологии, что и всегда привлекало к нему коллег и академическую молодежь. Низкий Тебе поклон от нас, дорогой Костя!

От имени друзей и коллег из Института русистики Лодзинского университета – Ярослав Вежбиньски, завкафедрой языкознания, директор Института.

Лодзь, 6 сентября 2015 г.

Ярослав Вежбиньски

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аврамова Валентина – д-р, проф. кафедры русского языка Шуменского университета им. Еп. Константина Преславского (Шумен, Болгария) valentav@abv.bg

Андрюшина Наталья Павловна – канд. фил. наук, доц. Института русского языка и культуры МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) msu-andrushina@yandex.ru

Арсеньев Алексей Борисович – потомок русских эмигрантов первой волны. Исследователь жизни и деятельности русской эмиграции в Сербии (Нови-Сад, Сербия) arsenjev@neobee.net

Афанасьева Ирина Николаевна – ст. преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) irinafanasyeva@mail.ru

Бадагулова Галия Мултаевна – канд. фил. наук, доц. кафедры «Казахский и русский языки» Алматы Менеджмент Университета (Алматы, Казахстан) gal5728@gmail.com

Бирова Илка Любенова – д-р, доц. кафедры русского языка Софийского университета им. Св. Климента Охридского (София, Болгария) Iпка31@abv.bg

Бозарова Илияна – заслуженный учитель Болгарии; директор 35-ой гимназии с преподаванием на русском языке в Софии с 1980 г. по 1990 г. (София, Болгария)

Вежбински Ярослав – д-р фил. наук, проф. гуманитарных наук кафедры языкознания Лодзинского университета, Института русистики (Лодзь, Польша) jarekw@uni.lodz.pl

Виноградова Екатерина Николаевна – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) ekaterinavin@mail.ru

Гезенко-Берова Любовь Ивановна – преподаватель и директор Учебного центра дополнительного образования "Русская школа" (София, Болгария) russiancollege@abv.bg

Гочев Гочо Недев – д-р, проф. кафедры русистики Великотырновского университета им. Святых Кирилла и Мефодия (Велико-Тырново, Болгария) gochev_g@abv.bg

Гочева Сийка Петкова – д-р, доц. кафедры русистики Великотырновского университета им. Святых Кирилла и Мефодия (Велико-Тырново, Болгария) sgocheva@abv.bg

Дмитренко Наталия Пятрасовна – канд. фил. наук, доц. кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации Нижегородского гос. лингв.ун-та им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия) nat-dm@yandex.ru

Дунаева Лариса Анатольевна – д-р пед. наук, проф. кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) dunaevalar@gmail.com

Захариева Ирина Петровна – д-р, доц. кафедры русской литературы Софийского университета им. Св. Климента Охридского (София, Болгария) irina_zaharieva@abv.bg

Зимна Марлена – д-р, высококовед, директор Музея Вл. Высоцкого, Ин-тута Вл. Высоцкого (Кошалин, Польша) museum@wysotsky.com

Клобукова Любовь Павловна – д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) klobukov@list.ru

Коростова Светлана Владимировна – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия) svetolen@yandex.ru

Котюрова Мария Павловна – д-р фил. наук, проф. кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия) kotiuropa@yandex.ru

Красильникова Лидия Васильевна – д-р пед. наук, доц., зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) likras@mail.ru

Кушнина Людмила Вениаминовна – д-р фил. наук, проф. кафедры иностранных языков, теории и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия) lkushnina@yandex.ru

Кынева Виктория Гочева – д-р, гл. асс. кафедры классических и восточных языков и культур Великотырновского университета им. Св. Кирилла и Мефодия (Велико-Тырново, Болгария) vgotcheva_g@mail.bg

Лесневска Димитрина Спасова – д-р, доц. кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики Университета национального и мирового хозяйства (София, Болгария) dimitrina_lesnevaska@abv.bg

Макарова Ольга Васильевна – канд. пед. наук, преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) ovmakarova@mail.ru

Марич Биляна – д-р фил. наук, доц. кафедры славистики филологического факультета Белградского университета (Белград, Сербия) biljanav@mail.ru

Марченко Татьяна Вячеславовна – д-р фил. наук, зав. отделом культуры Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва, Россия) tvmarch@mail.ru

Методиева Атанаска Симеонова – преподаватель болг. яз. и лит. в школе „Alex academy» в Софии, Болгария; докторант Юго-западного ун-тета (Благоевград, Болгария) atanaskametodieva@gmail.com

Мороз Иосиф Наумович – д-р, доц. фак. Славянской филологии Софийского университета им. Св. Климента Охридского (София, Болгария) josif_mo@abv.bg

Московский Олег Викторович – канд. фил. наук, доц., ассистент-профессор Университета китайской культуры (Тайбэй, Тайвань, Китайская республика) olvimos@mail.ru

Ралева Цветана Христова – д-р, доц. кафедры русского языка Софийского университета им. Св. Климента Охридского (София, Болгария) tzvetanar@abv.bg

Солнцева-Накова Екатерина Васильевна – редактор при факультете Славянских филологий Софийского университета им. Св.Климента Охридского (София, Болгария) solnceva@yahoo.com

Спасова Римма Аркадьевна – д-р, доц. кафедры русского языка Софийского университета им. Св. Климента Охридского (София, Болгария) gimmas@mail.bg

Стенина Наталья Семеновна – канд. пед. наук, доц. кафедры русского и иностранных языков Московского академического художественного института имени В.И. Сурикова (Москва, Россия) natsten@yandex.ru

Стойкова Надежда Стойкова – преподаватель русского языка Шуменского университета им. Еп. Константина Преславского (Шумен, Болгария) stoikovans@abv.bg

Тарева Елена Генриховна – д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой французского языка и лингводидактики Московского городского педагогического университета (Москва, Россия) elenatareva@mail.ru

Терзиева Татьяна Васильевна – ассистент Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского (Шумен, Болгария) tatianavasilevna_76@abv.bg

Филатова Елена Алексеевна – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) elafil@mail.ru

Чекалина Валерия Львовна – канд. фил. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) valery_@mail.ru

Яценко Ирина Иосифовна – канд. пед. наук, доц. кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) irinayat@mail.ru

---

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: bolgrusistika@gmail.com. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются материалы на русском языке.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, шрифт 12.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На русском языке (*данные автора: Имя Отчество Фамилия, Название организации, Город, Страна, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*), а затем на английском языке (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*), напр.:

Вера Иванова Петрова
СУ им. Св. Климента Охридского
София, Болгария
(шрифт 11)

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

(шрифт 12)

Аннотация: шрифт 11, до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: шрифт 11, не более 10 слов

Vera Ivanova Petrova
Sofia University St. Kliment Ohridski
Sofia, Bulgaria
(шрифт 11)

THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE (шрифт 12)

Abstract: шрифт 11, до 800 знаков с пробелами

Keywords: шрифт 11, не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на русском языке: шрифт 12, объем: до 20 000 знаков с пробелами.

Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, шрифт 10. Библиографические ссылки — в квадратных скобках [Фамилия автора, год издания, стр.], например: [Петров 2007], [Иванов 2014: 43], [Ефимова 2000: 60–72]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 шрифт).

Список литературы — шрифт 11, в конце статьи без нумерации, фамилии авторов в алфавитном порядке (сначала на кириллице, потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Литература оформляется следующим образом:

ЛИТЕРАТУРА

Максимов, Голубева 2010 – Русский язык и культура речи. Учебник / Ред. Максимов В.И., Голубева А.В. Санкт-Петербург: Златоуст. – 382 с.

Формановская 2002 – *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. Москва: Русский язык. – 216 с.

Целищев, Карпович, Поляков 1982 – *Целищев В.В., Карпович В.Н., Поляков И.В.* Логика и язык научной теории. Новосибирск: Наука. – 189 с.

Черникова 2011 – *Черникова И.В.* Типология науки в контексте современной философии науки // Вопросы философии. № 11. – С.71–79.

Krier 1979 – *Krier Rob. Urban space. New York: Rizolli international publications.* – 174 p.

После списка литературы следует **резюме статьи** – шрифт 11, до 800 знаков с пробелами на **болгарском языке**, а также, ключевые слова статьи, переведенные с русского на болгарский язык (этот материал составляется редколлегией), напр.:

Вера Иванова Петрова

ИЗРАЗИТЕЛНОСТ НА СЪВРЕМЕННИЯ ПОЛИТИЧЕСКИ ЕЗИК

Резюме

Текст....

Ключови думи: ....

ОФОРМЛЕНИЕ РЕЦЕНЗИЙ

Рецензия на русском языке – шрифт 12, объем: до 8 000 знаков с пробелами. Заглавие рецензии – точные данные рецензируемого труда. Данные автора помещаются после текста, напр.:

**Елена Андреевна Брызгунова. ЗВУКИ И ИНТОНАЦИЯ
РУССКОЙ РЕЧИ. М.: Русский язык, 1977. – 281 с.**

Текст, текст....

Ирина Иванова Петрова
ЮЗУ им. Неофита Рильского
Благоевград, Болгария

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

Редколлегия

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bolgrusistika@gmail.com